

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МАГОМЕДОВА
Эльвира Джавадовна

ФОНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ БУРКИХАНСКОГО ДИАЛЕКТА
АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Специальность 10.02.02 – языки народов России (кавказские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук,
профессор Загиров З.М.

Махачкала 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ФОНЕТИКА БУРКИХАНСКОГО ДИАЛЕКТА	17
Вокализм	17
Консонантизм	29
ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЯ БУРКИХАНСКОГО ДИАЛЕКТА	58
Имя существительное	60
Имя прилагательное	81
Имя числительное	84
Местоимение	89
Глагол	99
Наречие	123
Союзы	127
Частицы	128
Междометия	128
ГЛАВА III. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БУРКИХАН- СКОГО ДИАЛЕКТА	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	141
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	143

ВВЕДЕНИЕ

Буркиханский (или гекхунский, гехюнский) диалект занимает западную периферию агульского языка, гранича на юго-западе с керенским, а на юго-востоке и севере с собственно агульским диалектам. На северо-западе буркиханский диалект граничит с даргинским языком. В некоторых историографических работах прошлого века буркиханцев, равно как и цирхинцев, по ошибке относили к даргинцам. До Октября жители села Буркихан¹ входили в состав Казикумухского ханства, что отразилось в их быте и культуре, а также в языке. Некоторые следы влияния лакского языка на буркиханский диалект прослеживаются в лексике.

Изучение буркиханского диалекта началось с конца прошлого века. Первые материалы по буркиханскому и кошанскому диалектам опубликовал Р.Эркерт в сводной работе «Die Sprachen des kaukasischen Stammes» [Erckert 1895: 32–42]. Материал в этой работе изобилует неточными записями и состоит из списка слов, оборотов речи, а также грамматического очерка, который занимает всего лишь две страницы. Как отмечает Е.А. Бокарев, «материал, приведенный в книге Эркerta, очень недостоверен и полон грубых ошибок. Несовершенная и непоследовательная транскрипция делает факты языка совершенно неузнаваемыми» [Бокарев 1961: 26].

А.А.Магометов считает, что «В работе Р.Эркerta, ... встречаются наряду с явно непригодными записями и более-менее удачные в отношении точности записи», и далее заключает: «наряду с неточностями в материалах Эркerta имеются и положительные наблюдения» [Магометов 1970: 9–10]. Он подвергает подробному анализу работу Р.Эркerta. Комментируя те или иные положения, выдвинутые Р.Экертом, и положительно оценивая их, А.А.Магометов

¹ Село Буркихан (БуркИхан) расположено на северо-западе в шести километрах от районного центра (с. Тпиг) у левого берега небольшой реки (*Гаьхьуьнарин нецІв*), впадающей в *Чирагчай*. Имеются и другие названия села – *Гаьхьуьн*, *Даьхьуьн*.

расширяет материальную базу его построений за счет данных других диалектов, которыми не располагал Р.Эркерт. Он дополняет и уточняет некоторые его выводы (См., например, дополнения относительно различения форм инклюзива и эксклюзива, наблюдающегося в керенском диалекте, или наличия в агульском языке наряду с десятичной системой числительных и двадцатиричной, что по вполне понятным причинам осталось неотмеченным у Р.Экерта и др.).

Первое монографическое исследование агульского языка осуществил А.Дирр [Дирр 1907]. Работа его построена на материале буркиханского диалекта. А. Дирр, как и Р. Эркерт, агульский язык делит на два наречия: собственно агульское и кошанское.¹ Он пишет, что представляет читателю исследование агульского наречия, что же касается кошанского, замечает он, то некоторые материалы по нему имеются у Р. Экерта. При этом он отмечает, что и он намерен заняться изучением кошанского наречия [Дирр 1907: I]. Информаторами у А. Дирра были выходец из Буркихана Абидбек Мусабек-оглы и житель селения Арчи Магомед Магомедханов. Второй информатор хотя и был арчинцем, но хорошо знал агульский язык и имел навыки в лингвистической работе, так как уже работал с А. Дирром при исследовании им арчинского языка. Вместе с тем Н.С. Трубецкой не без основания полагал о целесообразности перепроверки агульского материала А Дирра, используя для этой цели «настоящего агульца».

¹ Подчеркивая диалектную дифференциацию агульского языка необходимо отметить, что речь носителей кошанского диалекта сильно отличается от речи представителей других диалектов и потому почти им непонятна. Различия же, наблюдающиеся в речи представителей других диалектов и говоров, не препятствуют их взаимопониманию. Языковые различия кошанского диалекта и других диалектов и говоров в основном касаются фонетики и лексики. Эти различия дали повод предшествующим исследователям выделить в агульском языке два наречия: кошанское, куда входит речь трех населенных пунктов (Худиг, Арсуг и Буршаг), и собственно агульское – речь всех остальных селений.

Известно, что сравнительно-исторический метод применительно к дагестанскому материалу впервые использовал Н.С. Трубецкой [см. Климов 1971; 1986; 1993; Алексеев 1976; 1993; Ярцева 1993 и др.], однако уже в работах А. Дирра можно обнаружить элементы сравнительного анализа. Так, он находит, что к агульскому языку ближе всего стоит табасаранский язык, и далее переходит «к сравнению агульской грамматики с табасаранскою и кюринскою» (с.111); приводит сравнительную таблицу склонения имен существительных агульского, лезгинского (по А. Дирру – кюринского) и табасаранского языков.

Подобно имени существительному, сравнительная таблица указанных языков приводится и по прилагательному, и глаголу. В некоторых глаголах, как отмечает А. Дирр, содержатся местные префиксы (превербы), которые функционируют в агульском, табасаранском, лезгинском, рутульском, цахурском и удинском языках. Необходимо добавить, что широко они представлены и в шахдагских языках [см. Хидиров 1964; 1981; Алексеев 1983].

У А. Дирра встречаются и некоторые неточности при анализе агульского (буркиханского) материала. Некоторые наблюдения в области фонетики у А.Дирра носят субъективный характер. Ср. его замечание относительно беглого гласного, который слышится между гласными *e* (*ав*), *и* и гортанным согласным (с. 3). Неотмеченными остались фарингализованные согласные: фарингализация передается гласными.

А. Дирр не смог отличить аффрикату *дж* от спиранта *ж*, поэтому многие слова с аффрикатой *дж* он передает при помощи *ж*, или эти формы передаются параллельно: *жиклес* «искать» (с. 174), *жикье* «короткий» (с. 175), *клиж* «письмо» (с. 180), *руж* «хвост» (с. 187), *идже/иже* «добрый» (с. 172) и др.

Для А. Дирра родительный падеж служит основой, от которой образуется косвенная основа. Он пишет: «Суффиксы склонения приставляются к основе косвенных падежей. Изучение образования родительного падежа покажет нам формы, которые принимают эти основы» [Дирр 1907: 4]. В действительности

же косвенной основой служит эргативный падеж, от которого образуются другие косвенные падежи (родительный и дательный).

А. Дирр отмечает, что слова на *y* принимают в родительном падеже *в*: *су* «гора» – *суван*, *mIaxIy* «опухоль» – *mIaxIyвин*. В некоторых односложных словах, оканчивающихся на негубной гласный, также появляется *в*: *xIa* «овца» – *xIаван*. В действительности же в буркиханском диалекте в родительном падеже (как и в других падежах) восстанавливается согласный основы, который выпал в конечной позиции слова. Ср. данные слова в литературном агульском языке: *mIagIyб* «опухоль», *xIyб* «овца», а также в фитинском говоре: *сув* «гора».

В лексическом материале (в сборнике слов и указателе) также встречаются погрешности: они касаются не только фонетической стороны слова, как, например, в словах *кIаремум* вместо *кIарешум* «каменный уголь», *муртI* вместо *муртт* «угол», *икIе* вместо *икке* «тонкий» (о круглых предметах), *нехъв* вместо *нехъв* «саман» и др., но и неверной передачи значения слова: *вартт* «вниз» вместо «вверх», *идже* «вкусный» вместо «хороший», *хул* «след» вместо «борозда» и т.д.

В 1941 году выходит в свет работа Р. Шаумяна «Грамматический очерк агульского языка», в которой автор исследует вопросы фонетики и морфологии с учетом диалектных различий. А.А. Магометов, анализируя работу, отмечает, что «В исследовании Р. Шаумяна привлечен материал говоров агульского языка, чем оно выгодно отличается от работы А. Дирра» [Магометов: 1970, 12]. Р. Шаумяном впервые определены границы агульских диалектов: на основе языковых различий выделяются три диалекта – собственно агульский, керенский, кошанский. Вместе с буркиханским диалектом, описанным А. Дирром, работа Р. Шаумяна представляет полную картину диалектного членения агульского языка. Помимо указанных диалектов Р. Шаумян выделяет еще три промежуточных говора: фитинский, который примыкает к кошанскому диалекту, хпюкский, тяготеющий к керенскому диалекту, и цирхинский говор, ко-

торый по своей лексике близок к кошанскому диалекту, но по основным морфологическим признакам относится к собственно агульскому диалекту.

Рассматриваются и вопросы, касающиеся общих черт у тех или иных диалектных групп агульского языка со смежными языками лезгинской группы. В одну группу входят собственно агульский и керенский диалекты, которые «имеют много общих черт, – указывает Р. Шаумян, – с языками лезгинским и особенно рутульским, в другую группу входят гекхунский и кошанский диалекты, которые тяготеют к табасаранскому» [см. Шаумян 1941: 13]. Указывается, что кошанский диалект с табасаранским языком особенно сближаются на лексической основе, керенский с лезгинским сближает система числительных. Общее же, что сближает агульский язык с лезгинским – отсутствие в них грамматических классов и личного спряжения глагола.

Работа Р. Шаумяна состоит из описания фонетики, морфологии и сопровождается диалектными текстами с подстрочными переводами, агульско-русским словарем, иллюстрациями и диалектологической картой агульского языка. Тексты состоят из сказок, пословиц, загадок, частушек и записаны у жителей селений Тпиг (собственно агульский диалект), Усуг (керенский диалект), Буршаг и Худиг (кошанский диалект). В фонетической части дается характеристика гласных и согласных, локализация тех или иных звуков и их диалектные различия. Приводится восемьдесят шесть звуков, из которых шесть гласных, а остальные согласные. Относительно характеризуемых Р. Шаумяном звуков А.А. Магометов пишет: «Звуковая система, приведенная автором, усложнена: столь сложная звуковая система не характерна для агульского языка» [см. Магометов 1970: 12]. С этим нельзя не согласиться. Осложнена система согласных. Так, например, смычные у Р. Шаумяна образуют пятичленный ряд вместо четырехчленного, а аффрикаты – четырехчленный вместо трехчленного. Избыточными здесь являются нейтральные звуки (См. таблицу согласных на с. 19).

Приводятся звуковые соответствия в области гласных и согласных. Среди гласных звукосоответствия отмечаются и между описываемым нами буркиханским диалектом и собственно агульским: *a – y(yʷ): ɣlap – ɣlʷp* «заяц»; *xlap – xluʷp* «село» и др. В области согласных – переход *ð → p*: *ðap – dad* «отец»; *уригь – удигь* «перед» и др. Отмечается, что буркиханский диалект имеет тенденцию к усечению конечных губных согласных: *вар – тп.г. варв* «пчела»; *ру – руб* «игла». Приводятся звуковые соответствия в области согласных и между другими группами диалектов агульского языка. Отмечается, что ударение в двусложных словах стоит на последнем слоге, в трехсложных словах – на втором слоге с конца слова, а в многосложных – на третьем слоге с конца.

В морфологии подробно подвергаются исследованию имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глагол, наречия, а из служебных частей речи – союзы. Из словообразовательных аффиксов выделяются: *-ваьл* – суффикс для образования отвлеченных понятий, *-хъан*, *-тти* (*-ди*), *-ла*, *-на*, *-уьй* (*-ри*).

Более подробный анализ работ А. Дирра и Р. Шаумяна можно найти в исследовании А.А. Магометова [см. Магометов 1970: 10–15].

Большой вклад в изучение агульского языка внесла монография А.А. Магометова «Агульский язык» [см. Магометов 1970]. Ряд вопросов, который был затронут в работах предыдущих исследователей, в ней получил свое дальнейшее развитие. Были уточнены диалектные границы и определен их статус. В отличие от А.М. Дирра и Р.М. Шаумяна, которые в агульском языке различали наречия и диалекты, А.А. Магометов считает, что эти различия носят характер говоров. «Если говорить о диалектах в агульском языке, – заключает А.А. Магометов, – то можно было бы говорить о собственно-агульском и кошанском диалектах» [Магометов 1970: 15]. Р.М. Шаумян фитинский говор считает промежуточным, который примыкает к кошанскому диалекту, Магометов же выделяет его как самостоятельный наравне с собственно агульским, керенским, буркиханским и кошанским говорами. Как основные отличительные черты

кошанского диалекта, противопоставляющие его другим диалектам, он выделяет наличие в нем дентолабиализованных согласных и вспомогательного глагола абстрактного значения *ву*, который играет большую роль при спряжении глагола. Эти два момента, как отмечает А.А. Магометов, сближают кошанский диалект с табасаранским языком.

В области фонетики им впервые на основе диалектного материала устанавливается первичность и вторичность сравниваемых звуков. В сфере фарингализованных согласных устанавливается исходность *кь'*, *х'*, *гь'*, которым по диалектам соответствуют *ɟI*, *xI* и глубокофарингальный *ɟI'*. Указываются диалекты, в которых: а) исходные фарингализованные согласные сохранились (Фите, Цирхе, Усуг); б) первый из фарингализованных согласных (*кь'*) сохранился, а другие (*х'* и *гь'*) дали рефлексы *xI* и *ɟI'* (кошанский диалект, ричинский говор) и, наконец, в) все три согласных рефлексировали. Последнее «состояние более распространено ныне в агульском языке», – замечает А.А. Магометов [Магометов 1970 : 28]. Им же специально рассматривается вопрос о лабиализованных согласных. Отмечается, что, если дентолабиализованные согласные характерны только кошанскому диалекту (Арсуг, Буршаг), то билабиализованные согласные распространяются во всех диалектах агульского языка.

В области морфологии А.А. Магометов привел в стройную систему спряжения глагола, отметив аналитический характер видо-временных форм в агульском языке, где важную роль играют вспомогательные глаголы. Как в глаголе, так и в именах весь материал анализируется с учетом диалектных данных: в выделяемом морфологическом инвентаре устанавливаются исходные и вторичные формы. Иногда для доказательства этого привлекаются и материалы близкородственных языков.

В краткой синтаксической части (с. 175–177) работы выделяются основные конструкции предложений в агульском языке. Работа снабжена парадиг-

мами склонения и глагольного спряжения (с. 177–192), приводятся тексты по диалектам и говорам агульского языка (с. 193–238).

В новом ключе решаются проблемы агульской диалектологии в монографическом исследовании Н.Д. Сулейманова [Сулейманов 1993]. На основе диалектных данных, применяя комплексные методы (методы сравнительно-исторического языкознания, обогащенные приемами сравнительной типологии и ареальной лингвистики), предпринята попытка реконструкции фонетической и морфологической систем общеагульского состояния. В области фонетики находят отражение модификации звуков, свойственные не только агульскому языку, но и лезгинским языкам в целом. С новых позиций решаются вопросы ударения и редукции гласных, впервые проводятся фонетические изоглоссы, выходящие за пределы агульского языка. В области морфологии прослеживается эволюция местных падежей, направительные превербы дополняются введением в научный оборот двух превербов, образующих корреляционную пару: *ч* «к ориентиру» – *д* «от ориентира» и др.

С этнолингвистической точки зрения интерес представляет работа З.К.Тарланова «Агулы: их язык и история» [см. Тарланов 1994]. Впервые в агуловедении на основе языкового, а также фольклорного и этнографического материала (обряды, верования и др.) делается попытка установить этногенез агульцев, пролить свет на их древнюю историю. Так как исторические сведения об агульцах очень ограничены, поэтому, как пишет автор, «основным материалом для книги послужили данные языка, анализируемые и интерпретируемые в соответствии с основополагающим принципом о тесной связи между историей народа и историей языка» [Тарланов 1994 : 3]. В исследовании З.К.Тарланова имеется и собственно лингвистический анализ. Здесь имеются интересные наблюдения, а в некоторых случаях и значительные дополнения в сфере грамматических категорий. (Ср., к примеру, ввод новых наклонений и видо-временных форм в глаголе и др.). Читатель может найти и значительный

материал по восточным заимствованиям с указанием на источник, помещенный в последней главе книги.

Отдельные вопросы, касающиеся агульского языка, решались рядом исследователей. Наиболее хорошо исследованной областью оказалась фонетика агульского языка. Она нашла отражение в сводной работе Н. Трубецкого «Система согласных в восточнокавказских языках», где агульским консонантам посвящается небольшой очерк [см. Трубецкой 1987 : 303–305]. Как известно, агульский материал, которым он оперировал в своей работе, почерпнут из монографии А. Дирра «Агульский язык». Но, несмотря на это, Н. Трубецким был сделан ряд существенных поправок к тем неточностям фонетических данных, которые он обнаружил у А. Дирра.

Фонетический материал агульского языка находит отражение и в исследованиях Е.А. Бокарева [см. Бокарев 1961; 1965; 1981 и др.], С.А. Старостина [Старостин 1975а; 1975б].

Консонантизм агульского языка в сравнительно-историческом аспекте исследуется в работах Б.К. Гигинейшвили [см. Гигинейшвили 1977], Б.Б. Талибова [см. Талибов 1980; 1972; 1976; 1977].

Вопросы фонетики агульского языка рассматривает и С.В. Кодзасов [Кодзасов 1990 : 340–341]. В двух очерках по буркиханскому диалекту и фитинскому говору им в сжатой форме представлены основные фонетические процессы, имеющие место в этих локальных единицах, а также состав гласных и согласных. Специальная статья его посвящена фарингализованным согласным дагестанских языков, где агульский материал также рассматривается с учетом диалектных различий [см. Кодзасов 1976 : 16–44].

Вопросы, касающиеся фонетики агульского языка, освещены в работах А.А. Магометова [см. Магометов 1964; 1965 : 69–74; 1966; 1974], Н.Д. Сулейманова [см. Сулейманов 1990], С.Р. Мердановой [см. Мерданова 1997] и др.

Фонетика агульского языка становится объектом сопоставительного изучения: система гласных и согласных агульского языка сопоставляется с соответствующими системами русского языка [Сулейманов 1991; Мерданова 1997].

Значительный материал по морфологии агульского языка представлен в различных работах исследователей дагестанских языков. В работах А.Е. Кибрика основные морфологические категории агульского языка представлены в диалектных различиях. Здесь представлены данные кошанского, буркиханского диалектов, а также ричинского и фитинского говоров [см. Кибрик 1988 : 36–37; 1990 : 287–290].

Рассматриваются отдельные вопросы морфологии агульского языка [Магомедов 1956; Ханмагомедов 1958; Магомедова 1992; 1994; Мерданова 1996; Гасанова 1997]. Вопросы морфологии агульского языка освещаются и в сводных работах, где агульский материал входит как один из компонентов сравнения с материалами других дагестанских языков [см. Талибов 1969 : 80–99; Тарланов 1980; 1977; Сулейманов 1992 : 108–130; 2000 : 100–107 и др.].

Отдельные вопросы морфологии стали объектом диссертационного исследования [см. Магомедова 1997].

В 80-е годы появляются первые исследования по фразеологии агульского языка. Анализу подвергаются глагольные фразеологизмы агульского языка с учетом диалектных вариантов [Сулейманов 1986]. Фразеологизмы агульского языка рассматриваются в сравнении с соответствующими единицами близкородственных языков лезгинской группы [Гасанова 1989; 1992 : 151–156 и др.].

Лексика агульского языка – одна из слабо разработанных отраслей. Лексике собственно агульского языка посвящены две работы. Монография Р.И.Гайдарова и Р.Р. Гасановой посвящена арабскому вкладу в агульский язык [см. Гайдаров, Гасанова 1996], другая небольшая статья посвящена исконной лексике агульского языка [см. Сулейманов 1992 : 63–75].

Богатый лексический материал по диалектам агульского языка содержит «словарь базовых значений» [см. Кибрик, Кодзасов 1988; 1990]. В нем 574 словарных статей составляет именная лексика и 220 – глагольная. Лексический материал по агульскому языку представлен и в работе С.М. Хайдакова [Хайдаков 1973].

С усилением интереса в дагестановедении к сравнительно-историческим исследованиям стали появляться отдельные работы по исторической лексике [см. Лексика 1971; Загиров 1987; Алексеев, Загиров 1992 и др.], в которых наряду с материалами других языков определенное место занимает и агульский материал.

Помимо указанных источников краткое описание агульского языка имеется в работах А.М. Дирра [см. Dirr 1928], А.А. Магометова [Магометов 1967], М.Е. Алексеева, Н.Д. Сулейманова [Алексеев, Сулейманов 1999], а также в справочном материале [см. Талибов 1990 : 17] и т.д.

Диалектологические исследования в Дагестане всегда были актуальны в силу большой диалектной расчлененности дагестанских языков, а также своей значимости для общей теории языкознания. Они не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Изучение отдельных диалектов имеет научное значение. Изучение же определенного диалекта в сопоставлении с литературным языком, что осуществлено в настоящей диссертационной работе, имеет еще и практическое значение.

Буркиханский диалект изучался А.М.Дирром, но в его исследовании не проводятся сопоставления с другими диалектами агульского языка. У Р.М.Шаумяна и А.А.Магометова исследования строятся на показе диалектных различий при анализе языковых данных, характерных агульскому языку в целом, не соотнося их с данными определенного диалекта. В диссертационной работе «Фоно-морфологические и лексические особенности буркиханского диалекта агульского языка» языковые явления, присущие исследуемому диалекту, сравниваются с соответствующими явлениями других диалектов, в пер-

вую очередь, тигского говора, который лежит в основе литературного агульского языка. Во многих случаях прослеживаются те или иные фонетические, морфологические изоглоссы, а также изолексы, распространяющиеся на агульской языковой плоскости. Приемы сопоставительной лингвистики в сочетании с ареальной позволяют выделить и оттенить наиболее яркие особенности буркиханского диалекта, а также определить общие признаки, сближающие буркиханский диалект с отдельными диалектами или со всеми диалектами в целом. Выделение как тех, так и других признаков имеет важное значение при диалектологических разработках.

Актуальность темы. Как уже было отмечено, имеется достаточное количество работ, посвященных агульскому языку, в том числе и специальные исследования по сравнительно-историческому изучению его диалектов. Вместе с тем до сих пор не было специального (монографического) описания буркиханского диалекта, выполненного в русле сравнительно-сопоставительной лингвистики. Такая направленность работы, при которой выявляются как сходные, так и отличительные черты данной единицы по отношению к другим диалектам агульского языка, делает ее актуальной.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является анализ фоно-морфологических и лексических особенностей агульского языка на синхронном уровне. Для достижения намеченной цели ставятся и решаются следующие задачи:

- на основе фонетического, морфологического и лексического анализа выявить основные черты буркиханского диалекта, сближающие и отличающие его от других диалектов агульского языка;
- на базе этих сопоставлений определить место буркиханского диалекта в системе других диалектов.

Научная новизна. В предлагаемой работе впервые дается системное описание и квалификация фактов и явлений буркиханской речи. Рассматрива-

ется фонемный состав диалекта, установлены соответствия гласных и согласных звуков диалекта звукам литературного агульского языка.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование буркиханского диалекта дает возможность уточнить классификацию агульских диалектов. Данные диалекта могут быть использованы при составлении исторической фонетики и грамматики агульского языка и сравнительно-исторической грамматики дагестанских языков, а также при составлении диалектологического и этимологического словарей агульского языка. Возможно применение результатов исследования при составлении курса лекций по диалектологии агульского языка для студентов Дербентского педагогического колледжа.

Методы и источники исследования. В основе работы лежит синхронный метод, наиболее соответствующий решению поставленных задач. В ряде случаев, когда данные описываемого диалекта не поддаются объяснению с помощью методов внутренней реконструкции, привлекается и сравнительно-исторический метод.

Исследование буркиханского диалекта проводилось автором в 1997-2001 гг. Основной лингвистический материал собирался непосредственно в селении Буркихан Агульского района у людей разных возрастов и различного уровня образования.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Общий объем работы 151 страница машинописного текста.

Апробация и публикации. Основные положения диссертации в качестве научных сообщений апробированы на заседаниях кафедры общего и дагестанского языкознания Даггоспедуниверситета (1997-2001 гг.), в докладах на научных конференциях. Основные выводы изложены в следующих публикациях:

1. Морфология местных падежей буркиханского диалекта агульского языка. // Актуальные проблемы языка и литературы. – Выпуск VII. – Махачкала, 2001. – С. 23-27.
2. Фонетика буркиханского диалекта агульского языка. – Махачкала, 2000. – 40 с.
3. Лексические особенности буркиханского диалекта агульского языка. // Актуальные проблемы языка и литературы. – Выпуск VI. – Махачкала, 2000. – С.17-20.
4. К вопросу об изучении звуковых процессов в области гласных диалектов агульского языка. // Проблемы методической подготовки студентов в условиях многоуровневого образования. – Махачкала, 2001. – С. 70-74.
5. Деривация на уровне прилагательного в буркиханском диалекте агульского языка и методика ее изучения.// Проблемк методической подготовки студентов в условиях многоуровневого образования. - Махачкала, 2001. - С.75-79.

ГЛАВА I

ФОНЕТИКА БУРКИХАНСКОГО ДИАЛЕКТА

На общем фоне звуковой системы лезгинской группы языков звуковая система агульского языка характеризуется сравнительно несложным составом вокализма и сложным составом консонантизма. Данные фонетики агульских диалектов имеют важное значение не только для дагестанского языкознания, но и для общей теории фонетики. Как справедливо отмечает С.В. Кодзасов, агульские диалекты «обладают замечательно богатым репертуаром «глубоких» артикуляций, заставляющим пересмотреть бытующие представления о звуковом потенциале человека в этой сфере [Кодзасов 1986 : 28].

Вокализм

Для системы гласных буркиханского диалекта характерны те же гласные звуки, что и для агульского языка в целом. Гласные звуки это *и, е, уь, у, аь, а*.

Гласные буркиханского диалекта по месту образования подразделяются на гласные переднего ряда (*и, е, аь, уь*); заднего ряда (*а, у*). В зависимости от того, участвуют губы или не участвуют при их образовании, они подразделяются на лабиальные (*уь, у*) и нелабиальные (*и, е, аь, а*). Все это можно представить в виде следующей таблицы:

Ряд Подъем	Передний		Задний	
	нелабиальный	лабиальный	нелабиальный	лабиальный
верхний	<i>и</i>	<i>уь</i>		<i>у</i>
средний	<i>е</i>			
нижний	<i>аь</i>		<i>а</i>	

Помимо указанных гласных в буркиханском диалекте, как и в кошанском, в соседстве с губными и шипящими согласными появляются фарингализован-

Ранние заимствования из русского языка, в которых присутствует гласный *о*, в буркиханском передаются через губной *у* или *а*: *ппамадур* «помидор», *усттул* «стол», *ккарават* «кровать», *ккалхуз* «колхоз» и др. Новейшие заимствования из русского языка произносятся так же, как и в источнике.

В агульском языке «представлены фарингализованные варианты гласных заднего ряда» [Магометов 1970 : 17]; в буркиханском диалекте употребление их более интенсивное чем в литературном агульском языке.

Характеристика гласных

И – нелабиальная гласная фонема переднего ряда верхнего подъема. По своей акустике не отличается от соответствующей гласной фонемы тпигского говора. Встречается во всех позициях, кроме интервокальной: *чИир* «блоха», *ирар* «корь», *ифал* «сливочное масло», *иркк* «кость», *кИил* «голова», *ьишас* «прыгать (сверху вниз)», *дивас* «тянуть», *джикIес* «находить», *джинегь* «ястреб», *чи* «сестра», *гуни* «хлеб», *иь* «кровь» и др.

Э (е) – нелабиальная гласная фонема переднего ряда среднего подъема. Выступает в ряде аффиксов словообразования и формообразования. Наблюдается во всех позициях: *эва?* «вопросительная частица», *эрхел* «колба», *хьел* «сноп», *ккекк* «петух», *джикIес* «находить», *дехе* «скоро, быстро» и т.д.

Аь – нелабиальный гласный переднего ряда нижнего подъема. Встречается во всех трех позициях: *аьшкIин* «вдова, вдовец», *джаьрагь* «лекарь», *хьаьссу* «лицо», *Хаьрадж* «село Хвередж», *джаькъаь* «короткий».

Уь – переднерядная лабиальная фонема верхнего подъема. Артикуляция *уь* – это артикуляция гласного *и* плюс огубление. Встречается во всех трех позициях: *уьхь* «снег», *уьлгуьнф* «легкий», *уькъкъеф* «густой», *зуьлез* «селезенка», *дуьхIуь* «запястье» и др.

А – нелабиальная гласная фонема заднего ряда нижнего подъема. В произношении не отличается от гласного *а* агульского литературного языка. Встречается во всех позициях, кроме интервокальной. Примеры: *гъазеф* «зеленый», *гъад* «молоток», *баьI* «чулок, носок», *гъарпI* «пядь», *гаван* «пастух (коров)», *атIас* «резать», *ахв* «желоб, кран», *дахъас* «открывать», *дагъра* «секач», *шавла* «усталость».

У – лабиальная гласная фонема заднего ряда верхнего подъема. Наблюдается во всех позициях слова, за исключением в положении между гласными: *ул* «глаз», *улусум* «горная курочка», *уч* «сам», *урукал* «дрель», *бугъу* «сова», *куруф* «запачканный, измазанный», *гъул* «ниша», *уккас* «бежать, летать», *ру* «иголка», *тIу* «палец».

Ударение

Ударение в дагестанских языках остается одним из слабоизученных разделов фонетики. Л.И. Жирков посвятил статью лезгинской акцентуации [Жирков 1940], в которой обобщил и дал общие законы лезгинского ударения, которые приложимы и к агульскому материалу. Здесь, как и в лезгинском языке, ударение силовое и фиксируется на втором слоге от начала слова.

У А. Дирра ничего не сказано об агульском ударении. Р. Шаумян ограничился лишь общим замечанием, что «Ударение в агульском языке в двухсложных словах обычно падает на последний слог, в трехсложных словах – на предпоследний слога, а в многосложных словах – на третий слог с конца. Кажущиеся отклонения зависят от слияния некоторых элементов, как, например, энклитики в глаголах (*весе* ← *вес+е*) или союза в именах (*хъедра* ← *хъед+ра*)» [Шаумян 1941 : 21].

Законам агульского ударения отведено достаточно больше место в работе А. Магометова [Магометов 1970 : 19–22].

Буркиханская акцентология имеет некоторые особенности.

Отмечается различие места ударения в словах между буркиханским диалектом и литературным языком.

1) В именах существительных:

бурк. д.	лит.	
ъ'алакъа	гIалаакъа	«отношение, связь»
гамии	гамии	«буйвол»
бушкъаб	бушкъаб	«блюдце»
разин	разин	«резина»
Самур	Самбур	«река Самур»
иврархъан	ибурихъан	«серьга».

2) В многосложных провербных глаголах в буркиханском диалекте, в отличие от литературного языка, ударение падает на второй слог с конца, чем проявляет последовательность:

бурк. д.	лит.	
<i>гъайишас</i>	<i>гъайшас</i>	«подняться, встать»
<i>кегъихъас</i>	<i>кегъихъас</i>	«бросить (по наклонной плоскости)»
<i>фагъихъас</i>	<i>фагъихъас</i>	«бросить вплотную, рядом»
<i>ккегъихъас</i>	<i>ккегъихъас</i>	«бросить (под...)» и др.

Ударение в буркиханском диалекте может выполнять дистрибутивную функцию: в зависимости от места ударения слово может иметь разное значение. Это наблюдается в глаголах. Например: *ápxIac* «подпереть» – *apxIac* «стричь (овец)», *фáдихъас* «бросить» – *фадíхъас* «не бросать». Ср. также тп. *фáдихъас* и *фадíхъас* то же.

Редукция гласных

С ударением тесно связаны и вопросы редукции гласных. Редукция гласных получает неодинаковое распространение среди диалектов агульского языка. Если процесс редукции гласных коснулся в меньшей степени собственно агульского и буркиханского диалектов, то керенского диалекта он коснулся в большей степени. Особенно сильно процесс редукции гласных распространяется в хпюкском говоре.

Редукция гласных неодинаково распространяется даже в пределах одного диалекта. Так, например, в керенском диалекте редукции больше подвергся усугский говор, нежели ричинский.

В буркиханском диалекте в отличие от литературного языка, редукция гласных приводит к морфолого-семантическим изменениям. Так, например, в буркиханском диалекте начальный безударный гласный заднего ряда а в ряде слов выпадает, что обнаруживается при сравнении с материалом тпигского говора, ср. бурк. *хъухъас* «прилечь», но т.п. *ахъухъас*; бурк. *чIал* «сорняк», но тп. «*ачIал*». Данный процесс широко распространен в керенском диалекте, ср. кер. *лурцас* «вертеть, крутить» и тп. *алурцас*, *лихъас* «класть (на...)» и *алихъас*, *ларх'ас* «кинуть (со злости)» и *алирхIас*, *лукъас* «сесть (например, на лошадь)» и *алахъас*, *лархъас* «упасть (сверху)» и *алархъас*, *лайшас* «зайти (в гости)» и

алайшас, лайхъас «сбросить» и *алайхъас, ккихъас* «постелить» и *аккихъас* и др.

В буркиханском диалекте выпадение инициального гласного заднего ряда *а* может привести к слиянию форм и развитию омонимии: ср. бурк. *хъихъас* 1. «гнаться за кем-нибудь»; 2. «положить (за кем, чем-нибудь)» и тп. *ахъихъас* «гнаться (за кем-нибудь)», *хъихъас* «положить (за кем, чем-нибудь)»; бурк. *чІал* 1. «речь, язык»; 2. «сорняк» и тп. *чІал* «речь, язык», *ачІал* «сорняк»; бурк. *хъакъас* 1. «рассказывать»; 2. «продеть нитку (через ушко иглки)» и тп. *ахъакъас* «рассказывать», а во втором значении в тпигском говоре используется слово с другими корнем – *гъучадивас* «продеть нитку».

Как указывалось выше, редукция гласных имеет слабое распространение и в агульском литературном языке: *алдахъас* «снимать (одежду, обувь)»; «освежевать». (ср. в диалектах *алаттахъас*), *алдихъас* «скинуть, снять» (в диалектах *алаттихъас*), *алттивас* «снимать (с горизонтальной плоскости)» (в диалектах *алаттивас*) и т.д.

Звуковые соответствия в области гласных

В описываемом диалекте в сфере гласных имеют место некоторые звуковые процессы, которые выделяют его среди других локальных единиц. Некоторые из них имеют ареальный характер. Выявление и исследование подобных явлений особенно значимы и обретают научную ценность в диалектологических работах.

В буркиханском диалекте гласному заднего ряда *а* в других диалектах агульского языка соответствуют переднерядные гласные *е*, например, ср. бурк. *йарйар* «молотильная доска» и соб. аг. *йерйер*, бурк. *къурмав* «кот» и соб. аг. *къурмев*, бурк. *галегв* «ключ (дверной)» и кош. *гелегв*, бурк. *ицІвал* «стружка, опилка» и соб. аг. *ибцІел*, кош. *руцІел*. Этот процесс распространяется и на заимствованные слова, ср. бурк. *абукевсар* поэт. уст. «живая вода, рай-

ская вода» и тп. *абукевсер*, бурк. *тапа* «холм» и тп. *тепе*¹, *хакандаз* «совок для выгребания золы из печки» и *хекендаз*, *лапа* «волна» и *лепе*, *тупанчи* «револьвер, наган» и *тупенчи* и др.

В фитинском говоре наблюдается процесс дальнейшего продвижения гласного вперед до его логического завершения: бурк. *ицIвал*, но фит. *вир-ицIил*.

Тенденция к «упреднению» гласного заднего ряда и переходу его в *и* через промежуточный *е* носит общедагестанский характер, а за пределами агульского ареала она находит свое продолжение в соседнем табасаранском языке (Фитинский говор, в котором буркиханскому *а* соответствует *и*, является северо-восточной окраиной агульского языка, граничащей с табасаранским языком): ср. хп. *лак* «нога» → тп. *лек* → фит. *лик* → таб. *лик* и т.д.

Если брать в широком контексте данное явление, то в качестве причин, побудивших продвижение артикуляции вперед при произношении гласных, можно указать дефарингализацию и депалатализацию смежных согласных и связанный с этим процесс модификации гласных. Влияние соседних согласных на качество гласных заметил еще П. Услар. Он отметил свойство согласного *къ* превращать в *аь* как предшествующее, так и последующее *а* [см. Услар 1979: 57]. Приводимый П. Усларом согласный *къ* является фарингализованным и представляет собой показатель местного падежа со значением «между, среди». Позже на способность гласных модифицироваться под влиянием фарингализованных согласных обратил внимание и Н. Трубецкой [см. Трубецкой 1987: 291]. При этом, характеризуя фарингализованные согласные, Н. Трубецкой приводит одну важную деталь, а именно: при их артикуляции вместе с гортанью сдвигается вперед и тело языка, что наблюдается при артикуляции и у палатализованных согласных. Это свойство фарингализованных и палатализованных согласных и оказывает сходное воздействие на гласные.

¹ Далее в такой же последовательности: сначала идут примеры буркиханского диалекта, а за ними следуют примеры тпигского говора.

Поэтому Ш. Гаприндашвили, исследовавший фонетику даргинских диалектов экспериментальным способом, передает даргинские слова то через фарингализованные гласные, то через умляутизированные, объясняя это как совмещение фарингализации и умляутизации [см. Гаприндашвили 1966]. В некоторых случаях фарингализованные и палатализованные согласные, передав фарингализацию и палатализацию смежным гласным, сами теряют эти признаки, то есть модификация гласных нейтрализует фарингализацию и палатализацию у согласных.

В ряде случаев происходит дальнейшее продвижение гласного вперед и утрата им фарингализации и умляутизации. Сначала гласный, если он фарингализованный, переходит в умляутизированный. Гласный *a* при фарингализации и дальнейшей трансформации проходит следующие этапы: $a \rightarrow aI \rightarrow aь \rightarrow e \rightarrow и$. При палатализации *a* и дальнейшей его трансформации по этой цепи исключается фарингализованный *aI*: $a \rightarrow aь \rightarrow e \rightarrow и$. Различные ступени этой трансформации отражены в лезгинских языках. Все это можно наблюдать и в агульских диалектах.

В буркиханском диалекте исконный *a* сохраняется или модифицируется в *aь* или *e*, например: кер., кош. *кь'ал* «соль», но бурк. *кьяьл*. В фитинском говоре *a* переходит в *и*: *кьил*. В тпигском, а также хпюкском говоре представлено промежуточное звено — *e*: *кьел* «соль». В лезгинских языках фарингализация согласного утрачена и как след остается в смежном гласном в виде *aь* ($\rightarrow e \rightarrow и$): рут. *кьяьл* «соль», цах. *кьев*, буд., лезг. *кьел*. В табасаранском языке, который граничит с фитинским говором агульского языка, как и в последнем, *a* дал *и*: *кьил*.

Вот еще примеры, подтверждающие выдвинутое положение:

соб. аг., бурк., хп. *ь'аш* «влага», кер., кош., фит., цир. *кь'аш*; ср. лезг. *кьеш*; бурк. *ь'ав* «люлька», соб. аг., хп. *ь'аб*, кер., фит. *кь'аб*.; ср. лезг. *кьеб*, рут. *ковб*; бурк., цир. *аьшаьс* «плакать», соб. аг. *ь'ашас*, фит. *эшес*; бурк., цир.

аькв «свет», соб. аг., хп. *ъ'акв*, фит. *эkv*; ср. таб. *акв* то же; бурк. цир. *ккел* «ягненок», соб. аг. *кк'ал*, фит. *ккил* и др.

В указанном (буркиханском) диалекте исходный гласный *a* в соседстве с глухим фарингальным *xI* сохраняется, в других диалектах он перешел в гласные переднего ряда *e* и *и*. Переход *a* → *e*, *и* в данном случае вызвал и трансформацию *xI* в *гь*: бурк., кер. *xIал* «стрела», тп. *гьел*, фит. *гьил*; бурк., кер. *xIач* «яблоко», кош. *гьеч*, фит. *гьич*. В тпигском говоре, который служит основой литературного агульского языка, эти формы выступают параллельно. В речи старшего поколения слово произносится с фарингальным *xI*: *гьеч/xIач*.

Ср. также соответствие буркиханскому *a* гласного переднего ряда *и* в тпигском говоре: бурк. *йарxIун* «рана», но тп. *йирxIун*; *лагI* «орел», но *лиъ'*; *чаппул* «левый», но *чиппил*; *мараз* «веревка (средней толщины)», но *мираз*; *аларxIас* «кинуть (со злости)», но *алирxIас*; *ачарxIас* «ударить, бить», но *ачирxIас*; *бичанчи* «жнец», но *бичинчи*.

Буркиханскому фарингализованному *aI* в тпигском говоре во многих случаях соответствует *e*: *балmIур* «грязь» — *бетIур*, *кучевалI* «жара» — *кучевел*, *валс* «идти» — *вес*, *чIалване* «довольно» — *чIевене*, *чIалnI* «ладонь» — *чIенI*, *nIалp* «глазной гной» — *nIер* и др.

Наблюдаются нерегулярные соответствия гласных *a*–*y*, *и*–*аь*, *y*; *e*–*и* между буркиханским диалектом и литературным языком:

<i>a</i> – <i>y</i> : <i>гъарагьил</i>	–	<i>гъурагьал</i>	«яйцо»
<i>гIад</i>	–	<i>гIуд</i>	«куропатка»
<i>гIар</i>	–	<i>гIур</i>	«заяц»
<i>гIал</i>	–	<i>гIул</i>	«лето»
<i>гIадулф</i>	–	<i>гIудулф</i>	«мягкий»
<i>ъ'ай</i>	–	<i>ъ'уй</i>	«вилы»
<i>хъахьал</i>	–	<i>хъухьал</i>	«перчатка, варежка»
<i>хIайаг</i>	–	<i>хIуйаг</i>	«котел, кастрюля»
<i>хIар</i>	–	<i>хIур</i>	«село»

<i>xIaч</i>	—	<i>xIуч</i>	«волк»
<i>пакар</i>	—	<i>пукар</i>	«нужный, необходимый»
<i>xIани</i>	—	<i>xIуни</i>	«корова»
и-аь: <i>икъвас</i>	—	<i>аькъвас</i>	«сидеть»
<i>аликъвас</i>	—	<i>алаькъвас</i>	«садиться» (например, на лошадь)
и-у: <i>фиш</i>	—	<i>фуш</i>	«кто»
<i>джансиз</i>	—	<i>джансуз</i>	«хилый, щуплый»
<i>чIурхвас</i>	—	<i>чIурхвас</i>	«быстро пройти, проскользнуть»
<i>санджи</i>	—	<i>санджу</i>	анат. «межлопаточные мышцы»
е-и: <i>лехун</i>	—	<i>лихун</i>	«работа»
<i>керхIас</i>	—	<i>кирхIас</i>	«трогать»
<i>кечикIас</i>	—	<i>кичикIас</i>	«подложить»
<i>къебла</i>	—	<i>къибла</i>	«юг».

Долгие гласные отсутствуют в буркиханском диалекте. Как указывалось выше, редко они появляются в экспрессивной речи или их появление является эмфатическим (*воогъа, гьогге*).

В заимствованных словах гласному заднего ряда *a* буркиханского диалекта в тпигском говоре соответствует долгий *aa*: *залум* — *заалум* 1) «тиран, мучитель, деспот»; 2) «тиранический, жестокий, деспотичный», *замин* — *заамин* 1) «поручитель»; 2) «ручательство, порука, залог (в значении ручательство)», *ваджиб* — *вааджиб* «зарплата», *бахил* — *баахил* «завистливый», *ъ'абаси* — *ъ'абааси* «двугривенник», *абад* — *аабад* «благоустроенный; богатый».

Гласному *a* буркиханского диалекта в тпигском говоре соответствует долгий гласный *aa*. Это происходит в глаголах на стыке морфем — преверба и основной глагола. В буркиханском диалекте направительный преверб *й* (← **д* ← **д*) бесследно исчезает, а в тпигском говоре выпадение его компенсируется долготой гласного. Ср. бурк. *ъагIас* «вместиться» и тп. *ъаавес* (← **ъйайвес*), *алакъас* «сбрить (голову)» и *алаакъас* (← **алайкъас*). Из агульских диалектов

такое положение, аналогичное буркиханскому диалекту, представлено в керенском диалекте и фитинском говоре: кер. *ʔaɣIʋas* «вместиться», фит. *эвес* то же; кер., фит. *алакʔас* «сбрить (голову)».

Выпавший согласный преверб со значением «вниз» в деепричастной форме несовершенного вида восстанавливается как в буркиханском диалекте, так и в тпигском говоре, ср. бурк. *алакʔас* «брить голову)», но *аларкʔари* «брея (голову)»; тп. *алаакʔас*, но *аларкʔай* соответственно.

Ассимиляция и диссимиляция гласных

В буркиханском диалекте имеет место полная и частичная ассимиляция или гармония гласных.

Большей частью здесь представлена полная регрессивная ассимиляция, которая распространяется среди прилагательных, числительных и глаголов.

бурк. д.	тп. г.
<i>джаькʔаьф</i>	<i>джикʔаьф</i> «короткий»
<i>уьлгуьнф</i>	<i>илгунф</i> «легкий»
<i>йарчIуд</i>	<i>йерчIуд</i> «девять»
<i>хʔачархʔас</i>	<i>хʔучархʔас</i> «догнать, достичь»
<i>хʔархIас</i>	<i>хʔирхIас</i> «прислонить»

Встречается и частичная регрессивная ассимиляция:

<i>хʔаьхʔеф</i>	<i>хʔуьхʔеф</i> «желтый»
<i>йахьцIур</i>	<i>йехьцIур</i> «шестьдесят» и др.

Полную регрессивную ассимиляцию имеем в некоторых существительных:

бурк. д.	тп. г.
<i>лукун</i>	<i>лихун</i> «работа»
<i>лукʔун</i>	<i>лихʔун</i> «танец» и др.

Диссимиляция (расподобление) приводит к своего рода дисгармонии, то есть к нарушению гармонии гласных.

В буркиханском диалекте представлена как регрессивная, так и прогрессивная диссимиляция.

В некоторых существительных мы наблюдаем регрессивную диссимиляцию. Диссимиляции подвергаются гласные *у* и *уь*:

бурк. д.	тп. г.	
<i>камул</i>	<i>кумул</i>	«палец ноги»
<i>кариулу</i>	<i>курулу</i>	«щенок»
<i>хамбеф</i>	<i>хумбеф</i>	«самка, женщина»
<i>хамбуч</i>	<i>хумбуч</i>	«любитель женского общества»
<i>цариулу</i>	<i>цуриулу</i>	«куница»
<i>цафул</i>	<i>цуфул</i>	«очаг»
<i>хъаьссу</i>	<i>хъуьссу</i>	«лицо»

Примеры прогрессивной диссимиляции:

бурк. д.	тп. г.	
<i>дева</i>	<i>деве</i>	«верблюд»
<i>дурахил</i>	<i>дурахал</i>	«напильник»
<i>джаьрагь</i>	<i>джаьраьхI</i>	«местный лекарь»
<i>ккабилай</i>	<i>ккабалай</i>	«ящерица»
<i>къаракъил</i>	<i>къ'аракъ'ал</i>	«сорока»

Полногласие и наращение гласных.

В буркиханском диалекте имеет место и явление обратное редукции гласных – наращение гласных. Процесс этот, связанный с полногласием, не находит широкого применения в данном диалекте.

В буркиханском диалекте в глагольных формах между сонорным согласным *л* (превербом) и смычным геминированным *тт* ($\leftarrow d$), в отличие от литературного языка, появляется гласный, аналогичный гласному, который сопровождает преверб. Ср. бурк. *алаттикас* «свергнуть, снять (с работы)», «отогнать», но тп. *алдикас*; бурк. *алаттишас* «прыгать (с горизонтальной поверх-

ности)», но тп. *алдишас*; бурк. *алаттивас* «снимать (с горизонтальной поверхности)», но тп. *алттивас*. Полногласие в словах с пространственным провербом *л-* наблюдается и в керенском диалекте, см., например, *алаттахъас* «снять», «сдирать»; *алаттихъас* «скинуть», «свергнуть»; *алаттивас* «снять (например, кастрюлю с огня) и др.

В данном случае необходимо вести речь не о наращении гласного *а* в буркиханском диалекте, а о редукции (выпадении) его в тпигском говоре в позиции между сонорным и смычным согласным. Процесс выпадения гласных между согласными, один из которых является сонорным, широко представлен в кошанском диалекте агульского языка [см. Сулейманов 1993].

Имеются случаи наращения гласных в буркиханском диалекте, при которых определить исходность этого процесса не представляется возможным. Ср. бурк. *гъайшас* и тп. *гъайшас* «подняться».

В очень ограниченном количестве слов наблюдается наращение гласных в начале и конце:

бурк. д.	тп. г.	
<i>ахIаф</i>	<i>хIаф</i>	«большой»
<i>шафттали</i>	<i>шафттал</i>	«щеколда»
<i>эва?</i>	<i>эв</i>	«вопросительная частица».

Консонантизм

Система консонантов буркиханского диалекта по способу образования характеризуется наличием сонорных (*м, н, л, р*); смычных, которые подразделяются на звонкие (*б, д, г, гв*) и глухие (*п, т, к, кв, пп, тт, кк, ккв, пI, тI, тIв, кI, кIв, ъ, ъ', хъ, хъв, хъ', хъ'в, къ, къв, къ', къ'в, къ, къв*); аффрикат – звонкой (*дж*) и глухих (*ц, ч, чв, цц, чч, ччв, цI, цIв, чI, чIв*) и спирантов, которые также подразделяются на звонкие (*в, з, зв, й, гъ, гъв, гI, гIв*) и глухие (*ф, с, св, ш, хъ, хъв, х, хв, хI, гъ*).

Переднеязычный звонкий спирант *ж*, как и в литературном языке, в исконных словах не представлен и встречается всего лишь в двух–трех заимст-

вованиях: *бурж* «долг», *аждагъа* «дракон». В них не представлен и заднеязычный звонкий *гг*; в буркиханском диалекте он встречается только в слове *бегг* «бек».

Таблица консонантов

По способу образования По месту образования	Сонорные		Шумные									
	носовые	плавные	Смычные				Аффрикаты				Спиранты	
			глухие				глухие				звонкие	глухие
			звонкие	придыхательные	геминированные		звонкие	придыхательные	геминированные	абруптивные		
губно-губные	<i>м</i>		<i>б</i>	<i>п</i>	<i>пп</i>	<i>пI</i>					<i>в(w)</i>	
губно-зубные											<i>в(v)</i>	<i>ф</i>
зубные			<i>д</i>	<i>т</i>	<i>тт</i>	<i>тI</i>		<i>ц</i>	<i>цц</i>	<i>цI</i>	<i>з</i>	<i>с</i>
переднеязычные		<i>л, р</i>					<i>дж</i>	<i>ч</i>	<i>чч</i>	<i>чI</i>		<i>ш</i>
среднеязычные											<i>й</i>	<i>хъ</i>
заднеязычные			<i>г</i>	<i>к</i>	<i>кк</i>	<i>кI</i>						
увулярные								<i>хъ</i>	<i>къ</i>	<i>къ</i>	<i>гъ</i>	<i>х</i>
фарингальные											<i>гI</i>	<i>хI</i>
ларингальные						<i>ъ</i>						<i>гъ</i>

Характеристика согласных

Сонорные согласные

М – губно-губной носовой сонорный. Выступает в глагольных формах в составе запретительного аффикса, а также в качестве словообразовательного аффикса.

В слове встречается во всех трех позициях: *ччаIм* «топленое масло», *ка-мул* «палец ноги», *хамбэф* «самка; женщина», *иреми* «мужчина; человек», *мирас* «отсюда», *хIамчивур* «насморк, грипп», *мерккур* «шест», *бархIам* «рубашка; платье» и т.д.

Н – зубной носовой сонорный. Встречается в составе соединительного союза *на* «и»: *чина чу* «брат и сестра», *къанна сад* «двадцать один» (букв.

двадцать и один), словообразовательного аффикса: *лехун* «работа», служит суффиксом родительного падежа: *баван* «матери», *рушан* «девушки».

Встречается во всех позициях в слове: в начале, середине и конце: *нис* «сыр», *ниъ* «запах», *хІан* «двор», *аьшкІин* «вдова, вдовец», *аванкъул* «лоб», *хункІар* «теневая сторона».

Л – переднеязычный щелевой сонант. Служит локальным аффиксом в именах и глаголе со значением «нахождение предмета на горизонтальной плоскости».

В слове встречается во всех трех позициях: *ъ'ал* «мышь», *аликъвас* «сесть (например, на лошадь)», *гІал* «лето», *алакъас* «закрывать», *уьлгуьнф* «легкий», *халагъ* «крыша», *хьиличІан* «ложь», *цІарцІул* «куница», *цІафул* «очаг».

Р – переднеязычный дрожащий щелевой сонант. Встречается во всех позициях слова: *къурмав* «кот», *йархІас* «бить», *гъарагъил* «яйцо», *ъ'арчІеф* «пестрый», *ъ'ард* «зима», *иврархъан* «серьга», *ратт* «гумно», *ивур* «ухо», *рев* «шило», *ру* «иголка», *чивхар* «двоюродный брат; двоюродная сестра» и др.

В буркиханском диалекте наравне с кошанским диалектом и цирхинским говором, в отличие от других локальных единиц, в связи с переходом исторического *д* → *р* использование *р* более широкое.

Сонорные согласные играют самую активную роль в фонетико-морфологической структуре агульского языка, выступая в роли словообразовательных и словоизменяющих аффиксов, в виде фонетических наращений, окаменевших показателей грамматических классов, в роли морфологически значимых префиксов и инфиксов в структуре глагольных основ и т.д.

Смычные согласные

Звонкие смычные согласные

Б – звонкий губно-губной смычный. В слове употребляется исключительно в начале и середине слова, в конце слова в связи с его переходом в *в* не встречается: *баъ'ас* «молчать, умолкнуть», *букъац* «свинья», *баъ'* «чулок, но-

сок», *бушак* «глухой», *багагь* «завтра», *абав* «тетя», *багв* «бок», *базбаз* «гребешок петуха».

Д – зубной звонкий смычный. Встречается во всех трех позициях слова: в начале, середине и конце; употребление в конце ограничено в сравнении с литературным языком. В конце слова *д* переходит в *р*, широко этот процесс представлен в цирхинском говоре, еще более широко – в кошанском диалекте.

Примеры: *дахъас* «открывать», *диргI* «русло реки», *дурхIас* «играть», *дар* «лес», *адар* «дядя», *гIадиджас* «завернуть, заворачивать», *гIадаркас* «мешать, смешивать», *гIад* «куропатка», *гъад* «молоток».

Д несет на себе большую функциональную нагрузку: выступает в виде окаменелого классного показателя в конце числительных от одного до двадцати, в качестве отрицательного аффикса в глаголах.

Г – заднеязычный звонкий смычный. Встречается во всех трех позициях слова: *гугай* «кукла», *гилгенф* «круглый; моток», *гаван* «пастух (коров)», *джи-негв* «ястреб», *уьлгуьнф* «легкий», *багагь* «завтра», *агвас* «видеть», *уг!* «гори!», *муг* «гнездо».

Глухие придыхательные смычные

П – губно-губной глухой придыхательный смычный. Встречается во всех трех позициях слова: в начале, середине и конце: *пурар* «седло», *пуд*, *пудар* «грива», *пурцI* «птичье перо», *цIайлапан* «молния», *пас* «сказать», *паъ'* «курица», *уп!* «скажи!».

Употребление губно-губного придыхательного *п* в агульском языке ограничено.

Т – зубной глухой придыхательный смычный. Употребляется во всех позициях слова: *тук* «цветок», *турк* «ласка» (зоол.), *фаттатас* «отпустить, отпускать; освободить», *хурт* «пена», *хут* «слива».

К – заднеязычный глухой придыхательный смычный. Встречается во всех трех позициях: *кул* «ветка», *канар* «одежда», *куч* «коса из волос», *кум* «дым»,

гьикас «послать, отправить; погнать», *кетас* «фильтровать, цедить», *кулех* «буса», *каьрхIас* «трогать», *урукал* «дрель», *бушак* «глухой», *лек* «нога».

Заднеязычная глухая придыхательная смычная фонема *к* находит применение в морфологии в виде пространственного преверба, а также аффикса местного падежа со значением, в сплошной массе, в тесном контакте; на вертикальной поверхности».

Хъ – увулярный глухой придыхательный смычный. *Хъ* выступает в функции аффикса местного падежа и пространственного преверба со значением «за кем, чем-либо».

Выступает во всех позициях слова: в начале, середине и конце: *хъачар-хъас* «догнать; доходить, достичь; созреть», *хIавахъ* «вечер», *аттахъас* «распороть», *хъухъас* «лечь, лежать», *бахълухъ* «молот», *гIарчахъан* «охотник», *эхъ* «тень».

Смычные интенсивные

Пп – губно-губная глухая смычная гемината.

Встречается во всех позициях слова: в начале, середине и конце: *ппарз* «перевал», *ппара* «много; очень», *чапп* «тряпка», *чаппар* «тряпки».

Тт – зубная глухая смычная гемината.

Встречается в начале, середине и конце слова: *иттал* «боль; болезнь», *кеттатIас* «отрезать, отрывать (от чего-нибудь)», *ь'аттеф* «хромой», *каьттатас* «тушить», *иттеф* «сладкий», *ттур* «ложка», «имя», *ратт* «гумно».

Кк – заднеязычная глухая смычная гемината.

Встречается во всех позициях: *уккас* «бегать», *ккеттихъас* «уничтожить, истребить», *ккеттишас* «вздвогнуть (испугаться)», *ккабилай* «ящерица», *ккекк* «петух», *иркк* «кость», *ккурзал* «лестница», *иккеф* «тонкий (о круглых предметах)», *бакклихаьв* «косточка (от фруктов)».

Заднеязычная глухая смычная *кк* широко применяется в качестве словообразовательной морфемы, а также пространственного аффикса в глаголах и именах.

Къ – увулярная глухая смычная гемината.

Встречается во всех позициях: *къуьреф* «тупой (о режущем предмете)», *декъаьркку* «пробор», *къарк* «кора», *къакъ* «вьюк, поклажа», *рукъас* «сохнуть», *къадакъ* «гвоздь» и др.

Смычные абруптивы

ПП – губно-губной глухой смычный абруптив. Встречается в ограниченном количестве слов в начальной, срединной и конечной позициях: *пIаIp* «глазной гной», *ъ'anI* «отрыжка», *цIунIуIунIай* «сосулька».

ТТ – зубной глухой абруптив. Встречается во всех трех позициях: *тIагар* «окно», *къатIай* «клоун, шут», *багIтIур* «грязь», *кIарантIур* «бородавка», *ъ'антIеф* «балованный», *ъ'amIайар* «крошки», *тIахIас* «опухнуть», *тIумI* «муха», *хIумI* « жало пчелы», «носик чайника», *тIамс* «большой ворсовый ковер», *итIул* «узел».

КК – заднеязычный глухой абруптив. Встречается в начале, середине и конце слова: *кIучI* «пуговица», *джикIес* «находить», *кечикIас* «зарыть», *ба-кIай* «белая отметина на лбу животного (лошади, быка)», *кIарч* «рог», *чIекI* «кузнечный мех», «рыба», *цIакIин* «свадьба», *ъикIас* «сунуть», *мекI* «холод», *кIес* «убить; умереть», *дукI* «просо».

КК служит словообразовательным формантом с унижительным значением: *ъ'aирикI* «плакса», *хъаттрикI* «вор» и др.

Къ – увулярный глухой абруптив. Встречается в слове в начальной, срединной и конечной позициях: *акъас* «делать», *къур* «зерно», *икъвас* «сесть», *авкъанан гагъ* «полдень», *аванкъул* «лоб», *букъац* «свинья», *мукъ* «место», *къулкъунф* «горький» и др.

Ъ – ларингальный глухой смычный абруптив. Встречается в ограниченном количестве слов: *ъайа* «находится в полном пространстве», *риъиф* «раскаленный», *ваъ* «отрицательная частица».

Служит суффиксом одной из серий местных падежей, а также превербом со значением нахождения предмета «в ком, чем-либо».

Аффрикаты

Дж – переднеязычная звонкая шипящая аффриката. Встречается во всех трех позициях слова: *гвадж* «затылок», *курджам* «айва», *гаджин* «кувшин», *джил* «земля»; «голос», *джакъв* «воробей», *джалла* «все» и др.

Глухие придыхательные

Ц – зубная глухая придыхательная аффриката. Встречается в любой позиции: в начале, середине и конце слова: *аванцай* «лягушка», *цул* «осень», *букъауц* «свинья», *вец* «вол», *гларуцас* «бродить», *цац* «в прошлом году», *цункI* «корточки».

Ч – переднеязычная глухая шипящая придыхательная аффриката. Служит словообразовательным формантом имен существительных и направительным превербом со значением «к ориентиру» [Сулейманов 1980 : 203]: *хъирхъ* «слюна» – *хъирхъеч* «слюнтай», *хъуьнтI* «сопля» – *хъуьнтIич* «сопляк»; *аттикас* «выгнать (например, скот)», но *ачикас* «загнать (скот)».

Встречается во всех позициях слова: *йелчахъ* «овес», *гъачагIас* «подходить вплотную», *кечикIас* «зарыть», *алчархъас* «встречаться», *чар* «всходы (урожая)», *гIарч* «охота, дичь», *урч* «теленки», *хIач* «яблоко», *чин* «мы», *чун* «вы».

Геминированные

Цц – зубная глухая свистящая интенсивная аффриката. Встречается в очень ограниченном количестве слов: *балницца* «больница».

Чч — переднеязычная глухая шипящая интенсивная аффриката: Встречается в ограниченном количестве слов: *ччиччи* (эрг. п. от *чи* «сестра»), *ччуччу* (эрг. п. от *чу* «брат»), *ъ'уччас* «мыть, стирать».

Абруптивные

Цц — зубная глухая свистящая абруптивная аффриката. Встречается во всех трех позициях в слове: *ифццглар* «пятьдесят», *биццлай* «кукла», *биццлиф* «маленький», *карццул* «щенок», *мурццл* «птичье перо», *ццикав* «пирог», *ццла* «огонь», *ццлехл* «коза».

Чл — переднеязычная глухая шипящая абруптивная аффриката. Встречается во всех словах: *члиркъвас* «жевать», *члар* «волос», *члил* «ремень», *члид* «блоха», *агъучлас* «взбираться», *лучл* «телка», *ъ'ачл* «овраг».

Спиранты

Звонкие

В — губно-губной звонкий спирент. Выступает в функции аффикса одной из серий местных падежей со значением «рядом, возле». Употребление спирента *в* в буркиханском диалекте, в отличие от литературного языка, фитинского и хпюкского говоров, расширяется в связи с тем, что здесь исконный *б* в середине и конце переходит в *в*.

Встречается во всех позициях в слове: в начале, середине, конце: *вун* «ты», *хав* «копна (сена)», *хилив* «рукав», *гъаваф* «высокий», *хлавахъ* «вечер», *завал акъас* «собрать», *абав* «тетя», *аванкъул* «лоб», *ъ'ав* «люлька, колыбель», *аванцай* «лягушка».

З — зубной звонкий свистящий спирент. Встречается во всех позициях: *зав* «колочка», *зур* «моча», *бизи* «женская грудь», *мез* «язык», *луз* «раствор (строительный)», *зивз* «муравей», *ккурзал* «лестница», *базбаз* «гребешок (петуха)».

Й — среднеязычный звонкий спирент.

Встречается во всех трех позициях: *айар* «участок, где запрещена рубка и поправа», *кьатIай* «шут, клоун», *йархIун* «рана», *йархIас* «бить», *йахьцIур* «шестьдесят», *ь'атIайар* «крошки», *йелчахь* «овес», *гьашиттай* «чижик, свинка».

Гъ – увулярный звонкий спират. В буркиханском диалекте, в сравнении с литературным языком, употребление спиранта *гъ* ограничено в связи с переходом его в некоторых случаях в глухой спират *х*. Встречается во всех положениях слова: *гьад* «молоток», *гьайишас* «встать, подняться», *гьушас* «брат», *гьул* «ниша», *ккедагьас* «растянуть (ноги)», *халагъ* «крыша», *угьал* «дождь», *рагъ* «солнце» и др.

ГI – фарингальный звонкий спират. Встречается во всех положениях слова: *гIаттивас* «выбирать», *гIукIас* «вложить (между, среди чего-либо)», *гIукъас* «застрывать, попадать (между чем-либо)», *багIмIур* «грязь», *гIад* «куропатка», *ивгIаф* «теплый», *гIайеф* «рябой, с оспинками», *рагI* «гребень».

Общая тенденция оглушения распространяется и на *гI*, который в ряде случаев переходит в глухой *хI*. В связи с этим в буркиханском диалекте употребление фарингального *гI* менее интенсивное, чем в литературном языке.

Глухие

Ф – губно-зубной глухой спират.

Встречается во всех позициях в слове: *фун* «живот», *гьаваф* «высокий», *ь'арефунар* «близнецы», *ифал* «сливочное масло», *иттеф* «сладкий», *алатIуф* «заплата», *батIарф* «красивый», *зерфел* «сито», *кьаффу* «внутренности».

С – зубной глухой свистящий спират. Встречается в любом положении: в начале, середине и конце слова: *ис* «год», *нис* «сыр», *сехв* «коренной зуб», *маскьв* «мозг», *ь'асида* «халва из муки, сливочного масла и сахара», *ахсай* «фурункул», *исалф* «узкий, тесный (о дороге, тропинке)».

Ш – переднеязычный глухой шипящий спирант. Встречается в слове в любом положении: *шшш* «вилка», *ашшкIин* «вдова, вдовец», *кванишш* «браслет», *ъшшас* «прягать (сверху вниз)», *бушак* «глухой», *ъ'ашкул* «развилка», *балгншш* «медведь», *шуй* «муж», *йарш* «ось арбы».

Хь – заднеязычный глухой спирант. Употребляется во всех позициях слова: *хьар* «печь для выпечки хлеба», *хьел* «сноп», *йахьцIур* «шестьдесят», *йерхьид* «шесть», *алихьас* «поставить (на горизонтальную плоскость)», *йалчахь* «овес», *мехь* «хлев», «горсть», *уьхь* «снег».

Х – увулярный глухой хрипящий спирант. Употребление *х* в буркиханском диалекте шире, чем в литературном аульском языке: в некоторых случаях он соответствует *хI*, *гъ*, *гь* литературного языка.

Встречается во всех позициях слова: *хурд* «кулак», *балхун* «гной», *вархаъ* «вдали, далеко», *ахун* «постель», «сон», *хайагани* «яичница», *арах* «напильник», *кулах* «буса», *дехе* «скоро, быстро», *джарх* «ячмень», *хурт* «пена», *ахас* «спать», *худул* «легкое» (анат.), *хуй* «собака».

ХI – фарингальный глухой спирант. Употребляется в некоторых случаях вместо ларингального спиранта *гъ* литературного языка, а также звонкого фарингального *гI*.

Встречается во всех позициях слова: *хIайван* «лошадь», *махI* «сыворотка (овечья)», *чIвахI* «сыворотка (коровья)», *хIав* «воротник», «вымя», *дурхIас* «играть», *кквахIар* «серебряная цепочка с крючками для женского головного убора», *каьрхIас* «трогать», *йархIун* «рана», *балрхIам* «рубашка, платье».

Гь – ларингальный глухой спирант. Служит, как и в литературном языке, аффиксом одной из серий местных падежей со значением «перед кем, чем-либо», а также глагольным превербом с тем же значением. Употребляется во всех позициях слова: *гьикас* «послать, отправить», *гьшшас* «бежать; летать», *гьачагIвас* «подходить вплотную», *багьагь* «завтра», *багагьмири* «утром», *гагь* «время», *агьатас* «лить, налить», *бугьу* «сова», *гьукIас* «нагнуться», *удигь* «перед, впереди».

Некоторые замечания о геминированных, фарингализованных и лабиализованных согласных

Вопрос о геминированных, фарингализованных и лабиализованных согласных не встречает единодушного мнения у исследователей, поэтому мы попытаемся, основываясь на работах своих предшественников, изложить свое понимание вопроса.

Относительно геминированных согласных в агульском языке все исследователи сходятся во мнении о наличии геминированных среди смычных и аффрикат, но расходятся в позиции при определении геминации у спирантов. Как А. Дирр, так и Н. Трубецкой, и А. Магометов придерживаются точки зрения, согласно которой корреляция по геминации имеет место и среди спирантов [см. Дирр 1907: 5; Трубецкой 1987 : 304–305; Магометов 1970 : 23–24]. А.А.Магометов при этом уточняет, что «Спиранты-геминаты в агульском языке ныне представлены в кошанском, буркиханском говорах, частично они сохранились и в речи других говоров». И далее, говоря о геминированных спирантах в табасаранском и агульском языках, замечает, что они «постепенно утрачивают коррелятивное противопоставление негеминированным спирантам» [Магометов 1970 : 24]. Другое мнение у Б.Б.Талибова, см. Сравнит. фонетика... с.119-120 [Мейланова, Талибов: 1987].

Наши наблюдения над материалом буркиханского диалекта убеждают в том, что спиранты в исследуемом диалекте на данном этапе не противопоставлены по интенсивности и придыхательности. По свидетельству некоторых ученых, такого противопоставления нет ни только в буркиханском диалекте, но и в агульском языке в целом [см. Гигинейшвили 1977 : 58; Сулейманов 1993 : 45]. Более того, как утверждает Б.К. Гигинейшвили, противопоставление геминированных и придыхательных у спирантов не наблюдалось уже в общесамурском языке [Гигинейшвили 1977].

Геминированные согласные неоднородны по своему качеству: в зависимости от языков и говоров степень напряженности артикуляционных органов

при их произношении различна. Различаются геминированные согласные по степени напряженности при произношении и в агульском языке [Шаумян: 1941].

В специальной литературе уже отмечалось, что в агульском языке геминированные согласные по своему качеству могут различаться по диалектам даже в пределах одного и того же диалекта. Так, к примеру, в керенском диалекте в речи сел Рича, Бедюк и Квардал при произношении указанных согласных артикуляционные органы, как и в буркиханском диалекте, более напряжены, чем в речи сел Усуг, Укуз, а также носителей хпюкского говора. В речи последних геминированные согласные по степени напряженности артикуляционного аппарата при их произношении приближаются к преруптивам лезгинского языка.

Генетически геминаты и преруптивы одного происхождения: у них нет противопоставления между собой, как это представлено у геминат и придыхательных. Поэтому в литературе нередко под геминатами подразумевают как интенсивные, так и непридыхательные (предуптивы) согласные. [см. Шор 1935 : 135–154; Жирков 1941 : 10, 16; Гигинейшвили 1977 и др.].

В лезгинском языке геминированные и преруптивные согласные некоторыми исследователями противопоставляются на фонетической основе, при этом возможна строгая дифференциация указанных звукотипов [см. Гайдаров 1957; 1961 : 34; Мейланова 1970 : 24–25]. Согласно У.А.Мейлановой непридыхательные согласные «не имеют ничего общего с геминатами». Если геминаты произносятся с некоторым напряжением органов речи, то, по мнению У.А.Мейлановой, «Ничего подобного в названных лезгинских согласных нет» [Мейланова 1970 : 25].

Фарингализация – одна из ярких особенностей агульского языка. Процесс фарингализации также в специальной литературе решается по-разному. Одни исследователи склонны признак фарингализации относить к гласным [см. Бокарев 1961; 1981; Джейранишвили 1966; Талибов 1980], другие – к согласным

[см. Трубецкой 1987 : 290–291; Магомедов 1959; 1963 : 47–50; 1970 : 27–31; Гудава 1959; 1964; 1979 : 34–41 и др.].

Существует и третья точка зрения, согласно которой фарингализованными могут быть и согласные, и гласные [см. Ибрагимов 1974; 1990; Кодзасов 1986]. Г.Х. Ибрагимов, специально исследовавший фарингализованные звуки в рутульском и цахурском языках приходит к мнению, что, если фарингализованные согласные характерны обоим языкам, то в области фарингализованных гласных рутульский и цахурский языки расходятся. В рутульском языке фарингализованные гласные обусловлены соседством фарингализованных согласных, в цахурском же языке фарингализованные гласные выступают независимо от фарингализованных согласных [см. Ибрагимов 1974 : 197–200].

С.В.Кодзасов, например, признавая в агульском, где широко представлена фарингализация, наличие фарингализованных согласных, отмечает и условия (это соседство губных и шипящих согласных), при которых в буркиханском и кошанском диалектах, а также в ричинском говоре керенского диалекта выступают фарингализованные гласные [Кодзасов 1986 : 30; 1990 : 340].

Последняя точка зрения наиболее верно отражает картину, представленную в агульском языке в отношении фарингализованных звуков. Ср. бурк. *maIdʒ* «съедобная трава», *ɣarɕɣId* «девять» и тп.г. *medʒ*, *ɣerɕɣud*. Вместе с тем нельзя не согласиться, что в некоторых из подобного рода примерах по говорам всплывает звонкий фарингальный *ɣI*, ср. бурк. д., цир. г. *baɪmɣur* «грязь», но хп. г. фит. г. *baɣɪmɣur*; кер., бурк. *ɕɕaɪm* «масло», но *ɕɕaɣɪam* (хут. г.).

Исконные фарингализованные согласные агульского языка *кь'*, *гь'* и *х'* сохранились в настоящее время в усугском говоре керенского диалекта, в фитинском самостоятельном говоре и дуруштульском говоре собственно агульского диалекта.

В исследуемом буркиханском диалекте исконные фарингализованные согласные дали рефлексy: фарингализованный *кь'* дал фарингализованный ла-

рингальный $\text{ь}'$ (ср. ус. г. $\text{къ}'\text{уд}$ «два» и бур. д. $\text{ь}'\text{ад}$; ус. г. $\text{къ}'\text{урд}$ «зима» и бур. д. $\text{ь}'\text{ард}$), фарингализованный $\text{гь}'$ дал фарингальный гI ($\text{гь}'\text{ул}$ «лето» – гIал), фарингализованный $\text{х}'$ дал глухой фарингальный хI ($\text{х}'\text{ан}$ «двор» – хIан). Такая же картина представлена в литературном агульском языке, хпюкском говоре, а также в хвереджском и укузском говорах керенского диалекта. Р.Шаумян фарингальным гI передает как рефлекс фарингализованного $\text{гь}'$, так и фарингализованного $\text{къ}'$ [см. Шаумян 1941 : 15]. Согласно А.Магометову фарингализованные согласные в агульском языке дают рефлексы: $\text{къ}'$ – звонкий фарингальный гI , $\text{гь}'$ – глубокофарингальный $\text{гь}'$, а $\text{х}'$ – глухой фарингальный хI [Магометов 1970: 27].

Общая тенденция к оглушению спиранта (ср. гьил и хил «рука»), которое имеет место в агульском языке, распространяется и на фарингализованные согласные. Это можно проиллюстрировать на материалах тпигского говора, где этого оглушения не происходит, и буркиханского диалекта, где это налицо:

бурк. д.	тп. г.	
хIан	гIан	«двор»
хIав	гIав	«вымя»
хIар	гIур	«мука»
хIад	гIад	«звезда» и др.

Но в следующих примерах оглушения не происходит:

бурк. д.	тп. г.	
гIан	гIун	«плечо»
гIар	гIур	«заяц»
гIан	гIан	«чрево; внутренность»

Не происходит оглушения и у простых (нефарингализованных) спирантов в словах угьал «дождь», рагь «солнце», угьас «падать (об осадках)». Оглушения спиранта не происходит, когда он восходит к историческому *къг [см. Талибов 1980 : 319].

Лабиализованные согласные имеют широкое применение в дагестанских языках. Однако в дагестанских языках они имеют неодинаковое распространение. Даже в рамках одного и того же языка в различных его диалектах лабиализованные согласные получают разное распространение, а в некоторых из диалектов они могут совсем отсутствовать. Так, например, в кубачинском диалекте даргинского языка лабиализация согласных распространена слабо, в сравнении с урахинским диалектом, а в акушинском диалекте лабиализованные согласные отсутствуют вообще [см. Магомедов 1974].

Как указано в специальной литературе, из лезгинских языков наиболее полно они представлены в табасаранском, агульском, собственно лезгинском, арчинском языках, менее полно – в рутульском и цахурском, сведены до минимума в шахдагской группе, и, наконец, в удинском языке они отсутствуют вовсе [см. Талибов 1972]. Также отмечается, что в настоящее время в лезгинских языках в частности и в дагестанских в целом идет тенденция к затуханию лабиализованных согласных. Одной из причин такого явления называют влияние языка иной системы (Ш.И.Микаилов, Б.Б.Талибов, А.Г.Гюльмагомедов).

Делабиализация лабиализованных согласных проходит по линии:

1. Когда элемент лабиализации затухает, не оставив никакого следа.
2. Когда элемент лабиализации оставляет след в предшествующем гласном в виде лабиального гласного.
3. Когда элемент лабиализации оставляет след в последующем гласном в виде лабиального гласного.
4. Когда элемент лабиализации перескакивает.

Все эти процессы в области лабиализованных согласных классифицированы и проиллюстрированы на материалах лезгинских языков Б.Б. Талибовым [см. Талибов 1972, 1980].

Те же самые процессы в области лабиализованных согласных прослеживаются и на материалах агульских диалектов.

1. кер. д. *рах'в* – бурк. д. *рахI*, тп. г. *рагI* «мельница»; кер. д. *килехв* – бурк. д. *кулех*, тп. г. *кулагъ* «бусина»; тп. г. *месв* – кер. д. *мес* «трут»; кер. д. *паркъ'в* – тп. г., бурк. д. *паръ'* «лопух»; тп. г. *далгъванас* – кер. д. *дагъас* «рассыпать, рассеять»; тп.г. *кихъвас* – кер. д. *кихъас* «зажечь» и т.д.

2. кер. д. *итте* – бурк. д., тп. г. *уьтт* «мед»; кер. д. *ицIвас* – тп. г. *уьцIас* «таять»; кер. д. *ирхв* – бурк. д., тп. г., фит. г. *рух* «овраг, ложбина»; тп. г. *хъ'ахъв* – бурк. д. *хъуьхъ*, кер. д. *хъ'ухъ'* «нос»; кер. д. *цIирекIв* – тп. г. *цIурукI* «утолщение на нити».

3. бурк. д., тп. г. *ъ'агв* – кер. д. *гIагуг*, *ъ'агуг* «зеркало»; кер. д. *гъвал* – бурк. д., тп. г. *гъул* «ниша»; бурк. д., тп. г. *кваниш* – кер. д. *куниш* «браслет» и т.д.

4. бурк. д. *ицIвал*, тп. г. *ибцIел* ← **ицIвел* – кер. д. *уцIал* «стружка, опилка»; тп. г. *хецIв* – бурк. д. *хвецI* «клещ» и др.

Агульские лабиализованные согласные в сравнении с лабиализованными согласными табасаранского языка рассматривает А.А. Магомедов. В агульском, как и в табасаранском, он выделяет билабиализованные и дентолабиализованные согласные.¹ И в агульском языке и в табасаранском билабиализованные согласные по диалектам сохранились неодинаково. В северном диалекте табасаранского языка билабиализация ныне утрачена [Магомедов 1974 : 170]. Как отмечает А.А. Магомедов, «При учете данных различных говоров билабиализованные в агульском представлены среди переднеязычных, заднеязычных и фарингальных (среди переднеязычных – зубные и сибиланты, последние – как шипящие, так и свистящие) : [дзв], зв, св, цIв, джв, жв, чв, чIв, гв, кв, ккв, кIв, гъв, хв, ххв, хъв, къв, къв» [Магомедов 1974 : 170].

¹ Дентолабиализованные согласные в агульском языке распространены в двух селах кошанского диалекта - Буршаге и Арсуге [Магомедов 1970 : 24]. Дентолабиализованные согласные нами не рассматриваются.

Звуковые соответствия в области согласных

При характеристике звуковых процессов в области согласных буркиханский материал сопоставляется с материалом тпигского говора. Такая процедура оправдана, во-первых, тем обстоятельством, что последний лежит в основе агульского литературного языка и такие сопоставления с нормированным языком имеют практическое значение. Во-вторых, указанные сопоставления позволяют выявить контрактивные (отличительные) черты буркиханского диалекта, а затем проследить их пространственный континуум.

Ослабление губной смычки

Наиболее характерной особенностью фонетической системы согласных агульского языка является ослабление губной артикуляции у звонкого губно-губного *б* и переход его в середине и конце слова в губно-губной *в*. Данным процессом охвачен и буркиханский диалект. Это соответствие между буркиханским диалектом и тпигским говором наблюдается в именах, а также в аффиксе множественного числа.

в – б

бурк. д.	тп. г.	
<i>зивз</i>	<i>зибз</i>	«муравей»
<i>ивур</i>	<i>ибур</i>	«ухо»
<i>кавул</i>	<i>кубул</i>	«ревматизм»
<i>тав</i>	<i>таб</i>	«жила, кровеносный сосуд»
<i>тIавакI</i>	<i>тIабакI</i>	«поднос»
<i>тIавул</i>	<i>тIубул</i>	«кольцо»
<i>къав</i>	<i>къаб</i>	«ствол»
<i>къавкI</i>	<i>къабкI</i>	«моль»
<i>хIавахъан</i>	<i>хIуппехъан</i>	
	(← * <i>хIубехъан</i>)	«пастух (овец)»
<i>цIикав</i>	<i>цIикIаб</i>	«пирог»
<i>чивхар</i>	<i>чибхар</i>	«двоюродный брат»,

		«двоюродная сестра»
<i>рев</i>	<i>реб</i>	«шило»
<i>силев</i>	<i>силеб</i>	«зуб (молочный)»
<i>бав</i>	<i>баб</i>	«мать»
<i>абав</i>	<i>абаб</i>	«тетя»
<i>хав</i>	<i>гъаб</i>	«охапка»
<i>аванкъул</i>	<i>абанкъул</i>	«лоб»
<i>ъ'ав</i>	<i>ъ'аб</i>	«люлька»
<i>хувур</i>	<i>хуптур</i>	
	(←*хубур)	«поля»
<i>цIавур</i>	<i>цIабур</i>	«огни»
<i>ивгIаф</i>	<i>ибгIаф</i>	«теплый»
<i>хьиваф</i>	<i>хьебаф</i>	«низкий»
<i>хьивцIур</i>	<i>хьибцIур</i>	«тридцать»
<i>хав</i>	<i>хаб</i>	«обратно»
<i>къавахъ</i>	<i>къабахъ</i>	«сзади»
<i>хылава</i>	<i>хылаба</i>	«пешком»
<i>авкъанис</i>	<i>абкъанис</i>	«в полдень» и др.

Данным процессом (*б* → *в*) охвачено большинство диалектов агульского языка. Но последовательно он проходит в буркиханском и кошанском диалектах, а также цирхинском говоре. Слабо он коснулся и керенского диалекта. В диалектах и говорах, где *б* → *в*, в конце слова после лабиального гласного *у* согласный *в* выпадает, ср. бурк. *тIахIу* «опухоль», *ку* «кизяк», но тп. г. *тIагIуб*, *куб* соответственно [Шаумян: 1971; Магомедов: 1970; Талибов: 1980].

Конечный губной *в* в буркиханском диалекте, усеченный в финале слова, всплывает при словоизменении: *тIу* «палец», но *тIувар*; *ру* «иголка», но *рувар* «иголки»; *хIа* «баран», но *хIавар* «бараны»; *ку* «кизяк», но *кувар* «кизяки»; *дуьхIуь* «запястье», но *дуьхIуьвар* «запястья».

Ротация ($\partial \rightarrow p$)

В исследуемом диалекте в ряде слов, где в тпигском говоре представлен ∂ , он переходит в p . Это также наблюдается в середине и конце слова. Данное изменение, как верно отмечено, наблюдается «между двумя группами диалектов собственно-агульского и керенского, с одной стороны, и гекхунского и буршагского говоров кошанского диалекта – с другой» [Шаумян 1941 : 20; Магометов: 1970; Талибов: 1980]. А.А. Магометов уточняет, что переход $\partial \rightarrow p$ частично наблюдается и в речи села Худиг [Магометов 1970 : 34]. Если быть более корректным, то данный процесс распространяется и в цирхинском говоре. За пределами агульского ареала он наблюдается в северном диалекте табасаранского языка, граничащем с агульским языком.

$p - \partial$:

бурк. д.	тп. г.	
<i>адар</i>	<i>адад</i>	«дядя»
<i>арес</i>	<i>адес</i>	«приходить»
<i>тирас</i>	<i>тидас</i>	«оттуда»
<i>уригъ</i>	<i>удигъ</i>	«перед»
<i>xIарас</i>	<i>xIуттез</i>	
	(← * <i>xIудез</i>)	«ножницы»
<i>иреми</i>	<i>идеми</i>	«мужчина; человек»
<i>фирил</i>	<i>фиттил</i>	
	(← * <i>фидил</i>)	«на чем?»
<i>къаракъ</i>	<i>къудакъ</i>	«кожа (мелкого рогатого скоа)»
<i>хъер</i>	<i>хъед</i>	«вода»
<i>мирас</i>	<i>мидас</i>	«отсюда»

В речи села Буршаг этот процесс распространяется и на суффиксы числительных и прилагательных – окаменелые классные показатели: *сар* «один» (худ. г. *сад*), *къ'уд* «два» (*къуьд*), *иджер* «хороший» (*иджед*) [Магометов 1970 : 35].

Буркиханские формы могут служить контрольным (проверочным) материалом для тпигского говора. В тех случаях, когда тпигскому геминированному *тт* в буркиханском соответствует *р*, можно с уверенностью для тпигского восстановить *д*, см. *хлуттез*, *фиттил*.

Конечным трансформом *д* является *й*. Последовательный переход *д* в *й* можно проиллюстрировать по диалектам агульского языка на глагольной форме – деепричастии несовершенного вида: фит. г. *акъад* «делая» → бурк. д. *аркъари* → тп. г. *аркъай*.

Оглушение

Увулярный глухой хрипящий спирант *х* буркиханского диалекта соответствует увулярному звонкому спиранту *гъ* в тпигском говоре. Соответствие встречается во всех трех позициях слова.

х – гъ:

бурк. д.	тп. г.	
<i>хав</i>	<i>гъаб</i>	«охапка»
<i>хас</i>	<i>гъас</i>	«нести»
<i>хункIар</i>	<i>гъванкIар</i>	«теневая сторона»
<i>хилди</i>	<i>гъилди</i>	«как только»
<i>Хулхул</i>	<i>Гъудгъул</i>	«село Хутхул»
<i>хил</i>	<i>гъил</i>	«рука»
<i>хилив</i>	<i>гъилив</i>	«рукав»
<i>худул</i>	<i>гъудул</i>	«легкое»
<i>хуй</i>	<i>гъуй</i>	«собака»
<i>хурд</i>	<i>гъурд</i>	«кулак»
<i>хурт</i>	<i>гъурт</i>	«пена»
<i>хъухас</i>	<i>хъугъас</i>	«верить»
<i>цIахун</i>	<i>цIагъун</i>	«бревно, балка»
<i>эрхел</i>	<i>эргъел</i>	«солома»
<i>кулех</i>	<i>кулагъ</i>	«бусина»

фурдех *фурдагъ* «корзина (сплетенная из прутьев)».

В данном случае «исходное состояние - звонкий спирант *гъ* – сохранил тпигский говор. В специальной литературе имеется и обратное мнение [ср. Магометов 1970 : 41]. В агульском языке этим процессом (*гъ* → *х*) охвачены все диалекты.

Процесс оглушения спиранта распространяется на все лезгинские языки. В собственно лезгинском языке исконный *гъ* сохранился в гюнейском диалекте, а в курахском и фийском диалектах он оглушился [см. Талибов 1980 : 223].

Процесс оглушения спиранта распространяется и на фарингальный *гI*. И здесь буркиханскому глухому спиранту *хI* в тпигском говоре соответствует звонкий *гI*.

хI – *гI*:

<i>хIав</i>	<i>гIав</i>	«ВЫМЯ»
<i>хIад</i>	<i>гIад</i>	«ЗВЕЗДА»
<i>хIалашуй</i>	<i>гIалашуй</i>	«ГОСТЬ»
<i>хIамчивур</i>	<i>гIамчивур</i>	«ГРИПП»
<i>хIар</i>	<i>гIур</i>	«МУКА»
<i>хIавахъ</i>	<i>гIубаъхъ</i>	«ВЕЧЕР»
<i>тIахIас</i>	<i>тIагIас</i>	«ОПУХАТЬ»
<i>рахI</i>	<i>рагI</i>	«МЕЛЬНИЦА» и др.

В ряду оглушения можно отметить и переход *д* → *тт*, который наблюдается при сопоставлении буркиханского материала с тпигским. В данном случае буркиханского диалекта коснулась тенденция перехода звонкого смычного *д* в интервокальной позиции в геминату *тт*.

д – *тт*:

бурк. д.	тп. г.	
<i>аттатас</i>	<i>адатас</i>	«ОТВЯЗАТЬ»
<i>аттикас</i>	<i>адикас</i>	«ВЫГНАТЬ, ПРОГНАТЬ»
<i>каьттатас</i>	<i>каьдатас</i>	«ТУШИТЬ»

<i>ккеттихъас</i>	<i>ккедихъас</i>	«уничтожить, истребить»
<i>фаттихъас</i>	<i>фадихъас</i>	«бросить»
<i>фаттатас</i>	<i>фадатас</i>	«отпускать»
<i>хъаттикас</i>	<i>хъадикас</i>	«отогнать»
<i>хъаттикIес</i>	<i>хъадикIенас</i>	«красть»

Широко представлен настоящий процесс ($d \rightarrow tt$) в керенском диалекте.

Переход $\partial \rightarrow p$, $zI \rightarrow xI$, $zъ \rightarrow x$, $б \rightarrow в$ в буркиханском диалекте приводит к омонимии, ср.

бурк. д.	тп. г.
<i>дар</i> 1. «отец» 2. «лес»	<i>дад</i> «отец», <i>дар</i> «лес»
<i>хьир</i> 1. «весна» 2. «жена», женщина»	<i>хьид</i> «весна», <i>хьир</i> «жена, женщина»
<i>хIар</i> 1. «мука» 2. «село»	<i>гIур</i> «мука», <i>хIур</i> «село»
<i>хав</i> 1. «охапка» 2. «обратно»	<i>гъаб</i> «охапка», <i>хаб</i> «обратно»
<i>хил</i> 1. «рука» 2. «спица арбы»	<i>гъил</i> «рука», <i>хил</i> «спица арбы»
<i>чIурхвас</i> 1. «порвать» 2. «быстро пройти, проскользнуть»	<i>чIургъас</i> «порвать», <i>чIурхас</i> «быстро пройти, проскользнуть»
<i>тав</i> 1. «сухожилие» 2. «кунацкая»	<i>таб</i> «сухожилие», <i>тав</i> «кунацкая»

Наращение p также приводит к образованию омонимии:

бурк. д.	тп. г.
хурас 1. «учиться»; «читать»	хурас «учиться»; «читать», хас «родиться»
2. «родиться»	

Здесь в буркиханском диалекте не исключается и метатеза в слове «родиться»: *хурас* ← **рухас*, ср. лезг. *рухун* «родить». Исторически формы у слов «учиться», «читать» и «родиться» различались метатезой: *хурас* и *рухас*.

Другие соответствия

В глаголах буркиханского диалекта сонорному *й* соответствует губно-губной *в*, при этом последующий согласный теряет лабиализацию:

бурк.д. тп.г.

<i>алавиас</i>	<i>алайиас</i>	«переливаться через край», «убегать (о жидкости)»
<i>алавтиас</i>	<i>алайтиванас</i>	«дремать»
<i>авчиас</i>	<i>айчиас</i>	«выйти, выходить»
<i>гъавчиас</i>	<i>гъайчиас</i>	«отходить, удаляться»
<i>ккевчиас</i>	<i>ккейчиас</i>	«вылезать (из-под чего-л.)»
<i>хъавчиас</i>	<i>хъайчиас</i>	«отходить (из-за)»
<i>алавчиас</i>	<i>алайчиас</i>	«слезать (с лошади)»
<i>фавчиас</i>	<i>файчиас</i>	«отваливаться»
<i>кевчиас</i>	<i>кейчиас</i>	«сходить (по наклонной плоскости)»
<i>главчиас</i>	<i>глайчиас</i>	«выходить (между чем-н.)»

В буркиханском диалекте имеет место «перескок» (по терминологии Б.Б. Талибова) лабиализации:

бурк. д.	тп. г.	
<i>хвецI</i>	<i>хецIв</i>	«клещ»

Фарингальному спиранту *xI* буркиханского диалекта соответствует ларингальный *гъ* тпигского говора.

xI – *гъ*:

<i>хIал</i>	<i>гъел</i>	«стрела»
<i>хIач</i>	<i>гъеч</i>	«яблоко»
<i>духIу</i>	<i>дуйгъуьб</i>	«запястье»
<i>фидехIен</i>	<i>фидегъен</i>	«сколько, как много»

Ларингальный фарингализованный *ъ'* в буркиханском диалекте соответствует тпигскому звонкому фарингальному спиранту *гI*. Основная масса слов, где происходит это соответствие, относится к заимствованной лексике.

ъ' – *гI*:

<i>заъ'иф</i>	<i>загIиф</i>	«слабый»
<i>таъ'деф</i>	<i>тагIдеф</i>	«быстрый»
<i>таъ'риф</i>	<i>тагIриф</i>	«хвала»

<i>йаъ'ахъас</i>	<i>йагIарахъас</i>	«купаться»
<i>маъ'лум</i>	<i>магIлум</i>	«известный; ясный»
<i>маъ'на</i>	<i>магIна</i>	«содержание; смысл»
<i>маъ'ни</i>	<i>магIни</i>	«песня»
<i>саъ'ат</i>	<i>сагIат</i>	«часы; час»
<i>саъ'бун</i>	<i>сагIбун</i>	«мыло»
<i>ъ'аджиз</i>	<i>гIаджиз</i>	«слабый, беспомощный»
<i>ъ'азаб</i>	<i>гIазаб</i>	«труд»
<i>ъ'азиз</i>	<i>гIазиз</i>	«дорогой, милый»
<i>ъ'амбар</i>	<i>гIамбар</i>	«большая куча, горка»; «амбар»
<i>ъ'авам</i>	<i>гIавам</i>	«непросвещенный»
<i>ъ'араба</i>	<i>гIараба</i>	«арба»
<i>ъ'аракъи</i>	<i>гIаракъи</i>	«водка»
<i>ъ'илми</i>	<i>гIилми</i>	«наука»
<i>баъ'зи</i>	<i>багIзи</i>	«некоторые»
<i>баъ'ли</i>	<i>багIли</i>	«вишня, черешня»
<i>ваъ'да</i>	<i>вагIда</i>	«время»
<i>ъ'айив</i>	<i>гIаиб</i>	«стыд»

Ассимиляция и диссимиляция согласных

Ассимиляция согласных. Процесс ассимиляции, как и в тпигском говоре, имеет распространение в исследуемом диалекте. Здесь представлена полная и частичная, контактная и дистактная ассимиляция, а по направлению ассимилирующего согласного звука имеется ассимиляция регрессивная (когда последующий согласный звук ассимилирует себе предшествующий) и прогрессивная (когда предшествующий согласный звук ассимилирует последующий).

Так, регрессивная полная ассимиляция представлена в слове *Хулхул* «село Хутхул», ср. тп. г. *Гъудгъул* (л ассимилировал себе *д*).

Полная прогрессивная ассимиляция представлена в слове *улул* «дыра, нора», ср. тп. г. *улуд*.

В составных числительных конечный звонкий *д* ассимилируется сонантом *н*, который служит компонентом союза *на* «и»: *къанна сад* ← *къадна сад* «двадцать один», *къанна ъ'ад* «двадцать два». Здесь мы имеем полную контактную регрессивную ассимиляцию.

Сочетание *л + р* в буркиханском диалекте дает *л + л*: компонент *р* союза *ра* «и» ассимилируется предшествующим согласным: *халла* «и дом», *члалла* «и слово». Здесь представлена полная контактная прогрессивная ассимиляция.

Диссимиляция согласных. Имеет место в буркиханском диалекте и диссимиляция (расподобление) согласных.

Регрессивной диссимиляции в буркиханском диалекте подвергается *к*:

бурк. д.	тп. г.	
<i>махътаб</i>	<i>мактаб</i>	«школа»

Прогрессивной дистанционной диссимиляции в буркиханском диалекте подвергаются заднеязычный *г* и переднеязычный придыхательный *т*:

<i>йамак</i>	<i>йамаг</i>	«пища»
<i>пуд</i>	<i>путар</i>	«грива»

Субституция

В буркиханском диалекте наблюдаются случаи замещения одних согласных другими, близкими по артикуляции. Замещения эти почти всегда происходят среди сонорных согласных. Часты замещения между *л* и *р*.

Так, например, сонант *л* буркиханского диалекта замещает вибрانت *р* тпигского говора:

<i>зарал</i>	<i>зарар</i>	«убыток»
<i>члилкъвас</i>	<i>члиркъвас</i>	«жевать, разжевывать»
<i>ъ'улджан</i>	<i>ъ'урджан</i>	«точило» (плоское)
<i>ъ'уль'ан</i>	<i>ъ'урь'ан</i>	козий или овечий помет»
<i>гилгенф</i>	<i>гиргенф</i>	«круглый»
<i>хьиджал бав</i>	<i>хьиджар баб</i>	«теща»
<i>хлурмат</i>	<i>хлурмат</i>	«уважение, почтение»

<i>кепкил</i>	<i>кепкир</i>	«шумовка»
---------------	---------------	-----------

Другие виды субституции редки:

Сонорный *р* буркиханского диалекта в ограниченном количестве слов замещает сонант *л*:

<i>къургун</i>	<i>къулгун</i>	«МОЛИТВА»
<i>бусурман</i>	<i>бусулман</i>	«мусульманин»

Сонорный *н* буркиханского диалекта замещает *м* тпигского говора:

<i>пурджин</i>	<i>бурджум</i>	«пружина»
<i>несеб</i>	<i>мессеб</i>	«происхождение, род»

Сонорный *м* замещает *б*:

<i>мушттукI</i>	<i>башттукI</i>	«мундштук»
<i>мешкьютI</i>	<i>башь 'утI</i>	«сорт халвы» и др.

Метатеза

Метатезе или перестановке подвергаются как одиночные согласные, так и целые слоги. Переставляться местами могут гласный и согласный:

бурк. д.	тп. г.	
<i>ишкил</i>	<i>ишкил</i>	«картина; фотография»
<i>ттарилкка</i>	<i>ттилиркка</i>	«тарелка»

Метатезе обычно подвергаются заимствования, но среди метатезированных слов встречаются и исконные слова.¹

Среди форм исконной лексики можно выделить:

1) перестановку контактирующих согласных:

бурк. д.	тп. г.	
<i>ицIвал</i>	<i>ибуIел</i>	«стружка, опилка»
<i>ахсай</i>	<i>асхъай</i>	«воспаление подмышечной или

¹ У.А. Мейланова пишет, что «Метатеза..., как правило, происходит в словах заимствованных и первоначально непонятных народу. Но вместе с тем метатезе иногда подвергаются и часто употребляющиеся слова лезгинского языка, которые как бы находят для себя различные варианты» [см. Мейланова 1970 : 80].

паховой железы»;

2) перестановку согласных, разделенных гласными:

<i>дадж</i>	<i>жад</i>	«кузница»
<i>раккаттай</i>	<i>раттаккай</i>	«нищий»

Наращение согласных

В буркиханском диалекте наблюдается наращение целых слогов и различных согласных в начале, середине и конце слов. Чаще всего наращаются сонорные согласные:

бурк. д.	тп. г.	
<i>хъилирикIес</i>	<i>хъиликIес</i>	«подыхать, околевать»
<i>хурас</i>	<i>хас</i>	«родить(ся)»
<i>мерккур</i>	<i>муккур</i>	«шест»
<i>багагъмери</i>	<i>багагъми</i>	«утром, завтра утром»
<i>хин</i>	<i>хъи</i>	частица «же»

В слове *такалинф* (тп. г. *такалиф*) «приглашение, предложение» наращается *н* по аналогии, ср. бурк. д. *гилгенф*, тп. г. *гиргенф* «круглый», бурк. д. *уьлгинф*, тп. г. *илгунф* «легкий».

В середине слова в некоторых словах в буркиханском диалекте наращаются согласные *тт* и *в*:

бурк. д.	тп. г.	
<i>кеттгъикас</i>	<i>кагъикас</i>	«разбудить»
<i>фаттгъучIас</i>	<i>фагъучIас</i>	«восходить»
<i>хIавзур акъас</i>	<i>хIазур акъас</i>	«готовить»

Имеет место наращение полугласного *й* в начале, середине и конце слова:

<i>йерхеф</i>	<i>ирхеф</i>	«длинный»
<i>къалайчи</i>	<i>кIаьгIлачи</i>	«лудильщик»
<i>къалай</i>	<i>кIаьгIла</i>	«олово»

В начале слова наращаются согласные *къ* и *ъ*:

<i>къир</i>	<i>уьр</i>	«болото»
-------------	------------	----------

ъ'ачІ

ачІ

«овраг, ущелье; пазуха».

Выпадение согласных

В исследуемом диалекте, в сравнении с тпигским говором, выпадает ряд согласных. Имеются случаи, когда выпадают целые слоги. К примеру, в буркиханском диалекте в инфинитиве выпадает детерминативный суффикс:

<i>гъушас</i>	<i>гъушанас</i>	«братъ, покупать»
<i>гъузас</i>	<i>гъузанас</i>	«стоять, остановиться»
<i>амилгвас</i>	<i>амилгванас</i>	«остаться»
<i>илгвас</i>	<i>илгванас</i>	«остаться, задержаться»
<i>итІас</i>	<i>итІанас</i>	«связать, завязать»
<i>курас</i>	<i>куранас</i>	«испачкаться»
<i>тІишас</i>	<i>тІишанас</i>	«месить», «мять»
<i>фацас</i>	<i>фацанас</i>	«держать»
<i>элхъаъс</i>	<i>элхъаънас</i>	«смеяться» и др.

Здесь буркиханские инфинитивные формы сходны с аналогичными формами керенского диалекта, но, в отличие от последнего, в буркиханском диалекте в деепричастии настоящего времени детерминативный суффикс восстанавливается; ср. *илгвас*, но *илгванди*; *элхъаъс*, но *элхъаънди* и т.д.

В некоторых именах существительных, а также в масдаре буркиханский диалект усекает конечный губной согласный. Сначала у губно-губного *б* ослабевает губная смычка, вследствие чего он переходит в *в*, а затем в конечной позиции выпадает. Р. Шаумян отмечает, что «Гекхунский диалект имеет тенденцию усекать конечные губные [Шаумян 1941: 21].

бурк. д.	тп. г.	
<i>ку</i>	<i>куб</i>	«кизяк»
<i>тІу</i>	<i>тІуб</i>	«палец»
<i>хІа</i>	<i>хІуб</i>	«овца»
<i>ру</i>	<i>руб</i>	«иголка»

<i>духIу</i>	<i>дуйгъуьб</i>	«запястье»
<i>хуру</i>	<i>хуруб</i>	«учеба»; «чтение»

В некоторых словах начальный полугласный *й* в буркиханском диалекте выпадает:

<i>иркIв</i>	<i>йиркIв</i>	«сердце»
<i>эс</i>	<i>йес</i>	«дать»
<i>хIархъас</i>	<i>йагIархъас</i>	«узнать»

В отдельных прилагательных, в отличие от тпигского говора, конечный согласный *ф* буркиханского диалекта усекается:

<i>ачукъ</i>	<i>ачукъф</i>	«ясный»
<i>артукъ</i>	<i>артухъф</i>	«лишний»

В буркиханском диалекте имеет место выпадение согласных *н, гъ, д, к, къ, ь* в разных позициях:

бурк. д.	тп. г.	
<i>уккас</i>	<i>гъуккас</i>	«бегать»
<i>хъуруф</i>	<i>кихъуруф</i>	«тухлый»
<i>мисал</i>	<i>мискъал</i>	«загадка»
<i>йи</i>	<i>йиъ</i>	«молотьба»

ГЛАВА II

МОРФОЛОГИЯ БУРКИХАНСКОГО ДИАЛЕКТА

В морфологии агульского языка отсутствуют некоторые категории, которые представлены в других дагестанских языках. В частности, для морфологической системы агульского языка не характерны такие категории, как класс, залог и лицо (хотя определенные зачатки последнего прослеживаются, ср. *акъ-ас* «делать», пов. ф. 2 л. *акъе!* «делай!», делайте!», пов. ф. 3 л. *акъурай!* «пусть делает!», «пусть делают!»).

Известно, что грамматические классы в историческом прошлом были характерны всем дагестанским языкам. В тех языках, где на современном этапе не функционируют грамматические классы – это агульский, лезгинский и удинский, – при сравнительном анализе в именах существительных, прилагательных, числительных, глаголах, местоимениях и наречиях выявляются окаменелые экспоненты грамматических классов.

К настоящему времени имеется значительное число работ, которые посвящены выявлению в различных частях речи окаменелых классных показателей и их систематизации. Такая работа в 20-х годах 20 столетия проводилась Н.С. Трубецким [см. Трубецкой 1987]. В лезгинском языке проблема по выявлению окаменелых грамматических классов в структуре слова также заинтересовала ведущих лингвистов [см. Гаджиев 1958; Талибов 1960а; Мейланова 1962].

Более широко, с привлечением значительного количества дагестанских языков, проблему, связанную с категорией грамматического класса, решали такие известные исследователи как А.И. Жирков [см. Жирков 1941], Е.А. Бокарев [Бокарев 1961; 1981], У.А. Мейланова [Мейланова 1964б], Б.Б. Талибов [Талибов 1960б; 1969].

В удинском языке экспоненты грамматических классов нашли отражение в специальной работе Е.Ф. Джейранишвили [см. Джейранишвили 1956].

Эта проблема актуальна и для агульского языка. По словам Р. Шаумяна, «Хотя на современной стадии своего развития агульский язык не сохранил категории грамматического класса, однако в некоторых морфологических элементах его удастся проследить пережитки классов в скрытой форме» [Шаумян 1941 : 22]. Более подробно категория грамматического класса в агульском языке освещается в его статье «Следы грамматических классов (родов) в агульском языке» [см. Шаумян 1936].

Широко данный вопрос в агульском языке освещается А.А. Магометовым [см. Магометов 1962; 1970 : 44–69].

Различия в области морфологии касаются не только общедагестанской проблематики, но имеют место в диалектах агульского языка: в области морфологии они также не равнозначны. Так, в примере, в исследуемом диалекте, в отличие от тпигского говора, отсутствуют направительные падежи, ср. бурк. д. *хала-ъъ-а-ч-ушунай* «вошел в комнату» и тп. г. *хулаа-ди* (←*хула-ъ-ди*) *ъ-а-ч-ушуне* то же. В буркиханском диалекте морфологическую маркировку получает только глагол, в котором, как и в тпигском говоре, налицо направительный преверб в виде аффикса *-(а)ч-*. Но, в отличие от тпигского говора, он не соотносится с соответствующим аффиксом (*-ди*) в субстантиве. (Подробнее об этом см. ниже).

Одни и те же значения в некоторых случаях в буркиханском и тпигском говоре передаются разными падежными суффиксами. Ср. бурк. д. *бавафари ихтилат акъунай* «с матерью разговаривал» (пример взят из работы: [Дирр 1907 : 11] и тп. г. *бабахъай ахттилат акъуне*. Имеются и другие различия между буркиханским диалектом и тпигским говором. См., например, различные варианты эргатива (*-ди, -у, -а, -ела*) в тпигском говоре, которым в буркиханском диалекте соответствует показатель *-и*; выражение орудия действия при помощи эргативного падежа в буркиханском и направительным на *-л* в тпигском. Имеют место существенные различия при глагольном спряжении. Отличия касаются и лексики. Они касаются также различных фонетических

трансформаций, которые в некоторых случаях значительно изменили облик слов: бурк. д. *мур* ← тп. г. *мебур* «эти», *тур* ← *тебур* «те» и др.

Имя существительное

Число имен существительных

В буркиханском диалекте, как, впрочем, и в агульском языке, представлено два числа: единственное и множественное. Подобно тпигскому говору, в исследуемом диалекте целый ряд отвлеченных слов употребляется только в единственном числе: *хлайа* «стыд», «скромность», *шадлухъ* «радость, веселье», а слова, обозначающие парные предметы, или целый комплекс вещей, употребляются только во множественном числе. Это слова: *кквахIар* «серебряная цепочка с крючками для женского головного убора», *канар* «одежда», *ь'артIвар* «лохматая». Очевидно, в этом ряду можно привести и слово *айар* «участок, на котором запрещена поправа, рубка» с мотивировкой – пространство, деление на определенные площади, которые имеют целевое назначение. Сюда же относятся слова, связанные с многократным действием, такие как *кIачIекIулар* «щекотка».

Образование множественного числа

Множественное число в агульском языке образуется суффиксальным способом. Подавляющее большинство диалектов и говоров агульского языка сохраняют нам исходные показатели множественного числа. Суффикс *бур* присоединяют все субстантивы, оканчивающиеся на гласный, а суффикс *-ар* – существительные, оканчивающиеся на согласный [см. Шаумян 1941; Магометов 1970; Сулейманов 1993]. Случаи отступления от данного правила объясняются влиянием фонетических факторов.

В буркиханском диалекте так же, как и в тпигском говоре, представлено два суффикса множественного числа: *-ар*, который совпадает с тпигским, и *-вур*, который является вариантом *-бур*. А. Дирр также выводит два аффикса множественного числа: *ар* и *-вур*. Как отмечает он, *-ар* принимают слова,

оканчивающиеся на согласные или двугласные (двугласные – это лабиализованные согласные, воспринимаемые А. Дирром как комплекс «согласный + в»). Но среди примеров его встречаются и слова с аффиксом *-вар*, которые он выносит как исключения. Это слова: *су* «гора» – мн. ч. *сувар*, *mIaxIy* «опухоль» – *mIaxIyвур*, *mIy* «палец» – *mIyвар*, *чу* «брат» – *чувар*, *чи* «сестра» – *чи(й)ар*, *гуни* «хлеб» – *гунивар*, *xIa* «баран» – *xIaвар* [Дирр 1907 : 8]. Данные слова, выносимые А. Дирром как исключения, можно разделить на две группы: 1) слова, которые в единственном числе потеряли конечный губной согласный, всплывающий в форме множественного числа: *су-сувар*, *mIaxIy-mIaxIyвар*, *xIa-xIaвар*, *гуни-гунивар*. (ср. данные существительные в тпигском и фитинском говорах, где конечные губные сохранились в исходе слова: фит. г. *сув* «гора», тп. г., фит. г. *mIуб* «палец», тп. г. *xIуб* «овца»); 2) в данную группу входят слова *чу* «брат» и *чи* «сестра». Р. Шаумян элементы *в* и *й*, выступающие в данных словах в буркиханском диалекте во множественном числе, справедливо относит к корню слова [СМ. Шаумян 1941 : 27]. В этой связи интерес представляет форма слова «брат» в кошанском диалекте, ср. *чуй*, но мн. ч. *чувар*, которая подтверждает мнение Р. Шаумяна. Появление *й* в единственном числе, вместо ожидаемого *в* очевидно, можно объяснить следованием принципу аналогии, ср. *чи* «сестра» – мн. ч. *чийар*.

А.Е. Кибрик для буркиханского диалекта в качестве показателей множественного числа выделяет *-ар* (для слов с исходом на согласный) и *-вур* (для слов с гласным исходом), но при этом уточняет, что слова с исходом на палатализованные велярные и реже – увулярный согласный во множественном числе имеют показатель *-ер* (*лекI'* «печень» – мн. ч. *лекI-ер*; *рекь'* «дорога» – *рекь-ер*). Если в корне содержится умляутированный гласный и фарингализованный ларингал, то в слове во множественном числе появляется показатель *-аьр* (*маьрь'* «корень» – *маьрь'-аьр*) [Кибрик 1990 : 288–289].

Эти показатели мы обнаруживаем и среди формантов множественного числа, выводимых Р. Шаумяном для агульского языка в целом: *ар*, *-аьр*, *-ер*, *-*

бур, *-вур*, *-вар*, *-птар*, *-бар*, *-ттар*, *-йар*. Последний аффикс он считает присущим только керенскому диалекту [Шаумян 1941 : 26].

А.А. Магометов выделяет следующие суффиксы множественного числа агульского языка: *-ар*, *-б-ур* (*-в-ур*), *-йар*; *-ар* — для имен существительных с исходом на согласный и *-бур*, *-йар* — для имен существительных с гласным исходом [Магометов 1970 : 69].

В тпигском говоре в некоторых односложных словах, оканчивающихся на звонкий согласный, во множественном числе финальный согласный оглушается и переходит в геминату соответствующего ряда: *куб* «кизяк» — *куптар*, *хIуб* «овца» — *хIуптар*. В буркиханском диалекте, где конечный согласный в указанных словах трансформируется в *в*, этого не происходит, ср. *ку* (←**кув*) — *кувар*, *хIа* (←**хIав*) — *хIавар*. Это распространяется и на односложные слова, в которых конечный согласный выпал как в буркиханском диалекте, так и в тпигском говоре, ср. бурк. д *ху* (ср. фит. г. *хуй*) «поле» — *хувур* и тп. г. *ху* — *хунур*.

В буркиханском диалекте, как и в тпигском говоре, субстантивированные прилагательные во множественном числе присоединяют суффикс *-ттар*: *мукьунф* «близкий, родственник» — *мукьунттар*, *кканеф* «возлюбленный, возлюбленная» — *кканеттар*.

В двух словах тпигский говор отступает от общего правила и образует множественное число (не посредством аффикса *-бур* или *-бар*), как буркиханский диалект, при помощи суффикса *-вар*: бурк. д. *хIани* «корова» — *хIанивар*, тп. г. *хIуни* — *хIунивар*; бурк. д., тп. г. *гуни* «хлеб» — *гунивар*.

Некоторые слова в агульском языке во множественном числе оформляются двойным аффиксом. Это явление наряду с тпигским говором представлено и в буркиханском диалекте:

бурк. д.	тп. г.
уд. «зернышко» — <i>ударар</i>	<i>уд</i> — <i>ударар</i>
<i>куч</i> «коса» — <i>кучарар</i>	<i>куч</i> — <i>кучарар</i>

Не всегда в сравниваемых языковых единицах двойными суффиксами оформляются одни и те же слова, ср. бурк. д. *шиИм* «гравий» – *шиИмарар*, но тп. г. *шим* – *шимаър*.

Данное явление (удвоение суффикса множественного числа) агульского языка нашло отражение в специальной литературе [см. Магометов 1970 : 71]. Как полагает З.К. Тарланов, основы слов оформлялись двойными суффиксами с целью избежать омонимию и для удобства произношения. «Иногда формы числа, образованные таким способом, – пишет он, – имеют тенденцию выделяться в самостоятельные слова: *некъв* – могила – *некъвар* – могилы – *некъварар* – кладбище; *тIав* – замок – *тIавар* – замки – *тIаварар* – капкан» [Тарланов 1994 : 84].

В лезгинском языке удвоенные показатели множественного числа рассматриваются в работах У.А. Мейлановой [см. Мейланова 1970; 1985]. Указывается, что двойные аффиксы присоединяют слова, обозначающие парные предметы, части строений, предметы обихода. У слов типа *рак* «дверь», мн. ч. *ракIарар*; *дакIар* «окно», мн. ч. *дакIарар*; *данIар* «замок», мн.ч. *данIарар* один из суффиксов считается показателем ограниченного множественного (или двойственного) числа. Подобные слова, которые уже имеют суффикс множественного числа, можно еще раз поставить в форме множественного числа, и образованные таким способом понятия выражают «множество предметов того же названия» [Мейланова 1970 : 106]. Таким образом, постулируется: двойным суффиксом множественного числа *ар(-ер)* оформляются имена существительные с общей семантикой множественности (двойственности), то есть такие реалии, которые складываются из определенных частей, образуя одно целое: *гурар* «лестница» (*гур* ← *кIар* «ступенька + суффикс множественного числа -ар) → *гурарар* (мн. ч.), *мехъер* «свадьба» (*мехъ* + *ар*) → *мехъерар* (мн. ч.) и др. В основе выделения показателя ограниченного множественного числа лежит семантический принцип.

Б.Б. Талибов при решении проблемы ограниченного множественного числа в лезгинском языке также исходит из содержательной стороны слов, но при этом у него аффиксом «ограниченного числа» оформляются слова, которые относятся к терминам родства (*дидед-бур* «мать и ее окружение», *бубад-бур* «отец и его окружение» и др.), а за их пределами указанный аффикс принимают два слова – *гъил-ер-бур* «ласкание», *вил-ер-бур* «знаки глазами, моргание» [см. Талибов 1985 : 90–92].

Проблема оформления существительных двойными суффиксами множественного числа имеет не одно решение. Достаточно указать на то, что суффикс множественного числа *-ар* материально совпадает с деривационным суффиксом, который широко представлен в лезгинских языках [см. Алексеев 1985 : 109]. Такую параллель – совпадение суффикса множественного числа и деривационного суффикса – можно найти и в других группах дагестанских языков. Можно констатировать, что суффикс *-ар* в качестве деривационного в лезгинских языках мог развиваться из аффикса множественного числа. Слова, которые присоединяют суффикс *-ар*, как это продемонстрировала У.А. Мейланова, по своей семантике обозначают множество однородных предметов типа *κIар* «ступенька» → *κIарар* «ступеньки» → *гурар* «лестница», то есть множество ступенек. Впоследствии аффикс множественного числа *-ар* мог использоваться и для слов, не состоящих из комплекта однородных предметов. Такая мотивировка не лишена оснований. Ср. бурк. д. *камарар* «женский пояс, украшенный серебряными монетами» (*-ар* указывает на комплект предметов, складывающихся в одно целое) и *багв* «сторона» → *багв-ар* «некачественная мука, собирающаяся позади жернова» (*-ар* не обладает мотивировкой множественности, в данном случае он выполняет словообразовательную функцию).

В некоторых односложных словах при образовании множественного числа происходят различные структурные изменения. Так, в тпигском и буркиханском диалектах множественное число слова «женщина» образуется от другой основы, *хъир* – *хумбар*. Слово *руш* «девушка» в буркиханском и тпигском

говоре во множественном числе имеют форму *шиваІр* и *шибер*, то есть здесь также представлена иная основа.

В отдельных словах во множественном числе в тпигском говоре, в отличие от буркиханского диалекта, гласный основы изменяется: тп. г. *цал* «стена», но мн. ч. *цилар*; *хал* «дом, комната», но мн. ч. *хулар*; *хьар* «печь для хлеба», но мн. ч. *хьурар*. Бурк. д. *хал* – *халар*, *цал* – *цалар*, *хьар* – *хьарар*. Буркиханский в данном случае сближается с кошанским диалектом.

Склонение имен существительных

Косвенные падежи

Имена существительные в буркиханском диалекте, как и в агульском языке в целом, склоняются по «принципу двух основ»: номинатив служит для образования эргатива, а последний, в свою очередь, лежит в основе косвенных падежей [см. Магометов 1970 : 72].

По А. Дирру, в основе косвенных падежей лежит родительный падеж. Показателю родительного падежа *-н*, отмечает А. Дирр, предшествуют гласные *а, е, и, у*, так что получается *-ан, -ен, -ин, -ун*. В некоторых существительных перед окончанием еще встречается связующий элемент, то есть согласный или целый слог, состоящий из гласного и согласного [см. Дирр 1907 : 4]. Эти гласные *а, е, и, у*, а также, встречающийся в некоторых случаях перед ними целый слог, являются ничем иным, как показателями эргатива. Таким образом, для А. Дирра основа существительных совпадает с эргативом.¹

¹ Данной точки зрения из современных исследователей придерживаются С.А. Старостин, М.Е. Алексеев. Как считает С.А. Старостин, в лезгинских языках представлены две основы – прямая (номинатив) и косвенная. Прямая основа во многих лезгинских языках имеет согласный исход. При присоединении падежных окончаний к ней между корнем имени и последними появляются вставочные гласные. В тех случаях, когда косвенная основа не имеет окончаний, в некоторых языках он совпадает с эргативом, что дает основание иногда говорить о множестве показателей эргатива. «В некоторых языках (например, в лезгинском), – замечает С.А. Старостин, – косвенная основа без окончаний пред-

Характерной особенностью агульского языка, наряду с лезгинским, табасаранским языками, является наличие большого числа аффиксов эргативного падежа. Количество показателей эргативного падежа у исследователей агульского языка не совпадает. Так, А.А. Магометов выделяет девять показателей: *-ди*, *-йи(-й)*, *-ни*, *-на*, *-ла*, *-и*, *-а*, *-ра*, *-у*. Показателям *-ла*, *-на*, *-ни*, *-ра*, как указывает он, предшествуют гласные [см. Магометов 1970 : 72]. Б.Г. Ханмагомедов, исследовавший системы склонения агульского, табасаранского и лезгинского языков в сравнительном плане, в агульском языке выделяет десять суффиксов эргативного падежа. Это *-и*, *-у*, *-а(аь)*, *-ди*, *-йи*, *-ла (-ала, -ела)*, *-ри*, *-ра (-ура, -уIра)*, *-ни (-ани, -уни)*, *-на(-уна)* [Ханмагомедов 1958]. К указанным показателям эргатива Н.Д. Сулейманов добавляет еще четыре – *-е*, *-джи*, *-джу*, *-уь* [Сулейманов 1993: 96].

Не обошла многоформатность эргатива и буркиханский диалект, который, по свидетельству А.Е. Кибрика, насчитывает около полутора десятков показателей. На основе статистического анализа им выделяются продуктивные и непродуктивные суффиксы эргатива. Продуктивные показатели охватывают 70% лексики. Это *-и* (30%), *-у* (25%), *-а* (9%), *-ура* (7%). Доля непродуктивных показателей составляет 30% лексики. К ним относятся *-ди*, *-ала*, *-ани*, *-йи*, *-Ø*, *-уна*, *-ури*, *-уйи*, *-е*, *-ана*, *-ари*, *-али*, *-ри* и некоторые другие [Кибрик 1990: 288].

В агульском языке, как отмечает А.А. Магометов аффикс *-ди (-ду)* принимают имена существительные с исходом на сонорный согласный [Магометов 1970 : 73]. Например: цир. г. *гулIан* «чулок, носок» – эрг. п. *гулIан-ди*; кер. д.

ставляет собой форму эргатива (поэтому иногда говорят о множественности показателей эргатива, идентифицируя конечный элемент косвенной основы с формантом эргатива, на самом деле являющимся нулевым)». [см. Старостин 1981 : 75]. М.Е. Алексеев, который поддерживает данное мнение, пишет: «Так, распространенное в дагестановедении утверждение о многоформантности эргатива в действительности является переформулировкой тезиса о многоформантности косвенной основы, от которой в свою очередь образуется эргатив с помощью нулевого аффикса» [Алексеев 1985 : 27].

гивагІан – *гивагІан-ди*; кош. д. *gegІвен* – *gegІвен-ди*; цир. г. *чІил* «ремень, пояс» – эрг. п. *чІил-ди*; кош. д. *чІил* – *чІил-ди*.

Однако суффиксом *-ди(-ду)* в эргативе могут оформляться и слова, которые оканчиваются на другой звук, ср. фит. г. *иъ* «кровь» – эрг. п. *иъ-(а)ди*; *х'ани* «корова» – *х'ани-ди*; кош. *селев* «зуб» – *селев-ди*; и наоборот – имена, оканчивающиеся на сонорный согласный, могут присоединять другие аффиксы, ср. *цил* «стена» – эрг. п. *цил-и*, *хъар* «печь для хлеба» – *хъар-а*, *цІахун* «бревно» – *цІахун-и*, *дикъум* «нитка» – *дикъум-и* и т.д.

Из многообразия формантов эргатива невозможно вывести определенные закономерности, указывающие на соотнесенность того или иного форманта с определенным кругом субстантивов. Ни с фонетической точки зрения (основы с одним и тем же исходом принимают разные аффиксы, ср. *цал* «стена» – *цал-и*, но *хал* «дом» – *хал-а*), ни с семантической (субстантивы одной тематической группы оформляются разными показателями эргатива, ср. *гъад* «молоток» – *гъад-ала*, но *магъ* «сошник» – *магъ-у*) привязать определенные показатели к какой-либо группе имен существительных невозможно. В специальной литературе имелись попытки обосновать распределение показателей эргатива среди различных семантических групп. Кажущаяся закреплённость суффиксов эргатива за определенными, семантически близкими группами слов (см., например, участие суффикса *-ра/-ре* в оформлении слов, обозначающих животных, в лезгинском языке: *лам* «осел» – эрг. п. *лам-ра*, *сикІ* «лиса» – *сикІ-ре*, *сев* «медведь» – *сев-ре* и др.) в действительности не выдерживает строгой последовательности (ср. *кицІ* «собака» – эрг. п. *кицІ-и* и др.).

Имеет место ряд соответствий между суффиксами эргатива буркиханского диалекта и тпигского говора: одни и те же основы существительных в указанных языковых единицах оформляются разными показателями эргатива.

<i>-у-йи</i> – <i>-у</i>	бурк. д.	тп.г.
Ном. п.	<i>руг</i> «пыль»	<i>руг</i>
Эрг. п.	<i>руг-у-йи</i>	<i>руг-у</i>

Ном. п.	<i>хукI</i> «феска»	<i>хукI</i>
Эрг. п.	<i>хукI-у-йи</i>	<i>хукI-у</i>
Ном. п.	<i>тупп</i> «мяч»	<i>тупп</i>
Эрг. п.	<i>тупп-у-йи</i>	<i>тупп-у</i>

Представляется, что буркиханская форма эргатива *-у-йи* является контаминацией, образованной от *-у* и *йи*. Один компонент этой контаминации представлен в тпигском. Суффикс *йи* восходит к *-ди* (Л.И. Жирков, У.А. Мейланова, Б.Б. Талибов, А.А. Магомедов).

<i>-и – -ди, -у, -а, -ела:</i>	Ном. п.	<i>бусттан</i> «огород»	<i>бусттан</i>
	Эрг. п.	<i>бусттан-и</i>	<i>бусттан-ди</i>
	Ном. п.	<i>ватан</i> «родина»	<i>ватан</i>
	Эрг. п.	<i>ватан-и</i>	<i>ватан-ди</i>
	Ном. п.	<i>гъул</i> «ниша»	<i>гъул</i>
	Эрг. п.	<i>гъул-и</i>	<i>гъул-у</i>
	Ном. п.	<i>чивхар</i> «двоюродный брат, двоюродная сестра»	<i>чибхар</i>
	Эрг. п.	<i>чивхар-и</i>	<i>чибхар-а</i>
	Ном. п.	<i>некк</i> «молоко»	<i>некк</i>
	Эрг. п.	<i>некк-и</i>	<i>некк-ела</i>
<i>-а – -у, -и, -ала:</i>	Ном. п.	<i>гучI</i> «страх»	<i>гучI</i>
	Эрг. п.	<i>гучI-а</i>	<i>гучI-у</i>
	Ном. п.	<i>хъер</i> «вода»	<i>хъед</i>
	Эрг. п.	<i>хъер-а</i>	<i>хъетт-и</i>
	бурк. д.		тп. г.
	Ном. п.	<i>чIакъ</i> «горшок»	<i>чIакъ</i>
	Эрг. п.	<i>чIакъ-а</i>	<i>чIакъ-ала</i>
<i>-у – -и, -ала:</i>	Ном. п.	<i>шиIм</i> «гравий»	<i>шим</i>
	Эрг. п.	<i>шиIм-у</i>	<i>шим-и</i>

	Ном. п.	<i>к̆ав</i>	«ствол»	<i>к̆аб</i>
	Эрг. п.	<i>к̆ав-у</i>		<i>к̆аб-ала</i>
	Ном. п.	<i>хIач</i>	«яблоко»	<i>г̆аьч</i>
	Эрг. п.	<i>хIач-у</i>		<i>г̆аьч-и</i>
-ла – -и, -а:	Ном. п.	<i>ь'ай</i>	«грабли»	<i>ь'уй</i>
	Эрг. п.	<i>ь'ай-ала</i>		<i>ь'уй-и</i>
	Ном. п.	<i>гIар</i>	«заяц»	<i>гIур</i>
	Эрг. п.	<i>ь'ар-ала</i>		<i>гIур-а</i>

При сопоставительном изучении диалектов необходимым условием является выявление междиалектных связей морфологического инвентаря, подвергаемого анализу. На основе такого анализа у исследуемого буркиханского диалекта выявляется ряд совпадений и различий в оформлении субстантивов эргативными суффиксами. Подобный анализ выявляет частотность совпадений показателей эргатива буркиханского диалекта с другими диалектами и говорами агульского языка.

Из большого числа показателей эргатива, варьирующих в диалектах и говорах агульского языка, можно выделить аффиксы эргатива вокруг которых группируются диалектные единицы. При анализе эргативных суффиксов буркиханского диалекта выявляются их соответствия с показателями эргатива других диалектов и говоров агульского языка. Эти соответствия можно разделить на следующие группы.

1. Несмотря на широкое варьирование показателей эргатива в агульских диалектах, самое большое число из них занимают суффиксы, которые совпадают во всех диалектах и говорах. Больше всего примеров в этой группе выпадает на долю суффикса эргатива *-и*. Очевидно, этот суффикс можно считать в агульском языке самым древним. И в буркиханском диалекте среди показателей эргатива он является самым продуктивным (см. выш.). Субстантивы, присоединяющие суффикс *-и*, являются односложными и двусложными и отно-

сятся к исконной лексике. Большинство из указанных слов оканчиваются на сонорный согласный.

	бурк. д.	тп. г.	фит. г.	рич. г.	кош. д.
Ном. п.	<i>кIил</i> «голова»	<i>кIил</i>	<i>кIил</i>	<i>кIил</i>	<i>кIил</i>
Эрг. п.	<i>кIил-и</i>	<i>кIил-и</i>	<i>кIил-и</i>	<i>кIил-и</i>	<i>кIил-и</i>
Ном. п.	<i>унетI</i> «бровь»	<i>унетI</i>	<i>унитI</i>	<i>унетI</i>	<i>урнетI</i>
Эрг.п.	<i>унетI-и</i>	<i>унетI-и</i>	<i>унитI-и</i>	<i>унетI-и</i>	<i>урнетI-и</i>
Ном. п.	<i>ул</i> «глаз»	<i>ул</i>	<i>ул</i>	<i>ул</i>	<i>ил</i>
Эрг. п.	<i>ул-и</i>	<i>ул-и</i>	<i>ул-и</i>	<i>ул-и</i>	<i>ил-и</i>
Ном. п.	<i>ивур</i> «ухо»	<i>ибур</i>	<i>ибур</i>	<i>йабур</i>	<i>ивир</i>
Эрг. п.	<i>ивур-и</i>	<i>ибур-и</i>	<i>ибур-и</i>	<i>йабур-и</i>	<i>ивр-и</i>
Ном. п.	<i>мухур</i> «грудь»	<i>мухур</i>	<i>мухур</i>	<i>мухур</i>	<i>мухур</i>
Эрг. п.	<i>мухур-и</i>	<i>мухур-и</i>	<i>мухур-и</i>	<i>мухур-и</i>	<i>мухр-и</i>
Ном. п.	<i>мудур</i> «козленок»	<i>мудур</i>	<i>мудур</i>	<i>мудур</i>	<i>мудур</i>
Эрг. п.	<i>мудур-и</i>	<i>мудур-и</i>	<i>мудур-и</i>	<i>мудур-и</i>	<i>мудр-и</i>
Ном. п.	<i>хил</i> «рука»	<i>гьил</i>	<i>хил</i>	<i>хил</i>	<i>хил</i>
Эрг. п.	<i>хил-и</i>	<i>гьил-и</i>	<i>хил-и</i>	<i>хил-и</i>	<i>хил-и</i>
Ном. п.	<i>къархьил</i> «локоть»	<i>къархьил</i>	<i>къархьил</i>	<i>къархьил</i>	<i>гIариил</i>
Эрг. п.	<i>уъархьил-и</i>	<i>къархьил-и</i>	<i>къархьил-и</i>	<i>къархьил-и</i>	<i>гIариил-и</i>
Ном. п.	<i>камул</i> «палец ноги»	<i>кумул</i>	<i>кумул</i>	<i>кумул</i>	<i>кулум</i>
Эрг. п.	<i>камул-и</i>	<i>кумул-и</i>	<i>кумул-и</i>	<i>кумул-и</i>	<i>кулум-и</i>
Ном. п.	<i>худул</i> «легкое»	<i>гьудул</i>	<i>худул</i>	<i>худул</i>	<i>хурдул</i>
Эрг. п.	<i>худул-и</i>	<i>гьудул-и</i>	<i>худул-и</i>	<i>худул-и</i>	<i>хурдул-и</i>
Ном. п.	<i>ахсай</i> «чирей»	<i>асхъай</i>			<i>ахсай</i>
Эрг. п.	<i>ахсай-и</i>	<i>асхъай-и</i>			<i>ахсай-и</i>
Ном. п.	<i>йархIун</i> «рана»	<i>йирхIун</i>		<i>йархIун</i>	<i>архIун</i>
Эрг. п.	<i>йархIун-и</i>	<i>йирхIун-и</i>		<i>йархIун-и</i>	<i>архIвн-и</i>

Ном. п.	<i>балхун</i> «гной»	<i>балхун</i>		<i>балхун</i>	<i>бархун</i>
Эрг. п.	<i>балхун-и</i>	<i>балхун-и</i>		<i>балхун-и</i>	<i>бархун-и</i>
Ном. п.	<i>укъар</i> «баран»	<i>укъар</i>	<i>укъар</i>		
Эрг. п.	<i>укъар-и</i>	<i>укъар-и</i>	<i>укъар-и</i>		
Ном. п.	<i>берхIам</i> «рубашка, платье»	<i>бархIам</i>		<i>бархIам</i>	
Эрг. п.	<i>берхIам-и</i>	<i>бархIам-и</i>		<i>бархIам-и</i>	
Ном. п.	<i>ахун</i> «постель»	<i>ахун</i>	<i>ахун</i>	<i>ахун</i>	<i>ахун</i>
Эрг. п.	<i>ахун-и</i>	<i>ахун-и</i>	<i>ахун-и</i>	<i>ахун-и</i>	<i>ахвн-и</i>
Ном. п.	<i>имкI</i> «сновидение»	<i>эмкI</i>	<i>энкI</i>	<i>эмкI</i>	<i>никI</i>
Эрг.	<i>имкI-и</i>	<i>эмкI-и</i>	<i>энкI-и</i>	<i>эмкI-и</i>	<i>никI-и</i>
Ном. п.	<i>цул</i> «осень»	<i>цул</i>	<i>цул</i>	<i>цул</i>	<i>цул</i>
Эрг. п.	<i>цул-и</i>	<i>цул-и</i>	<i>цул-и</i>	<i>цул-и</i>	<i>цул-и</i>

В настоящей группе представлены и показатели эргатива, общие у буркиханского диалекта с другими диалектными единицами и ограниченные в своем употреблении:

-ура/ра : *иркIв* «сердце» – *иркI-ура* (бурк.д., рич. г.), *йиркIв* – *йиркI-ура* (тп. г., фит. г.). В кошанском диалекте представлена усеченная форма суффикса эргатива *-ра*: *йиркIв* – *йиркIв-ра* (здесь действует тенденция схождения согласных в случаях, когда один из них является сонорным);

лаъ' «орел» – *лаъ'-ура* (бурк. д., тп. г.), *луркъ'* – *луркъ'-ура* (фит. г.), *лакь'* – *лакь'-ра* (кош. д.), *ликь'* «галка» – *ликь'-ура* (фит. г.);

-а: *хъир* «женщина, жена» – *хъир-а* (бурк. д., тп. г., рич. г., фит. г.);

хIа «овца» – *хIав-а* (бурк. д.), *хIуб* – *хIупп-а* (рич. г. тп. г.), *х'уб* – *х'упп-а* (фит. г.)

В буркиханском диалекте в эргативной форме восстанавливается согласный основы *в* (←*б*);

кач «сука» – *кач-а*.

ди: *гъарагъил* «яйцо» – *гъарагъил-ди* (бурк. д.), *гъурагъил* – *гъурагъил-ди* (тп. г.), *гъ 'арагъ 'ал* – *гъарагъ 'ал-ди* (рич. г.), *гъ 'арагъ 'ил* – *гъ 'арагъ 'ил-ди* (фит. г.).

В именах существительных, оканчивающихся на гласный *и*, в большинстве диалектов номинатив и эргатив не различаются. Это слова *бизи* «женская грудь» – *бизи-Ø*, *даги(деш)* «осел» – *даги-Ø* (*деги-Ø*), *гуни* «хлеб» – *гуни-Ø* и др.

В некоторых говорах керенского диалекта указанные слова в эргативе принимают *й*, что дает основание считать буркиханские формы с нулевым аффиксом редуцированными. В свою очередь, керенские формы эргатива также являются редуцированными. На это указывают фитинские формы.

Примеры:	бурк. д.	керд д.	фит. г.
Ном. п.	<i>даги</i>	<i>даги</i>	<i>деги</i> «осел»
Эрг. п.	<i>даги-Ø</i>	<i>даги-й</i>	<i>деги-ди</i>
Ном. п.	<i>хIани</i>	<i>х'уни</i>	<i>х'уни</i> «корова»
Эрг. п.	<i>хIани-Ø</i>	<i>х'уни-й</i>	<i>х'уни-ди</i>
Ном. п.	<i>гуни</i>	<i>гуни</i>	<i>гуни</i> «хлеб»
Эрг. п.	<i>гуни-Ø</i>	<i>гуни-й</i>	<i>гуни-ди</i> .

Исходной формой эргатива является фитинская, которая по другим диалектам трансформировалась следующим образом: *ди* → (*-йи*) → *-й* → *-Ø*. Буркиханская форма представляет собой конечный результат этих изменений.

В отдельных односложных словах в буркиханском диалекте представлены контаминированные формы, отдельные члены которой представлены в других диалектах. При этом в буркиханском согласный, входящий в состав суффикса эргатива, модифицируется:

	бурк. д.	тп. г.	фит. г.
Ном п.	<i>мухI</i> «сарай»	<i>мухI</i>	<i>мух'</i>

Эрг. п. *мухI-у-йи* *мухI-у* *мух'-у-ди*

Здесь *йи* из *-ди*.

Не различаются номинатив и эргатив и у некоторых двусложных слов, которые оканчиваются на *й*: *урай* «сычуг» – *урай-Ø*. В других случаях двухсложные слова с тем же (*й*) исходом в эргативе имеют суффик *-и*: *баллай* (даллай) «частушка» – *балл-и* (далл-и), *ахсай* «чирей, нарыв» – *ахсай-и*. Правда, у слова *баллай* (даллай) безударный конечный слог выпадает в эргативе. Выпадает конечный слог и у односложного слова с исходом на *-й*, ср. фит. г. *цIай* «огонь» – *цI-и*, а также бурк. д., тп. г. *цIа* «огонь» – *цI-и*. Форма *цIи* восходит к *цIаци*. В буркиханском диалекте наряду с тпигским и ричинским говорами в эргативе восстанавливается согласный основы *й*: *ху* «поле» – *хуй-и*, ср. фит. г., кош. д. *хуй* – *хуй-и*.

2. Наибольшее число совпадений показателей эргатива из диалектов наблюдается между буркиханским диалектом и тпигским говором. Иногда к ним могут присоединяться ричинский и фитинский говоры:

	бурк. д.	тп. г.	рич. г.	фитг. г.
-у: Ном. п.	<i>хIав</i>	<i>глав</i> «вымя»		
Эрг. п.	<i>хIав-у</i>	<i>глав-у</i>		
Ном. п.	<i>рудж</i>	<i>рудж</i> «хвост, курдюк»		
Эрг. п.	<i>рудж-у</i>	<i>рудж-у</i>		
Ном. п.	<i>агъ</i>	<i>агъ</i>		<i>агъ</i> «бедро»
Эрг. п.	<i>агъ-у</i>	<i>агъ-у</i>		<i>агъ-у</i>
-уна: Ном. п.	<i>урч</i>	<i>урч</i> «теленки»		
Эрг. п.	<i>урч-уна</i>	<i>урч-уна</i>		
-ура: Ном. п.	<i>иркк</i>	<i>иркк</i>	<i>иркк</i> «кость»	
Эрг. п.	<i>иркк-ура</i>	<i>иркк-ура</i>	<i>иркк-ура</i>	
а: Ном. п.	<i>кьукъ</i>	<i>кьвакьв</i>		<i>кьвакьв</i> «колесо»
Эрг. п.	<i>кьукъ-а</i>	<i>кьвакьв-а</i>		

Здесь могут быть и случаи, когда в буркиханском диалекте из двух параллельных форм совпадает одна:

	бурк. д.	тп. г.	фит. г.
-у/ура: Ном. п.	куч	куч	куч «коса»
Эрг. п.	куч-у/ура	куч-у	куч-у

3. Определенное число совпадений показателей эргативного падежа наблюдается между буркиханским диалектом и ричинским говором:

	бурк. д.	рич. г.	
-ура: Ном. п.	руд	руд	«кишка»
Эрг. п.	руд-ура	руд-ура	
Ном. п.	маскъв	маскъв	«мозг»
Эрг. п.	маскъ-ура	маскъ-ура	
-а: Ном. п.	шуй	шуй	«мужчина, муж»
Эрг. п.	шув-а	шув-а	
-йи: Ном. п.	чIакIу	чIакIу	«коза до трех лет»
Эрг. п.	чIакIу-йи	чIакIу-йи	

Показатель -йи через посредство -ри (данный формант эргатива не представлен в наших материалах) получен из -ди. СР. фит. г. чIакIу – чIакIу-ди.

4. У ограниченного количества субстантивов показатели эргатива совпадают в буркиханском диалекте и фитинском говоре:

-у: хьей «шерсть» – хьей-у; кьун «козел» – кьун-у.

5. Единичны совпадения показателя эргатива у буркиханского диалекта с кошанским диалектом: -ани; ттур «ложка» – ттур-ани.

6. Незначительное число субстантивов в буркиханском диалекте в эргативе оформляется показателями, отличающимися от показателей других диалектов:

при помощи показателя *и*: *хIавахъан* «пастух овец» – *хIавахъан-и*. В других диалектах данное слово в эргативе присоединяет суффикс *-ди*: *хIуппехъан* – *хIуппехъан-ди*, *хIуппахъан* – *хIуппахъан-ди*;

при помощи показателя *-у*: *гъван* «камень» – *гъван-у*, ср. тп. г., рич. г., фит. г. *гъван* – *гъван-ди*, кош. д. *гъван-ани*.

Таким образом, наибольшее число схождений в показателях эргатива у буркиханского диалекта обнаруживается с тпигским и ричинским говорами, а наибольшее число расхождений – с кошанским диалектом.

В специальной литературе отмечаются случаи аблаута в агульском языке [см. Шаумян 1941 : 23; Магометов 1970 : 80]. В буркиханском диалекте данный процесс не получил распространения, но представлен в тпигском говоре. В односложных словах, которые оканчиваются на согласный, в тпигском говоре при словоизменении гласные корня чередуются.

а : у

Ср.	бурк. д.	тп. г.
Ном. п.	<i>хъар</i>	<i>хъар</i> «печь для хлеба»
Эрг. п.	<i>хъар-а</i>	<i>хъур-а</i>
Ном. п.	<i>хал</i>	<i>хал</i> «дом, комната»
Эрг. п.	<i>хал-а</i>	<i>хул-а</i>

а : и

Ном. п.	<i>цал</i>	<i>цал</i> «стена»
Эрг. п.	<i>цал-и</i>	<i>цил-и</i>

В керенском диалекте и хпюкском говоре аблаут представлен шире:

е : и

	кер. д.	хп. г.	тп. г.
Ном. п.	<i>хъей</i>	<i>хъей</i>	<i>хбей</i> «шерсть»
Эрг. п.	<i>хъий-и</i>	<i>хъий-и</i>	<i>хъей-и</i>
Ном. п.	<i>хъед</i>	<i>хъед</i>	<i>хъед</i> «вода»
Эрг. п.	<i>хъитт-а</i>	<i>хъитт-а</i>	<i>хъетт-и</i>

Зная как образуется эргативный падеж, не трудно образовать другие косвенные падежи: в родительном падеже к эргативу добавляется показатель *-н*, в дательном прибавляется суффикс *-с*, например:

Ном. п. <i>бав</i>	«мать»,	кум	«дым»,	халджак	«веник»
Эрг. п. <i>бав-а</i>		кум-у		халджак-и	
Род. п. <i>бав-а-н</i>		кум-у-н		халджак-и-н	
Дат. п. <i>бав-а-с</i>		кум-у-с		халджак-и-с	и др.

Во множественном числе имена существительные в буркиханском диалекте, как и в агульском языке в целом, также склоняются по «принципу двух основ». В отличие от единственного числа, где отмечается большой набор суффиксов эргатива, во множественном числе эргатив присоединяет единственный аффикс *-и*:

	бурк. д.	тп. г.
Ном. п.	<i>хIайагар</i>	<i>хIуйагар</i> «котлы»
Эрг. п.	<i>хIайагар-и</i>	<i>хIуйагар-и</i>
Род. п.	<i>хIайагар-и-н</i>	<i>хIуйагар-и-н</i>
Дат. п.	<i>хIайагар-и-с</i>	<i>хIуйагар-и-с</i>

Местные падежи

Агульский язык, как и дагестанские языки в целом, отличается многопадежностью. Такое обилие падежей обусловлено наличием серий местных падежей, которые указывают на расположение предмета в пространстве. В агульском языке общее число серий местных падежей доходит до восьми. При этом по диалектам количество их может быть и меньше. В этом случае отсутствующие серии местных падежей заменяются аналитическими формами, состоящими из существительного в родительном падеже + наречное слово с пространственной семантикой (послелог), ср. тп. г. *ракка-гь* и хп. г. *раккан уьдуйгь* «перед дверью».

В основе образования локатива лежит эргатив, а локатив, в свою очередь, служит для образования направительного и исходного падежей. Сразу же отметим, что в исследуемом буркиханском диалекте отсутствуют направительные падежи, функции их выполняют локативы. Такое же положение представлено и в ричинском говоре керенского диалекта. Показателем направительного падежа служит *-ди*, исходного – *-ас*.

В зависимости от расположения предмета в пространстве местные падежи делятся, как было сказано выше, на восемь серий:

1) серия на *-хъ*, которая указывает на нахождение предмета за чем-, кем-нибудь: *хала-хъ* «за домом», *сала-хъ* «за хлебом», *дара-хъ* «за отцом»;

2) серия на *-л*, которая указывает на нахождение предмета на чем-, ком-нибудь: *цали-л* «на стене», *майдани-л* «на площади», *бава-л* «на матери» и др.;

3) серия на *-кк*, которая указывает на нахождение предмета под чем-, кем-нибудь: *цали-кк* «под стеной», *майдани-кк* «под площадью», *бава-кк* «под матерью»;

4) серия на *-к*, которая указывает на нахождение предмета на наклонной плоскости; в тесной близости, в слиянии, смешении: *цали-к* «на столе» (в вертикальном положении), *нецлу-к* «в реке»;

5) серия на *-гI*, которая указывает на нахождение предмета между чем-, кем-нибудь, посреди чего-, кого-либо: *цалари-гI* «между стенами», *хлавари-гI* «между овцами»;

6) серия на *-в*, которая указывает на нахождение предмета при чем-, ком-нибудь: *цали-в* «у стены», *бава-в* «у матери»;

7) серия на *-гъ*, которая указывает на нахождение предмета перед чем-, кем-нибудь: *цали-гъ* «перед стеной», *бава-гъ* «перед матерью»;

8) серия на *-ъ*, которая указывает на нахождение предмета в чем-, ком-нибудь: *цали-ъ* «в стене», *хала-ъ* «в доме, в комнате», *гIана-ъ* «в желудке».

Каждая серия содержит в себе по три падежа. Это локатив (или местный падеж), который отвечает на вопрос «где?»; направительный, который отвеча-

ет на вопрос «куда?» и исходный, который отвечает на вопрос «откуда?». Локатив указывает, что предмет находится в определенном месте, направительный падеж указывает, что предмет движется к определенному объекту, исходный указывает на то, что предмет движется от определенного объекта. Примеры: тп. г. *урч цили-хъ хъайа* «теленос находится за стеной» (локатив); *урч цилихъ-ди ушуне* «теленос отправился (свернул) за стену» (направительный падеж) и *урч цилихъ-ас хъайчуне* «теленос ушел из-за стены» (исходный падеж). Как видно из примеров, в тпигском говоре представлены три падежа, которые участвуют в сериях. В отличие от тпигского говора, в буркиханском диалекте имеются восемь серий по два падежа в каждой. Как отмечалось выше, формы локатива и направительного падежей в буркиханском диалекте совпадают. Ниже для сравнения приводятся буркиханские и тпигские примеры:

буркиханский диалект	тпигский говор
1. <i>Фачатин китаб Рамазана-в!</i> «Отдай книгу Рамазану!» (Срв. <i>Китаб Рамазана-в фарийа</i> «Книга находится у Рамазана»)	<i>Фачатин китаб Рамазана-в-ди!</i> «Отдай книгу Рамазану!»
2. <i>Чин ъачушунай хала-ъ</i> «Мы вошли в дом». (Ср. <i>Чин ъайа хала-ъ</i> «Мы находимся дома»).	<i>Чин ъачушуне хулаади</i> (← *хула-ъ-ди) «Мы вошли в дом».
3. <i>Багниш ушунай дара-хъ</i> «Медведь пошел за лес» (Ср. <i>Багниш хъарийа дара-хъ</i> «Медведь находится за лесом»).	<i>Багниш дара-хъ-ди ушуне</i> «Медведь пошел за лес».
4. <i>Дара-к закес хламчивур кеттишинай</i> «Отец от меня заразился гриппом» (Ср. <i>Дара-к хламчивур керийа</i> «Отец болен гриппом»).	<i>Дада-к-ди закес гламчибур кедишине</i> «Отец от меня заразился гриппом».

5. <i>Бав хъаре-кк ушунай</i> «Мать пошла в пекарню» (Ср. <i>Бав хъаре-кк ккерийа</i> «Мать находится в пекарне»).	<i>Баб хъура-кк-ди ушуне</i> «Мать пошла в пекарню».
6. <i>Те ччуччу-л укъас аринай</i> «Он пошел на брата драться» (Ср. <i>Ччуччу-л бармак алдийа</i> «На брате шапка»)	<i>Те ччуччу-л-ди укъас адине</i> «Он пошел на брата драться».
7. <i>Хуй хIавари-гI гIачушундай</i> «Собака пробралась между овцами» (Ср. <i>Хуй хIавари-гI гIайа</i> «Собака находится среди овец»).	<i>Гъуй хIуптари-гI-ди гIачушуне</i> «Собака пробралась между овцами».
8. <i>Чин хала-гъ гъачушундай</i> «Мы подошли к дому» (Ср. <i>Чин хала-гъ гъузунаа</i> «Мы стоим перед домом»).	<i>Чин хула-гъ-ди гъачушуне</i> «Мы подошли к дому».

В тпигском говоре орудие действия выражается направительным падежом серии на -л. В буркиханском диалекте, в отличие от тпигского говора, орудие действия выражается формой эргативного падежа.

Примеры: бурк. д. *Зун йагIартIарийа кIулар йакIвани* «Я рублю дрова топором».

тп. г. *Зун къатI аркъайа кIулар йакIвалалди* «Я рублю дрова топором».

Орудие действия в буркиханском диалекте может выражаться и формой именительного падежа: *Ги зис хурд йархIунай* «Он ударил меня кулаком». Ср. тп. г. *Ги зас йирхIуне гъурдалалди* «Он ударил меня кулаком».

В буркиханском диалекте имеются и другие различия в употреблении падежей. Так, здесь исходный на -лас может выступать в функции тпигского исходного падежа на -ъас:

бурк. д. *Дара базарилас гъушундай йакк* «Отец купил на базаре мясо».

тп. г. *Дада базариъас гъушуне йакк* «Отец купил на базаре мясо».

Особняком стоят формы, которые именуются *comitativus* и *collativus*. Первая из них в буркиханском диалекте оканчивается на *-хъари*, а вторая – на *-фари*. Обе формы представляют собой сочетания серийных показателей *-хъ* и *-ф* с деепричастной формой вспомогательного глагола *а* «есть» – *ари*, которые присоединяются к именам существительным, оформленным эргативом: *дара-хъари* «с отцом», *дара-фари* «при отце, с отцом». И.А.Дирр и Р.Шаумян их включают в парадигму склонения [см. Дирр 1907: III; Шаумян 1941: 29-30].

«Comitativus, – пишет Р. Шаумян, – принимает частицу *-хъай* в собственно агульском, керенском и кошанском диалектах и *-хъари* в гекхунском диалекте и выражает сопровождение, совместное движение» [Шаумян 1941 : 43]. Относительно второй формы Р. Шаумян указывает, что она «Выражает пассивное движение с кем-нибудь или с чем-нибудь или сближение предметов как результат действия, выраженного в глаголе» [Шаумян 1941 : 43].

Буркиханские формы *дарахъари* и *дарафари*, как и тпигские *дадахъай* и *дадафай*, являются усеченными. Здесь деепричастиям *хъари* (тп. г. *хъай*) и *фари* (тп. г. *фай*) предшествовали формы локативов на *-хъ* и на *-в*: *дарахъ хъари* (тп. г. *дадахъ хъай*) и *дарав фари* (тп. г. *дадав фай*). Различия между буркиханским диалектом и тпигским говором носят фонетический характер, где тпигские формы восходят к буркиханским: *хъари* → *хъай*, *фари* → *фай*. Сами буркиханские формы, в свою очередь, восходят к фитинским *хади* и *фади*.

Приведем примеры с данными формами буркиханского диалекта и сравним их с тпигскими:

на *-хъай*: бурк. д. *Дар гадайи хъари халаъ ушукай* «Отец с сыном отправился домой»

тп. г. *Дад кIиркIахъай хулаади ушуне* с тем же значением.

В отличие от формы *-хъари*, форма на *-фари* присоединяется к номинативу.

на *-фай*: бурк. д. *Бав гадафари халаъ ушунай* «Мать с сыном отправилась домой»

тп. г. *Баб шиникквфай хулаади ушуне* то же.

Имеется еще одна форма, которую Р. Шаумян назвал *comparativus*. В буркиханском диалекте, как и в тпигском говоре, она образуется от номинатива при помощи суффикса *-дала* [Р. Шаумян 1941 : 44]. Данный суффикс переводится на русский язык как «чем», «кроме»: *Бавдала руш батларфе* «Дочь красивее матери (чем мать)». *Рамазандала фишра да* «Кроме Рамазана – никто (не мог это сделать)».

Имя прилагательное

В диалектах и говорах агульского языка имена прилагательные оформляются различными суффиксами. В буркиханском диалекте, как в большинстве диалектов агульского языка (собственно агульском, керенском), прилагательные оканчиваются на *-ф*: *джагварф* «белый», *клареф* «черный», *чуллеф* «синий, серый», *хъехъеф* «желтый», *ъ'учлеф* «кислый», *иттеф* «сладкий», *гилгенф* «круглый», *йерхеф* «длинный», *гъаваф* «высокий», *бицлиф* «маленький», *ъ'асеф* «старый», *хъимеф* «жидкий» и др.

Среди прилагательных выделяются первообразные или непроизводные (первичные) и производные. К первообразным относятся такие прилагательные как *гъаваф* «высокий», *уькъеф* «густой», *дихъеф* «прямой», *цлейеф* «новый», *йерсеф* «старый (о предмете)», *чаллпул* «левый», *музеф* «мелкий» и др.

Производные прилагательные образуются от различных частей речи:

от имен существительных: *гучI* «страх» – *гучлаф* «трусливый», *мучI* «мрак» – *мучлеф* «черный», *гаш* «голод» – *гашинф* «голодный», *уркI* «яма» – *урклеф* «глубокий»;

от глагола: *мерттакъас* «чистить» – *мерттеф* «чистый», *цлакас* «искривляться» – *цлакуф* «кривой», *ругъас* «остыть» – *ругъуф* «холодный» и др.;

от наречий: *мисаъ* «здесь» – *мисанф* «здешний», *уригъ* «впереди» – *уригъинф* «передний», *хавахъ* «сзади» – *хавахъинф* «задний», *гланавъ* «внутри» – *глананф* «внутренний», *вархавъ* «далеко» – *варханф* «дальний», *накъ* «вчера» – *накъанф* «вчерашний».

Адъективы, как и имена существительные, склоняются по «принципу двух основ»: эргатив образуется от номинатива, а от эргатива образуются остальные косвенные падежи. Но в отличие от имен существительных все прилагательные и в единственном и во множественном числе в эргативе принимают один единственный показатель *-и*.

При самостоятельном употреблении суффикс прилагательного сохраняется: *кIареф* «черный». В буркиханском диалекте наряду с другими диалектами, где представлен суффикс *-ф*, при склонении последний выпадает, а на его месте восстанавливается исконный показатель адъектива, который в позиции между гласными переходит в геминату:

	ед. ч.		мн. ч.
Ном. п.	<i>кIареф</i> , ср.ко	<i>кIеред</i>	<i>кIаретт-ар</i> <i>кIаред-ар</i>
Эрг. п.	<i>кIаретт-и</i> ш. д.	<i>кIеред-и</i>	<i>кIаретт-ар-и</i> <i>кIаред-ар-и</i>
Род. п.	<i>кIаретт-и-н</i>	<i>кIеред-и-н</i>	<i>кIаретт-ар-и-н</i> <i>кIаред-ар-и-н</i>
Дат. п.	<i>кIаретт-и-с</i>	<i>кIеред-и-с</i>	<i>кIаретт-ар-и-с</i> <i>кIаред-ар-и-с</i>

А.А. Магометов полагает, что в кошанском *д* может быть и принадлежностью показателя эргатива [см. Магометов 1970 : 94].

При атрибутивной функции, когда имя прилагательное стоит перед определяемым словом, суффикс прилагательного – окаменелый экспонент грамматического класса *-ф* - выпадает: *ругъу хьер* «холодная вода», *мучIе ь'уш* «темная ночь», *цIаку кIур* «кривая палка». В этой функции прилагательное не изменяется по числам и падежам, склоняется и изменяется по числам только определяемое слово [Магомедова 1997 : 17]:

	ед. ч.	мн. ч.
Ном. п.	<i>бицIи гада</i> «мдаший сын»	<i>бицIи гадавур</i>
Эрг. п.	<i>бицIи гадайи</i>	<i>бицIи гадавури</i>
Род. п.	<i>бицIи гадайин</i>	<i>бицIи гадавурин</i>
Дат. п.	<i>бицIи гадайис</i>	<i>бицIи гадавурс</i>

Адъектив в предложении может выполнять и функцию сказуемого: *Зун руку хIакIарефэ*. «Овца, которую я зарезал – черная (есть)».

В дагестановедении вопрос об относительных и качественных прилагательных разработан недостаточно. Не всегда проводится разграничение относительных и качественных прилагательных. Попытки разграничить качественные и относительные прилагательные на материале лезгинских языков предпринимаются М.Е.Алексеевым [см. Алексеев 1985: 62–63]. Отмечается, что в дагестанских языках роль относительных прилагательных выполняют существительные в родительном падеже [см. Магометов 1965; Муркелинский 1967: 494; Бокарев, Мадиева 1967: 461; Мейланова 1970: 113]. Агульский язык (буркиханский диалект в том числе) также образует относительные прилагательные от имен существительных в родительном падеже: *хIаван кьарекь* «овечья шкура», *сулен гуни* «ржаной хлеб», *ифан гвар* «медный кувшин» и др.

Эти самым доказываются отсутствие специальных аффиксов для маркировки относительных прилагательных, что указывает на позднее зарождение относительных прилагательных в агульском, как и в других лезгинских языках. Оказывается, и качественные прилагательные образовались сравнительно недавно [см. Алексеев 1985 : 62–63].

Не все прилагательные в буркиханском диалекте, как в тпигском говоре и других диалектах, в исходе имеют *ф* и окончание существительных родительного падежа. А. Дирр замечает, что заимствованные адъективы могут не принимать суффиксов [см. Дирр 1907 : 18]. К ним относятся такие как *кьадарсуз* «бесчисленный», *хусуси* «собственный», *тамам* «подробный, исчерпывающий», *сагь* «здоровый», *кьучагь* «удалой», *ламуссуз* «бесчестный», *махIрум* «лишенный чего-либо», *йаишу* «пожилой», *тамахIкар* «жадный», *уьзуькьара* «посрамленный», *уьзягь* «с чистой совестью», «безупречный, невинный, непорочный», *йалгьуз* «одинокий» и т.д.

В буркиханском диалекте, как и в тпигском говоре, представлены две степени сравнения: сравнительная и превосходная. Первая из них передается путем сравнительного слова *суман* «как», а также через посредство падежных частиц *лас* и *дала*: *Руш бав суман батIарфэ*. «Девушка как мать красива (красивая есть)». *Гунилас йакк багъа э*. «Мясо дороже хлеба (дороже чем хлеб)». *Гададала руш идже э карар акъас*. «Для работы девочка лучше мальчика (Девочка лучше чем мальчик для выполнения работ)».

Превосходная степень выражается словами *ппара* «очень» и *лап* «весьма»: *БархIам ппара (лап) ирхе э*. «Платье очень (весьма) длинное (длинное есть)».

Имя числительное

Счет в буркиханском диалекте десятичный. «Двадцатиричный счет, — замечает З.К. Тарланов, — совершенно не известен буркиханскому говору» [Тарланов 1994 : 99]. Из диалектов десятичная система, помимо буркиханского диалекта, представлена еще в собственно агульском и кошанском, а в керенском диалекте счисление ведется по двадцатиричной системе (за исключением числительного «сорок») [см. Шаумян 1941 : 54; Магомедов 1970]. Вообще в отношении числительных нет четкого разграничения диалектов по десятичной и двадцатиричной системам, в ряде случаев наблюдается параллельное употребление числительных. Так, к примеру, в тпигском говоре, в отличие от буркиханского диалекта, наряду с десятичным счислением наблюдается и двадцатиричное, последнее — реже. Здесь числительные «шестьдесят» и «восемьдесят» образуются как по десятичной системе, так и по двадцатиричной.

В буркиханском диалекте различаются следующие группы числительных: количественные, порядковые, собирательные, распределительные, кратные и дробные.

Количественные числительные

Для наглядности в скобках приводятся тпигские количественные числительные, которые отличаются от буркиханских.

1. сад
2. ь'ад (ь'уд)
3. хьибуд
4. йокьуд
5. ифгIад (гIифуд)
6. йерхьид
7. йерид
8. муйад
9. йерчIуId (йерчIуд)
10. ицIуд (йицIуд)
11. цIесад
12. цIеъ'ад (цIеъ'уд)
13. цIехьибуд
14. цIейакьуд
15. цIеифгIад (цIегIифуд)
16. цIейерхьид
17. цIейерид
18. цIемуьад
19. цIейерчIуId (цIейерчIуд)
20. къад
21. къанна сад
30. хьивцIур (хьибцIур)
40. йахцIур (йагъцIур)
41. йахцIурна сад (йагъцIурна сад)
50. ифгIцIар (гIифцIур)
51. ифгIцIарна сад (гIифцIурна сад)

60. *йехъцІур* (*йехъцІур хьибукъад*)
 61. *йехъцІурна сад* (*йехъцІурна сад/хьибукъанна сад*)
 70. *йарцІур*
 71. *йарцІурна сад*
 80. *майцІур* (*майцІур / йакъукъад*)
 81. *майцІурна сад* (*майцІурна сад/йакъукъанна сад*)
 90. *йеджцІур*
 91. *йеджцІурна сад*
 100. *валрш* (*верш*)
 1000. *агъзур*.

Количественные числительные подверглись значительным изменениям, начиная от выпадения префиксальных и суффиксальных частей, до существенных фонетических трансформаций корневых согласных [см. Магомедов 1970 : 96].

Числительные от «одного» до «двадцати» в исходе имеют окаменелый классный показатель *д*. Десятки, начиная с «тридцати» в финале оформляются классным показателем *р*.

Сложные числительные до «двадцати» образуются сложением простых числительных с «десятью», при этом в первой части у числительного «десять» выпадает префиксальная часть: *йи-* в тпигском говоре и *и-* – префиксальный гласный - в буркиханском диалекте.

Сложные числительные, начиная от «двадцати одного», образуются от числительного «двадцать» при помощи союза *на «и»*. В числительном «двадцать» исходный *д* при этом ассимилируется с *н*.

Когда числительное стоит при существительном, оно теряет конечный согласный и не изменяется по падежам:

Ном. п.	<i>са манат</i>	«один рубль»	<i>хьibu хьир</i>	«три женщины»
Эрг. п.	<i>са манати</i>		<i>хьibu хьира</i>	
Род. п.	<i>са манатин</i>		<i>хьibu хьиран</i>	

Дат. п. са манатис хьибу хьирас

При самостоятельном же употреблении числительного конечный согласный сохраняется, и числительное изменяется по падежам. Склоняются числительные подобно именам существительным:

Ном. п.	<i>сад,</i>	<i>хьибуд,</i>	<i>ицIуд</i>
Эрг. п.	<i>сайи</i>	<i>хьибуйи</i>	<i>ицIуйи</i>
Род. п.	<i>сайин</i>	<i>хьибуйин</i>	<i>ицIуйин</i>
Дат. п.	<i>сайис</i>	<i>хьибуйис</i>	<i>ицIуйис</i>

Числительные с исходом на *-p* («тридцать», «сорок», «пятьдесят», «шестьдесят», «семьдесят», «восемьдесят», «девяносто», «тысяча»), а также числительное *vaipri* «сто» в эргативе принимают суффикс *-a*:

Ном. п.	<i>хъивцІур</i>	«тридцать»	<i>агъзур</i>	«тысяча»	<i>ваІрш</i>	«сто»
Эрг. п.	<i>хъивцІура</i>		<i>агъзура</i>		<i>ваІрша</i>	
Род. п.	<i>хъивцІуран</i>		<i>агъзуран</i>		<i>ваІршан</i>	
Дат. п.	<i>хъивцІурас</i>		<i>агъзурас</i>		<i>ваІршас</i>	

Во множественном числе при самостоятельном употреблении числительные склоняются как и существительные:

Ном. п.	<i>йакьудар</i>	«четыре»
Эрг. п.	<i>йакьудари</i>	
Род. п.	<i>йакьударин</i>	
Дат. п.	<i>йакьударис</i>	

Числительное *сад* «один» выступает также в значении «некто», «некий»: *са эреми* «некий мужчина», *са хьир* «некая женщина».

К количественным числительным примыкают так называемые *неопределенно-количественные числительные* *гъатидахІан* «столько (как-то), *гъамидыхІан* «столько» (как это), *хъимуд* «сколько», *хъимунна сад* «несколько», которые, в свою очередь, относятся к местоименным числительным.

Неопределенно-количественные числительные *хьимуд* «сколько» и *хьимунна сад* «несколько» при самостоятельном употреблении сохраняют исходный *д* и изменяются по падежам, как и количественные числительные.

Числительное *гьатидахІан* «столько» склоняется как прилагательное:

Ном. п.	<i>гьатидахІан</i>
Эрг. п.	<i>гьатидахІан-тти</i>
Род. п.	<i>гьатидахІан-тти-н</i>
Дат. п.	<i>гьатидахІан-тти-с</i>

К группе количественных числительных можно отнести и *тпара* «много», *са чІукь* «немного».

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются от количественных при помощи причастной формы глагола *нас* «сказать» [Магометов 1970 : 99]: *сад ниф* «первый», *ъ'ад ниф* «второй», *ифгІад ниф* «пятый», *ицІуд ниф* «десятый», *ваІри ниф* «сотый» и т.д.

При самостоятельном употреблении порядковые числительные склоняются и изменяются по числам. Когда же порядковое числительное стоит перед существительным, причастная форма теряет классный показатель [Магометов 1970 : 100]: ср. *сад ниф* (эреми) *агьушунай халаъ* «первый (мужчина) поднялся в дом» и *сад ни эрели агьушунай халаъ* «первый мужчина поднялся в дом».

Собирательные числительные

Данные числительные образуются от количественных путем присоединения к ним союза *ра* «и»: *йерхьид-ра* «вся шесть», *муйад-ра* «все восемь», *йерчулу-ра* «все девять», *ваІри-ра* «все сто», *хьивцІур-ра* «все тридцать».

Числительное *сад* «один» с союзом *ра* «и» приобретает отрицательное значение: *сад-ра* «ни один».

Собирательные числительные образуются также от количественных числительных посредством суффикса *-ар* [Шаумян 1941 : 52]: *ъ'ад-ар* «двое»,

хьибуд-ар «трое», *ицуд-ар* «десятеро». Эта форма употребляется часто в сказках: *Алаттикуна а гадайи ме аждагъайин йерчудар килар*. «Снес (отрубил) парень у этого дракона девятеро голов».

Собирательные числительные могут еще раз присоединить к себе союз *-ра*, который приобретает в данном случае значение «все», например: *ь'адар-ра* «все двое», *хьибудар-ра* «все трое», *йакьудар-ра* «все четверо», *ицудар-ра* «все десятеро», *цлеь'адар-ра* «все двенадцать» и т.д.

Распределительные числительные

Распределительные числительные образуются при помощи удвоения основ числительных. При этом первое числительное теряет конечный согласный, а второе числительное присоединяет суффикс наречия *-тти* (←*-ди*) [Магомедов 1970 : 100]: *са-са-тти* «по одному», *ь'а-ь'а-тти* «по два», *къа-къа-тти* «по двадцать».

При удвоении основ первое числительное может потерять корневой согласный: *и-ицуд-тти* «по десять», *йа-йакь-тти* «по четыре», *му-муьа-тти* «по восемь».

Кратные числительные

Кратные числительные образуются посредством частицы *гелай* «раз»: *са-гелай* «один раз», *ь'а-гелай* «два раза», *хьibu-гелай* «три раза», *йерхьи-гелай* «шесть раз», *къа-гелай* «двадцать раз».

Дробные числительные: *хьибуйин ь'а пай* — $\frac{2}{3}$, *йакьуйин са пай* — $\frac{1}{4}$ и т.д.

Буркиханские числительные имеют незначительные расхождения с тпигскими, и они касаются количественных числительных [см. Шаумян 1941: 52].

Местоимения

Местоимения буркиханского диалекта не имеют сильных отличий от местоимений тпигского говора. Имеющиеся различия касаются фонетических

трансформаций. Тпигские местоименные формы привлекаются в тех случаях, когда они расходятся с буркиханскими.

Разряды местоимений

В буркиханском диалекте мы выделяем восемь разрядов местоимений: личные, притяжательные, указательные, возвратные, вопросительные, отрицательные, определительные и неопределенные.

Личные местоимения: *зун* «я», мн. ч. *хьин* (инклюз.), *чин* (эксклюз.); *вун* «ты», мн. ч. *чун*.

Из специальной литературы известно, что эргатив и номинатив в историческом прошлом не различались [см. Чикобава 1948 : 14–15]. Склонение личных местоимений 1 и 2 лица в агульском языке отличается от склонения имен существительных. В именах существительных дифференциация форм эргатива и номинатива распространяется на все диалекты и говоры. В личных местоимениях подавляющее большинство диалектов и говоров форм эргатива с номинативом не различают. И только в керенском диалекте они имеют разные показатели. Р. Шаумян рассматривает склонение личных местоимений в агульском языке, увязывая его со склонением имен существительных, при этом неразличение форм эргатива и номинатива в личных местоимениях в собственно агульском, кошанском, буркиханском диалектах считает отклонением. В керенском же диалекте, как указывает он, наблюдается четкая дифференциация в образовании упомянутых падежей [Шаумян 1941 : 55].

Склонение личных местоимений в бурк. д., тп. г. и кер. д.:

единственное число

	бурк. д.	тп. г.	кер. д.
Ном. п.	<i>зун, вун</i>	<i>зун, вун</i>	<i>зун, вун</i>
Эрг. п.	<i>зун, вун</i>	<i>зун, вун</i>	<i>за-ш, ва-ш</i>

множественное число

Ном. п.	<i>хьин/чин, чун</i>	<i>хьин/чин, чун</i>	<i>хьин/чин, чун</i>
Эрг. п.	<i>хьин/чин, чун</i>	<i>хьин/чин, чун</i>	<i>хье-ш/че-ш, чве-ш</i>

За пределами агульского языка дифференциация эргативной и номинативной форм, как это представлено в керенском диалекте, имеет место в лезгинском языке. В рутульском языке, как констатирует Г.Х. Ибрагимов, в личных местоимениях эргатив оформлялся собственным показателем сначала в единственном числе, а во множественном числе эргатив и номинатив продолжали не различаться. Такое положение в настоящее время представлено в мухадском диалекте. При дальнейшем развитии языка дифференциация форм эргатива и номинатива произошла и во множественном числе, что нашло отражение и в остальных диалектах рутульского языка [Ибрагимов 1978].

Третьим лицом личного местоимения служит указательное местоимение *те* «тот», мн. ч. *тур*. В тпигском говоре личное местоимение третьего лица имеет форму *тебур*. Буркиханское местоимение *тур* является усеченной формой от *тевур* (←*тебур*).

В склонении личных местоимений между буркиханским диалектом и тпигским говором имеются некоторые расхождения.

Единственное число

	бурк. д.		тп. г.	
Ном. п.	зун «я»,	вун «ты»	зун,	вун
Эрг. п.	зун	вун	зун	вун
Род. п.	зе	ве	зе	ве
Дат. п.	зис	вас	зас	вас
Мест.п. на -в:	за-в	ва-в	за-в	ва-в
Исх.п. на -вас:	за-вас	ва-вас	за-фас	ва-фас

Разными огласовками в буркиханском диалекте и тпигском говоре оформляется дательный падеж 1 л. ед. ч.: в первом – гласным *и*, а во втором – *а*.

Буркиханскому исходному на *-вас* в тпигском говоре соответствует *-фас*. Это соответствие имеет место и во множественном числе.

Множественное число

Ном. п.	<i>хьин</i> (инклюз.),	<i>чин</i> (эксклюз.)	<i>хьин</i> ,	<i>чин</i>
Эрг. п.	<i>хьин</i>	<i>чин</i>	<i>хьин</i>	<i>чин</i>
Род. п.	<i>хье</i>	<i>че</i>	<i>хье</i>	<i>че</i>
Дат. п.	<i>хьес</i>	<i>час</i>	<i>хьес</i>	<i>час</i>
Мест.п. на в:	<i>хье-в</i>	<i>ча-в</i>	<i>хье-в</i>	<i>ча-в</i>
Исх.п. на -вас:	<i>хье-вас</i>	<i>ча-вас</i>	<i>хье-вас</i>	<i>ча-фас</i>

Как и в имени существительном *comitativ* и *collativ* образуются при помощи деепричастной формы вспомогательного глагола *хъари*, *фари*: *захъари* (←*захъ хъари*) «со мной», *зафари* (←*зав фари*) «при мне». Ср. тп. г. *захъай*, *зафай* соответственно.

Из таблицы склонения видно, что личные местоимения 1 и 2 лица именительный и эргативный падеж не различают. В единственном числе представлен детерминативный суффикс *-ун*, а во множественном числе *-ин*. В диалектах, где эргатив и номинатив не различаются, они представлены в обоих падежах, в керенском – только в номинативе.

Личное местоимение 1 л. мн. ч. *чин* (экслюзив) и личное местоимение 2 л. мн. ч. *чун* в номинативе различаются только огласовками *и* и *у*. «Однако, – пишет А.А. Магометов, – историческое различие заключалось в корневых согласных: во II лице множественного числа – лабиализованный (*чIв*), в I лице эксклюзивной формы – нелабиализованный (*чI*)» [Магометов 1963: 249–250].

Указательные местоимения буркиханского диалекта совпадают с тпигскими. В указательных местоимениях развита система пространственной ориентации, которая образует две пары, основанные на противопоставлении: 1) «рядом» – «в отдалении» и 2) «внизу» – «наверху». Примеры: бурк., тп. г. *ме* «этот» (указывает на предмет или лицо, расположенное рядом) – *те* «тот» (указывает на предмет или лицо, расположенное в отдалении); *ге* «тот» (указывает на предмет или лицо, расположенное внизу в от-

далении) – *ле* «тот» (указывает на предмет или лицо, расположенное наверху в отдалении). В данной системе отсутствует противопоставление объектов, расположенных внизу рядом и наверху рядом, как это представлено в некоторых андийских языках, например, в ахвахском [см. Магомедбекова 1967 : 343].

Ко всем указанным местоимениям может быть присоединена усилительная частица *гба-*: *гба-ме* «именно этот», *гба-те* «именно тот», *гба-ге* «именно тот (который находится внизу)», *гба-ле* «именно тот (который находится наверху)».

Кроме того, в некоторых диалектах указательные местоимения с данной усилительной частицей образуют еще одну степень удаленности объекта от ориентира (указание на более отдаленный объект). При этом гласный *а* частицы заменяется на долгий гласный *оо*, ср. *ти* «тот» и *гбоо-ти* «тот (более отдаленный)», *гбоо-ги* «тот внизу (находящийся в отдалении)», *гбоо-ли* «тот наверху (находящийся в отдалении)».

Во множественном числе все указательные местоимения в буркиханском диалекте присоединяют суффикс *-ур* (←*вур*), в тпигском говоре – суффикс *-бур*. И *б*, и *в* являются классными показателями [см. Магометов 1962 : 174].

Примеры: бурк. д. *м-ур* (←**ме-вур*), тп. г. *ме-бур* «эти»; бурк. д. *т-ур* (←**те-вур*), тп. г. *те-бур* «те»; *г-ур* (←**ге-вур*), тп. г. *ге-бур* «те (находящиеся внизу)»; *л-ур* (←**ле-вур*), *ле-бур* «те (находящиеся наверху)».

Склоняются указательные местоимения как и имена существительные: номинатив образует основу эргативного падежа, а последний, в свою очередь, служит основой для остальных падежей. В буркиханском диалекте, как и тпигском говоре, эргатив оканчивается на гласный *и*. Считается, что последний получен из *ди*, который представлен во многих диалектах.

	бурк. д., тп. г.				цир. г.			
Ном. п.	<i>ме</i>	<i>те</i>	<i>ге</i>	<i>ле</i>	<i>ме</i>	<i>те</i>	<i>ге</i>	<i>ле</i>
Эрг. п.	<i>ми</i>	<i>ти</i>	<i>ги</i>	<i>ли</i>	<i>мири</i>	<i>тири</i>	<i>гири</i>	<i>лири</i>
Род. п.	<i>мин</i>	<i>тин</i>	<i>гин</i>	<i>лин</i>	<i>мирин</i>	<i>тирин</i>	<i>гирин</i>	<i>лирин</i>
Дат. п.	<i>мис</i>	<i>тис</i>	<i>гис</i>	<i>лис</i>	<i>мирис</i>	<i>тирис</i>	<i>гирис</i>	<i>лирис</i>
Мест.п.	<i>михъ</i>	<i>тихъ</i>	<i>гихъ</i>	<i>лихъ</i>	<i>мирихъ</i>	<i>тирихъ</i>	<i>гирихъ</i>	<i>лирихъ</i>

кер д.

Ном. п.	<i>ми</i>	<i>ти</i>	<i>ги</i>	<i>ли</i>
Эрг. п.	<i>миди</i>	<i>тиди</i>	<i>гиди</i>	<i>лиди</i>
Род. п.	<i>мидин</i>	<i>тидин</i>	<i>гидин</i>	<i>лидин</i>
Дат. п.	<i>мидис</i>	<i>тидис</i>	<i>гидис</i>	<i>лидис</i>
Мест. п.	<i>мидихъ</i>	<i>тидихъ</i>	<i>гидихъ</i>	<i>дидихъ</i>

Вопросительные местоимения в буркиханском диалекте состоят из *фши* «кто?» (относительно разумных существ – человека), *фи* «что?» (относительно неодушевленных предметов и неразумных существ), *наие* «который?», *фши ттин* «какой?».

Различия, наблюдающиеся между буркиханским диалектом и тпигским говором в оформлении вопросительных местоимений, касаются местоимений на «кто?». В тпигском говоре здесь употребляется *фуи*, отличающийся от соответствующего вопросительного местоимения огласовкой (у вместо *и*). Значительные расхождения между буркиханским диалектом и тпигским говором наблюдаются в склонении вопросительных местоимений.

Как полагает А.А. Магометов, префиксальный *ф-* (←*в-*) в вопросительных местоимениях «кто?» и «что?» является классным показателем [Магометов 1962: 175].

На вопрос «кто?» в агульском языке, в отличие от русского языка, отвечают имена существительные, которые относятся только к разумным существам – к человеку. В русском же языке на вопрос «кто?» отвечает широкий круг субстантивов, куда кроме человека входят и все одушевленные существа. По-

ложение, при котором разумные существа отвечают на вопрос «кто?», а все остальные имена – на вопрос «что?» (ср. бурк. д. *Фиш э те?* – *Рамазан э.* «кто это (есть)?» – «Рамазан (есть)» и *Фи э те?* – *Сул э.* «Что это (есть)» – *Лиса (есть)») представляет собой общедагестанское явление. Более того, как отмечает А.С. Чикобава, «Классы имен как семантическая категория одинаково понимаются во всех иберийско-кавказских языках: вопрос «кто?» относится только к человеку (личности), все же остальные (в частности, животные) включаются в категорию вещей (вопрос «что?»: *Что пасется на лугу?*)» «Лошадь... корова ... овца ...»). [Чикобава 1978 : 9].*

Вопросительное местоимение *фиш* (*фуш*) «кто?» склоняется как имя существительное. Косвенную основу и местные падежи как в ^вединственном, так и во множественном числе буркиханский диалект образует супплетивно. В тпигском говоре подобным образом образуется косвенная основа единственного числа. Гласные первого слога косвенной основы в сравниваемых диалектных единицах различаются: в буркиханском тпигскому *и* соответствует *а*:

	единственное число	
	бурк. д.	тп. г.
Ном. п.	<i>фиш</i>	<i>фуш</i>
Эрг. п.	<i>гъана</i>	<i>гъина</i>
Род. п.	<i>гъанан</i>	<i>гъинан</i>
Дат. п.	<i>гъанас</i>	<i>гъинас</i>
Мест. п.	<i>гъанал</i>	<i>гъинал</i>

Во множественном числе косвенную основу вопросительного местоимения *фиш* буркиханский диалект также образует супплетивно:

	множественное число
	бурк. д.
Ном. п.	<i>фишар</i>
Эрг. п.	<i>гъанари</i>

Род. п.	<i>гъанарин</i>
Дат. п.	<i>гъанарис</i>
Мест.п.	<i>гъанарил</i>

В тпигском говоре, в отличие от буркиханского диалекта, во множественном числе косвенная основа образуется несупплетивно:

Ном. п.	<i>фушар</i>
Эрг. п.	<i>фушари</i>
Род. п.	<i>фушарин</i>
Дат. п.	<i>фушарис</i>
Мест.п.	<i>фушарил</i>

В фитинском говоре косвенная основа множественного числа указанного местоимения (*фидж*) имеет параллельные формы: ном. п. *фиджар*, эрг. п. *фиджари/гъинари*, род. п. *фиджарин / гъинарин*, дат. п. *фиджарис / гъинарис*, мест. п. *фиджарил / гъинарил*.

Вопросительные местоимения *фи* «что?» и *фиттин* «какой?» в буркиханском диалекте, как и в тпигском диалекте, склоняются как имена прилагательные:

	бурк. д.	тп. г.
Ном. п.	<i>фи</i>	<i>фи</i>
Эрг. п.	<i>фири</i>	<i>фитти</i>
Род. п.	<i>фирин</i>	<i>фиттин</i>
Дат. п.	<i>фирис</i>	<i>фиттис</i>
Мест. п.	<i>фирил</i>	<i>фиттил</i>

Исходной формой эргатива служит *-ди*, который представлен в кошанском (в речи сел Арсуг и Худиг) диалекте и фитинском говоре. В буркиханском диалекте, наряду с цирхинским говором и речью села Буршаг кошанского диалекта, он переходит в *-ри*. В тпигском говоре, как в керенском диалекте и хпюкском говоре, *-ди* дает *-тти*.

Во множественном числе в исследуемом диалекте вопросительное местоимение *фи* «что?» присоединяет суффикс *-вур*, в тпигском *-ппур*. Оба суффикса являются результатом трансформации *-бур*. Исходный *-бур* ни в одном из диалектов не сохранился.

	бурк. д.	тп. г.
Ном. п.	<i>фивур</i>	<i>фиппур</i>
Эрг. п.	<i>фивури</i>	<i>фиппури</i>
Род. п.	<i>фивурин</i>	<i>фиппурин</i>
Дат. п.	<i>фивурис</i>	<i>фиппурис</i>

Склонение вопросительного местоимения *фиштитин* «какой?»:

единственное число

бурк. д., тпг. г.

Ном. п.	<i>фиштитин</i>
Эрг. п.	<i>фиштитинтти</i>
Род. п.	<i>фиштитинттин</i>
Дат. п.	<i>фиштитинттис</i>

множественное число

Ном. п.	<i>фиштитинттар</i>
Эрг. п.	<i>фиштитинттари</i>
Род. п.	<i>фиштитинттарин</i>
Дат. п.	<i>фиштитинттарис</i>

Притяжательные местоимения представляют собой форму родительного падежа личных местоимений: *зе* «мой», *ве* «твой». В такой роли они выступают перед определяемым словом: *зе китаб* «моя книга», *ве канар* «твоя одежда».

При самостоятельном употреблении притяжательные местоимения, подобно прилагательным, присоединяют классный показатель и так же склоня-

ются. В буркиханском диалекте и тпигском говоре притяжательные местоимения не различаются:

единственное число

Ном. п.	<i>зеф</i> «мой»,	<i>веф</i> «твой»
Эрг. п.	<i>зетти</i>	<i>ветти</i>
Род. п.	<i>зеттин</i>	<i>веттин</i>
Дат. п.	<i>зеттис</i>	<i>веттис</i>

множественное число

Ном. п.	<i>зеттар</i> «мои»,	<i>веттар</i> «твои»
Эрг. п.	<i>зеттари</i>	<i>веттари</i>
Род. п.	<i>зеттарин</i>	<i>веттарин</i>
Дат. п.	<i>зеттарис</i>	<i>веттарис</i>

Возвратные местоимения: *уч* «сам», *чав* «сами». Различие, имеющее место между буркиханским диалектом и тпигским говором, касается местоимения *чав*. В тпигском говоре ему соответствует *чаб*. Из этих двух форм исходной является тпигская, в буркиханском диалекте происходит ослабление губной смычки и переход *б* → *в*.

При склонении тпигский *б* в местоимении *чаб* между гласными переходит в геминату, а в буркиханском диалекте финальный *в* при склонении не изменяется.

Склонение возвратных местоимений *уч* «сам» и *чав(чаб)* «сами»:

Ном. п.	<i>уч</i>	<i>чав (чаб)</i>
Эрг. п.	<i>учи</i>	<i>чиви (чипти)</i>
Род. п.	<i>учин</i>	<i>чивин (чиптин)</i>
Дат. п.	<i>учис</i>	<i>чивис (чиптис)</i>

В буркиханском диалекте и тпигском говоре в роли **определятельного** местоимения выступает *джалла* «весь», «все». Имеющиеся расхождения в склонении носят фонетический характер:

бурк. д.	тп. г.
----------	--------

Ном. п.	<i>джалла</i>	<i>джалла</i>
Эрг. п.	<i>джаллавури</i>	<i>джаллабури</i>
Род. п.	<i>джаллавурин</i>	<i>джаллабурин</i>
Дат. п.	<i>джаллавурис</i>	<i>джаллабурис</i>

Наряду с *джалла* по диалектам представлена и форма *вари* (ср. лезг. *вири* «весь», «все»). На северной окраине распространения агульского языка наблюдается параллельное их употребление: кош.д. *вари* / *джилла*, фит. г. *вари*/ *джалла*.

Отрицательные местоимения образуются от вопросительных местоимений при помощи присоединения отрицательной частицы *ра* «ни»: *фишра* (тп. г. *фушра*) «никто», *фера* «ничто, ничего».

Неопределенные местоимения. В качестве неопределенных местоимений в буркиханском диалекте, так и в тпигском говоре, представлены *сад* «один», «некий» и *гьар* «всякий».

Глагол

Общая характеристика глагола.

Глагол является самой сложной частью речи, сложность эта обусловлена большой коммуникативной функцией глагола в языке. В предложении он служит ядром, вокруг которого группируются другие части речи. Агульский глагол относительно беден грамматическими категориями. Агульский глагол не знает таких категорий, как категория грамматического класса, числа. Если не считать формы повелительного наклонения, где во множественном числе, в отличие от тпигского говора, в буркиханском диалекте добавляется суффикс -*ай* или -*вай*: *ух* «пей!», *ух-ай* «пейте!»; *див* «тяни!», *див-ай* «тяните!»; *акье* «делай!», *акье-вай* «делайте!». Не имеет своего морфологического выражения залог.

Описание глагольных категорий буркиханского диалекта нами дается в сравнении с соответствующими категориями тпигского говора, как это было проведено в предыдущих разделах работы.

Суффиксом инфинитива в агульском языке служит *-с*, которому предшествует гласный *а*. Последний может модифицироваться под влиянием корневого согласного: *акь-а-с* «делать», *кI'-е-с* «убить, умереть», *ухI-аI-с* «хранить, беречь» (модификация гласного *а* под влиянием фарингализованного или фарингального согласного в целях упрощения не отмечается: *ухIас*).

По своей структуре агульские глагольные основы делятся на непроеизводные (или простые), производные и сложные. Простая основа может состоять из одного согласного, которому в некоторых случаях предшествует гласный: *ух-ас* «пить», *й-ес* «дать», *ат-ас* «оставить», *агв-ас* «видеть», *х-ас* «нести», *ар-ес* «приходить», *гIв-ас* «идти», *п-ас* «сказать»; в редких случаях может состоять из двух согласных: *архI-ас* «стричь (овец)», и еще реже – из трех согласных: *джирх-ас* «расчесывать».

В производных основах выделяются префиксы и суффиксы. Префиксы или превербы играют большую роль в глагольном словообразовании агульского языка. Они, присоединяясь к глагольному корню, создают различные оттенки значений, ср.

ихъас «бросить» (без указания на локализацию в пространстве)

гI-ихъас «бросить в промежутки, между чем-либо (например, стенами)»

ъ-ихъас «бросить в пустое пространство (например, в яму)»

аф-ихъас «бросить вплотную к чему-либо (например, к стене)»

хъ-ихъас «бросить за какой-либо предмет» и т.д.

Превербы могут внести и существенные изменения в значения глаголов, ср. тот же глагол (*ихъас*) с превербом *л-*: *ал-ихъас* «повесить замок, запереть, закрыть» [*рукъ алихъ* «запри дверь (на замок)»]. Необходимо отметить, что в разных контекстах (словосочетаниях) глаголы с превербами получают различные значения. Ср., например, глагол *алихъас* с существительным *хIайван* «лошадь»: *хIайван алихъас* «пустить лошадь вскачь».

Одна и та же производящая основа может префигироваться вторично. В тпигском говоре имеется несколько производящих основ, на которые дважды

нанизываются префиксы, ср. *ихъас* → *хъихъас* → *ахъихъас* «погнаться за кем-либо» или *акъас* «делать» → *хъакъас* «починить» → *ахъакъас* «рассказать» и др. В описываемом буркиханском диалекте вторичного префигирования не происходит, поэтому здесь глаголы становятся омонимичными: *хъакъас* 1.«починить» 2. «рассказать»; *хъихъас* 1. «бросить за какой-либо предмет» 2.«погнаться за кем-либо». В буркиханском диалекте, вернее, анлаутный гласный в безударной позиции выпал.

В агульском языке в некоторых диалектах в определенном количестве глагольных основ представлен детерминативный суффикс. Р. Шаумян настоящий формант называет «второй темой» глагола [Шаумян 1941]. В тпигском говоре детерминативный суффикс выступает как в основах инфинитива, так и в деепричастии настоящего времени и во всех формах, образованных от него: *ликI-ен-ас* «писать», *ликI-ен-ди* (деепр. н. вр.), *ликI-ен-ди айа* «пишет», *ликI-ен-ди уйи* «писал» и т.д. В буркиханском диалекте детерминативный суффикс, не представленный в инфинитиве, появляется в деепричастных формах настоящего времени и в формах, образованных от них: *ликI-ес* «писать», *ликI-ен-ди*, *лиI-ен-ди а* «пишет», *ликI-ен-ди уй* «писал».

Ср. список некоторых глаголов с детерминативным суффиксом в буркиханском диалекте и тпигском говоре: после инфинитива приводятся формы деепричастия настоящего времени.

бурк. д.	тп. г.
<i>элхъаьс</i> «смеяться» — <i>элхъ-аьн-ди</i>	<i>элхъ-аьн-ас</i> — <i>элхъ-аьн-ди</i>
<i>гъузас</i> «стоять» — <i>гъуз-ан-ди</i>	<i>гъуз-ан-ас</i> — <i>гъуз-ан-ди</i>
<i>илгвас</i> «оставаться» — <i>илгв-ан-ди</i>	<i>илгв-ан-ас</i> — <i>илгв-ан-ас</i>
<i>итIас</i> «привязать» — <i>итI-ан-ди</i>	<i>итI-ан-ас</i> — <i>итI-ан-ди</i>

<i>курас</i> «испачкаться» – <i>кур-ан-ди</i>	<i>кур-ан-ас</i> – <i>кур-ан-ди</i>
<i>тӀишас</i> «месить» – <i>тӀиш-ан-ди</i>	<i>тӀиш-ан-ас</i> – <i>тӀиш-ан-ди</i>
<i>фацас</i> «поймать» – <i>фарц-ан-ди</i>	<i>фац-ан-ас</i> – <i>фарц-ан-ди</i>

По Р. Шаумяну «Вторая тема... в керенском и гекхунском диалектах успела исчезнуть почти во всех временах, за исключением повелительного наклонения, где она обнаруживается в виде аффикса *-ен* или же усеченно лишь одной огласовкой» [см. Шаумян 1941 : 77]. Как справедливо замечает Н.Д.Сулейманов, «Аффикс *-ен*, который Р.Шаумян считает детерминативным суффиксом, является ни чем иным, как суффиксом повелительной формы глагола: *акур-ан-ас* «белить, мазать» – пов. ф. *акур-ен!*, *хьуттурф-ан-ас* «смотреть» – пов. ф. *хьуттурф-ен!*, *далгъв-ан-ас* «рассыпаться» – пов. ф. *далгъ-ен!*» [Сулейманов 1981 : 138].

Сложные глаголы образуются от именной части при помощи вспомогательного глагола *акьас* «делать» и *хьас* «стать, становиться»: *хӀар хьас* «узнать, стать известным» (тп. г. *йагӀар хьас*), *хӀаракьас* «узнать, проведать» (тп. г. *йагӀар акьас*); *къатӀ хьас* «порваться» (тп. г. *къатӀ хьас*), *къатӀ акьас* «порваться» (тп. г. *къат акьас*); *завал хьас* «собратся» (тп. г. *завал хьас*), *завал акьас* «собрать» (тп. г. *завалакьас*).

Значительный вклад в спряжение глагола по временам внес А.А. Магометов [см. Магометов 1967; 1970]. Благодаря ему сложная система видовременных форм агульского глагола приобрела стройный и последовательный характер. Был определен аналитический характер образования времен в агульском языке. Им же достаточно уделено внимания категории наклонения в агульском языке. Однако необходимо отметить: такому успешному исследованию глагольных категорий предшествовало то, что была подготовлена почва предшествующими исследованиями А.М. Дирра [1907] и Р. Шаумяна [1936; 1941].

И в дальнейшем – после выхода в свет исследований А.А. Магометова – продолжалась работа, направленная на адекватное описание глагольных категорий агульского языка. Заметно увеличилось число новых наклонений и времен, введенных в научный оборот, [см. Тарланов 1972; 1993; 1994].

Выше говорилось об аналитическом характере видовременных форм агульского глагола. Все они образуются от деепричастий настоящего и прошедшего времени посредством вспомогательных глаголов абстрактного значения *э* «есть, суть» и конкретного значения *а / ариа* «есть, находится». В тпигском говоре вспомогательный глагол абстрактного значения совпадает с буркиханским. Вспомогательный глагол конкретного значения в тпигском говоре имеет форму *а/айа*. Форма *а* является усеченной формой от *айа*. Исходная форма *ада*, к которой восходят и буркиханская *ариа* и тпигская *айа*, представлена в фитинском говоре.

Спражение вспомогательного глагола абстрактного значения *э* «есть, суть»

	Время	Утвердит. форма	Вопросит. форма	Отрицат. форма	Вопр.- отрицат. форма
Бурки- ханский диалект	настоящее	<i>э</i>	<i>э-ва?</i>	<i>да-ва</i>	<i>ду-ва</i>
	прошедшее	<i>и-ри</i>	<i>и-ри-ва?</i>	<i>да-ву-й</i>	<i>ду-й-ва?</i>
Тпигский говор	настоящее	<i>э</i>	<i>э-в?</i>	<i>да-ва/даъ</i>	<i>ду?</i>
	прошедшее	<i>и</i>	<i>и-в?</i>	<i>да-ву-йи</i>	<i>да-ву-йи-в?</i>

В буркиханском диалекте суффикс прошедшего времени сохранился. Это *-ри* (←-ди) [см. Магометов 1970 : 119]. В тпигском говоре в утвердительной и вопросительной формах прошедшего времени от вспомогательного глагола остался всего лишь гласный основы *и*.

Вопросительной частицей в буркиханском диалекте служит *-ва*, в тпигском говоре служит *-в*. Частица *-ва*, *-в* не выражает вопроса [см. Магометов 1970 : 120]; показательным в этом случае является вопросительно-отрицательная форма настоящего времени тпигского говора, где, в отличие от буркиханского диалекта, не содержится эта частица.

Как в буркиханском диалекте, так и в тпигском говоре отрицание *да* в настоящем времени усложнено элементом *ва*. В прошедшем времени гласный *а* элемента *ва* изменяется в *у*. Вопросительно-отрицательная форма прошедшего времени в буркиханском диалекте имеет усеченную форму: *ди-й-ва?* (←**да-ву-й-ва?* ←**да-ву-йи-ва?*).

Спряжение вспомогательного глагола конкретного значения *ариа/а* (*айа/а*) «есть, находится»

	Время	Утвердит. форма	Вопросит. форма	Отрицат. форма	Вопр.-отрицат. форма
Буркихан-	настоящее	<i>ариа / а</i>	<i>а-ва?</i>	<i>а-да-ва</i>	<i>а-ду-ва?</i>
ский диа- лект	прошедшее	<i>ари уй / уй</i>	<i>уй-ва?</i>	<i>а-да-ву-й</i>	<i>а-ди-й-ва?</i>
Тпигский	настоящее	<i>айа / а</i>	<i>айа-в / ав?</i>	<i>а-да-ва</i>	<i>а-да-в?</i>
говор	прошедшее	<i>ай уйи / уйи</i>	<i>уйи-в</i>	<i>а-да-ву-йи</i>	<i>а-да-ву-йи-в?</i>

Форма условного наклонения вспомогательного глагола в буркиханском диалекте образуется посредством суффикса *-шин*, в тпигском говоре — *-чин*.

Формы настоящего и прошедшего времени в буркиханском диалекте, в сравнении с тпигским говором, различаются:

бурк. д.	н.вр. <i>и-шин</i>	«если есть»
	пр.вр. <i>и-ри-шин</i>	«если был»
тп. г.	н.вр. <i>и-чин</i>	«если есть»
	пр.вр. <i>и-чин</i>	«если был»

Примеры: бурк. д. *Хьер куче ишин, ругъас акъе* «Если вода горячая (есть), остуди». *Хьер куче иришин, ругъас акъасири* «Если вода была горячая, остудил бы». Тп. г. *Хъед куче ичин, ругъас акъе* «Если вода горячая, остуди». *Хъед куче ичин, ругъас акъаси*. «Если вода была горячая, остудил бы».

Деепричастия также играют важную роль в образовании глагольных форм. В буркиханском диалекте деепричастие настоящего времени образуется при помощи суффиксов *-ари* и *-ди*. Исходным среди суффиксов деепричастия настоящего времени является суффикс *-ди* [см. Магометов 1970: 128]. Суффикс *-ди* присоединяется к основам, оканчивающимся на сонорный соглас-

ный, то есть к основам с детерминативным суффиксом. Буркиханскому *-ари* в тпигском говоре соответствует суффикс *-ай*. Деепричастие прошедшего времени и в буркиханском диалекте и в тпигском говоре образуется посредством суффикса *-уна/ -ина*.

Ср. бурк. д. *дивас* «тянуть», деепр. н. вр. *див-ари*, деепр. пр. вр. *див-уна* и тп. г. *дивас*, деепр. н. вр. *див-ай*, деепр. пр. вр. *див-уна*; бурк. д. *гъузас* «стоять, остановиться», деепр. н. вр. *гъузан-ди*, деепр. пр. вр. *гъуз-уна* и тп. г. *гъузана*, деепр. н. вр. *гъузан-ди*, деепр. пр. вр. *гъуз-уна*; бурк. д. *ъ'утIас* «кушать», деепр. н. вр. *ъ'ал-ди*, деепр. пр. вр. *ъ'утI-уна* и тп. г. *ъ'утIанас*, деепр. н. вр. *ъ'ал-ди*, деепр. пр. вр. *ъ'утI-уна* и т.д.

Как отмечалось выше, в буркиханском диалекте в форме деепричастия настоящего времени появляется детерминативный суффикс, который отсутствует в инфинитиве. Но ср. тпигский говор, где он наряду с формой деепричастия настоящего времени присутствует и в инфинитиве.

В буркиханском диалекте и тпигском говоре некоторые глаголы в деепричастии настоящего времени (и во всех формах, образованных от него), а также в запретительной форме принимают инфикс *-r*: *акъас* «делать», деепр. н. вр. *а-р-къай*, запр. ф. *ма-р-къа!*; *икъас* «сидеть», деепр. н. вр. *и-р-къвари*, запр. ф. *а-ми-р-къва!* (тп. г. *акъас*, *а-р-къай*, *ма-р-къа!*; *экъас*, *э-р-къвай*, *а-ме-р-къва!*). Р. Шаумян пишет, что «Инфикс «*r*» сейчас не имеет определенного семантического значения и свойствен не всем диалектам; возможно, что он представляет собою остаток классного показателя» [Шаумян 1941 : 103]. По А.А. Магометову *r* в прошлом служил для выражения дюративного аспекта в глаголе [Магометов 1970].

Превербы В агульском языке представлены пространственные и направительные превербы. Они в глаголах выполняют такую же функцию, какую выполняют серийные показатели и аффиксы направительных падежей в именах существительных. На соотношение превербов и местных падежей впервые указал А. Дирр [см. Дирр 1907]. «В агульском языке – пишет А.А. Магометов

– представлена система пространственных превербов, соответствующая системе местных падежей» [Магометов 1970 : 158].

В буркиханском диалекте, как и в тпигском говоре, представлено восемь пространственных превербов:

хъ-	«за», «позади»
л-	«на» (горизонтальной поверхности)
к-	«на» (вертикальной поверхности)
кк-	«под»
гI-	«между»
ф-	«около, рядом»
гъ-	«перед»
ъ-	«в, внутри».

Глагольные превербы вносят различные смысловые оттенки в общее значение глагола. Возьмем, к примеру, глагол *икъвас* «сидеть» (без указания на расположение предмета в пространстве):

ъикъвас	«сидеть (в полом пространстве)»
аликъвас	«сидеть (на ком, чем-либо, например, на лошади)»
кикъвас	«сидеть (на наклонной поверхности)»
ккикъвас	«сидеть (под чем-либо)»
гIикъвас	«сидеть (между кем-чем-либо)»
фикъвас	«сидеть (с кем, чем-либо)»
гъикъвас	«сидеть (перед кем, чем-либо)»
хъикъвас	«сидеть (сзади, позади кого, чего-либо)»

Различия, имеющиеся между буркиханским диалектом и тпигским говором в употреблении пространственных (или местных) превербов в структуре глагола, касаются фонетических изменений, таких, как, например, выпадение анлаутных гласных в безударном положении в буркиханском диалекте, ср. бурк. д. *фикъвас*, *хъикъвас*, но тп. г. *афъкъвас*, *ахъаькъвас*.

В буркиханском диалекте, как и в агульском языке в целом, представлены помимо пространственных превербов и направительные. Они выражают действия, направленные по двум плоскостям – по горизонтали и вертикали, и соответственно им образуют две оппозиционные пары:

- ч* «по направлению к объекту» (по горизонтальной плоскости)
тт «по направлению от объекта» (по горизонтальной плоскости)
гъ «вверх» (по вертикальной плоскости)
й «вниз» (по вертикальной плоскости)

Направительные превербы, обычно, в глаголах выступают вместе с пространственными превербами. Они следуют за пространственными превербами: *ъа-ч-атас* «впустить (в полое пространство)», *гIа-ч-атас* «впустить (между кем, чем-либо)» и т.д.

«по направлению к объекту»	–	«по направлению от объекта»
<i>ъачагIас</i> «войти»	–	<i>ъаттагIас</i> «выйти»
<i>гъачагIас</i> «подойти спереди»	–	<i>гъаттагIас</i> «отойти спереди»
<i>гIачагIас</i> «войти между...»	–	<i>гIаттагIас</i> «выйти между...»
<i>алчагIас</i> «идти на (гор.пл.)»	–	<i>алаттагIас</i> «сойти с (гор. пл.)»
<i>кичагIас</i> «идти по (верт.пл.)»	–	<i>кеттагIас</i> «сойти с (верт. пл.)»
<i>кичагIас</i> (←* <i>ккичагIас</i>) «идти под...»	–	<i>кеттагIас</i> «выходить из-под...»
<i>хъачагIас</i> «идти за...»	–	<i>хъаттагIас</i> «выходить из-за...»
<i>фачагIас</i> «подойти вплотную»	–	<i>фаттагIас</i> «отойти, отделиться».

Тпигский говор:

<i>ъачавес</i>	–	<i>ъаттвес</i>
<i>гъучавес</i>	–	<i>гъаттвес</i>
<i>гIачавес</i>	–	<i>гIаттвес</i>
<i>алчавес</i>	–	<i>алттвес</i>
<i>кичавес</i>	–	<i>кеттвес</i>
<i>кичавес</i> (←* <i>ккичавес</i>)	–	<i>кеттвес</i>
<i>хучавес</i>	–	<i>хъаттвес</i>

фачавес — *фаттвес*

В противопоставлении «вверх» – «вниз» некоторые члены оппозиции не представлены:

<i>ъагъагIас</i>	«подняться (в полое пространство)»	—	
<i>гъагъагIас</i>	«подняться спереди»	—	<i>гъайес</i> «спуститься спереди»
<i>гIагъагIас</i>	«подняться между...»	—	<i>гIайес</i> «спуститься между...»
<i>алгъагIас</i>	«подняться на...»	—	<i>алайес</i> «спуститься с...»
<i>кигъагIас</i>	«подняться по...»	—	<i>кейис</i> «спуститься по ...»
<i>ккегъагIас</i>	«подняться под...»	—	<i>ккейес</i> «спуститься из-под...»
<i>хъагъагIас</i>	«подняться из-за...»	—	<i>хъайес</i> «спуститься из-за...»
<i>фагъагIас</i>	«подняться рядом...»	—	<i>файес</i> «спуститься рядом...»

Как следует из примеров, в буркиханском диалекте глаголы с направительным превербом «вниз» теряют корневой согласный *гI*

Тпигский говор:

<i>ъагъвес</i>	—	<i>ъадавес</i>
<i>гъагъвес</i>	—	<i>гъадавес</i>
<i>гIагъвес</i>	—	<i>гIадавес</i>
<i>алгъавес</i>	—	<i>алаавес</i> (←*аладвес)
<i>кегъвес</i>	—	<i>кеевес</i> (←*кедвес)
<i>ккегъвес</i>	—	<i>ккеевес</i> (←*ккедвес)
<i>хъагъвес</i>	—	<i>хъаавес</i> (←*хъадвес)
<i>фагъвес</i>	—	<i>фаавес</i> (←*фадвес)

В отличие от буркиханского диалекта, в тпигском говоре в качестве направительного преверба со значением «вниз» выступает согласный *д*, который является исходным. В буркиханском *й* восходит к *р*, последний, в свою очередь восходит к *д*.

Система направительных превербов буркиханского диалекта характеризуется своими особенностями. Так, некоторые глагольные основы с направительным превербом «вверх» осложняются согласным *тт*, который, по всей

вероятности, является компонентом, выступающим со значением «туда». Такие глаголы обозначают движение, направленное «туда вверх».

ъархъас «провалиться в...» – *ъаттгъархъас* «появиться там наверху в...»
гъархъас «провалиться перед...» – *гъаттгъархъас* «появиться наверху
 перед...»

гIархъас «провалиться между...» – *гIаттгъархъас* «появиться там наверху
 между...»

алархъас «упасть» – *алаттгъархъас* «появиться там наверху на...»
керхъас «сорваться с...» – *кеттгъархъас* «появиться там наверху по
 (накл. пл.)»

ккерхъас «провалиться под...» – *кеттгъархъас* «появиться там наверху
 из-под...»

хъархъас «провалиться из-за...» – *хъаттгъархъас* «появиться там наверху
 из-за...»

фархъас «отвалиться, отколоться» – *фаттгъархъас* «появиться там наверху
 рядом...»

Ср. тпигский говор:

<i>ъархъас</i>	–	<i>ъагъархъас</i>
<i>гъархъас</i>	–	<i>гъагъархъас</i>
<i>гIархъас</i>	–	<i>гIагъархъас</i>
<i>алархъас</i>	–	<i>алгъархъас</i>
<i>керхъас</i>	–	<i>кегъархъас</i>
<i>ккерхъас</i>	–	<i>ккегъархъас</i>
<i>хъархъас</i>	–	<i>хъагъархъас</i>
<i>фархъас</i>	–	<i>фагъархъас</i>

В буркиханском диалекте отмечается утрата направительного преверба *тт* «по направлению от объекта». Это происходит в случае, когда за направительным превербом следует лабиальный гласный:

ъачучIас «влезть (в полое пространство)» – *ъавчIас* «вылезть (из полого

пространства)»

гъачучIас «влезть спереди» — *гъавчIас* «вылезть спереди»

гIачучIас «влезть между...» — *гIавчIас* «вылезть между...»

алчучIас «влезть на...» — *алавчIас* «сойти (с гор. пл.)»

кечучIас «влезть (по накл. пл.)» — *кевчIас* «сойти (по накл. пл.)»

кечучIас (← **ккечучIас*) «влезть под...» — *ккевчIас* «вылезть из-под...»

хъачучIас «приступить» — *хъавчIас* «отступить»

фачучIас «приблизиться вплотную» — *фавчIас* «отойти».

Тпигский говор:

ъачучIас — *ъайчIас*

гъучучIас — *гъайчIас*

гIачучIас — *гIайчIас*

алчучIас — *алайчIас*

кичучIас — *кейчIас*

кичучIас — *ккейчIас*

хъучучIас — *хъайчIас*

фачучIас — *файчIас*

Образование времен.

Как считает А.А. Магометов, «Категория времени в агульском языке ныне полностью заменила категорию аспекта, следы которой еще прослеживаются в глаголе» [Магометов 1970 : 157]. Он полагает, что основой деепричастия настоящего времени исторически должна была иметь длительный вид, а основа деепричастия прошедшего времени — медлительный вид. «И там, где ныне выявляется различие основ в спрягаемых формах глагола, по-видимому, оно могло относиться и к категории вида» — пишет А.А. Магометов. [Там же].

Настоящее конкретное время образуется от деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола (настоящего времени конкретного значения *а/ариа* (тп. г. *а/айа*). Настоящее конкретное время указыва-

ет на действие, которое протекает в момент речи: *Бава кар аркьарйа* «Мать работает» (Тп. г. *Баба кар аркьайа*).

У А. Дирра данное время отмечено как «Настоящее 2-ое» [см. Дирр 1907: 40].

З.К. Тарланов указывает на двоякий способ образования настоящего конкретного времени на основе присоединения в отдельности к деепричастной форме настоящего времени основного глагола усеченной формы вспомогательного глагола (*а*) и полной (*ариа*). И далее замечает, что «Основное назначение настоящего конкретного – это обозначение действия, которое во временном плане строго ограничено, локализовано: это настоящее «точечное». Оно широко используется в диалогической речи, требующей точных временных характеристик действия» [Тарланов 1994 : 115].

Настоящее общее время в некоторых говорах собственно агульского диалекта, куда входит и тпигский, образуется от деепричастия настоящего времени спрягаемого глагола посредством вспомогательного глагола абстрактного значения настоящего времени э «есть, суть» (речь села Кураг: *акьайе* «делает», *хурайе* «читает»).

В исследуемом диалекте настоящее общее время образуется от деепричастия настоящего времени при помощи вспомогательного глагола *ай*. При этом конечный гласный *и* деепричастия настоящего времени выпадает: *ваIрай* (← *ваIриай*) «идет», *харай* (← *хариай*) «несет», *рихварай* (← *рихвариай*) «спрашивает», *кертIарай* (← *кертIариай*) «просыпаться», *ицIандай* (← *ицIандиай*) «дает», *ликIендай* (← *ликIендиай*) «пишет».

В тпигском говоре, как отмечает А.А. Магометов, настоящее общее время, в отличие от буркиханского диалекта, образуется от деепричастия настоящего времени спрягаемого глагола посредством вспомогательного глагола настоящего времени *ве* [Магометов 1970: 130]. У А. Дирра данное время зафиксировано как «Настоящее 2-ое», у З.К. Тарланова как «Настоящее обобщенное прерывающееся».

Помимо этих двух форм настоящего времени, З.К. Тарланов приводит еще две – настоящее обобщенное и настоящее постоянное [см. Тарланов 1994 : 116; 117–118].

Прошедшее основное (или прошедшее совершенное) время (по терминологии З.К. Тарланова – «Прошедшее перфективное»). Данное время в агульском языке образуется от деепричастия прошедшего времени спрягаемого глагола при помощи вспомогательного глагола абстрактного значения настоящего времени э «есть, суть». При присоединении вспомогательного глагола деепричастие теряет конечный гласный: тп. г. *акъуне* (←*акъунае*) «сделал», *кІине* (←*кІинае*) «умер», «убил», *пуне* (←*пунае*) «сказал», *ушуне* (←*ушунае*) «пошел», *гъуйине* (←*гъуйинае*) «взял», *ликІине* (←*ликІинае*) «написал», *хъуттурфуне* (←*хъуттурфунае*) «посмотрел». Так образуется прошедшее основное время в подавляющем большинстве диалектов и говоров агульского языка.

В буркиханском диалекте «Прошедшее совершенное время... образуется аналогично настоящему общему времени посредством вспомогательного глагола *ай*; деепричастие прошедшего времени при присоединении вспомогательного глагола теряет исходный гласный *а*». [Магометов 1970 : 132].

Примеры: *акъунай* «сделал», *кІинай* «умер», «кубил», *пунай* «сказал», *ушунай* «пошел», *гъуйинай* «взял», *ликІинай* «написал», *хъадурфунай* «посмотрел».

Прошедшее результативное время как в буркиханском диалекте, так и в тпигском говоре образуется от деепричастия прошедшего времени спрягаемого глагола посредством вспомогательного глагола конкретного значения настоящего времени *а/айа* «есть, находится». Прошедшее результативное время указывает на действие, которое совершилось к моменту речи: *ушуна а* «ушел» (тп. г. *ушунайа*), *дивуна а* «покурил» (*дивунайа*), *ахуна а* «уснул» (*гъархъунайа*), *пуна а* «сказал» (*пунайа*), *ликІина а* «написал» (*ликІинайа*), *кетІуна а* «проснулся» (*кетІунайа*), *хъадурфуна а* «посмотрел» (*хъуттурфуне*), *фаттихуна а* «бросил» (*фадихунайа*), *гъишуна а* «убежал» (*гъишинайа*) и др. В

тпигском говоре деепричастная форма и форма вспомогательного глагола сливаются, при этом деепричастие в исходе теряет гласный *а*.

Как пишет З.К. Тарланов, «Факт, что действие уже совершилось до момента речи, констатируется, утверждается в момент речи. Исходя из этого, прошедшее результативное с неменьшим основанием можно было бы назвать прошедшим констатации» [Тарланов 1994 : 119].

Давнопрошедшее время образуется от деепричастия прошедшего времени спрягаемого глагола при помощи вспомогательного глагола абстрактного значения прошедшего времени *и*. И здесь гласный деепричастия выпадает: *ушуни* (←*ушуна и*) «уходил», *дивуни* (←*дивуна и*) «тянул», *ахуни* (←*ахуна и*) «спал» (*гъархъуни* – тп. г.), *пуни* (←*пуна и*) «сказал», *ликIуни* (←*ликIуна и*) «написал», *кетIуни* (←*кетIуна и*) «проснулся», *ъ'ашуни* (←*ъ'ашуна и*) «заплакал», *ухъуни* (←*ухъуна и*) «сосал (грудь)».

«Непосредственное значение рассматриваемого типа прошедшего времени сводится к тому, что он обозначает действие, которое совершилось задолго до момента речи» [Тарланов 1994 : 120].

Преждепрошедшее I время образуется от деепричастия прошедшего времени спрягаемого глагола при помощи вспомогательного глагола конкретного значения прошедшего времени. Оно указывает на действие, совершившееся к моменту речи: *ушуна уй* (тп. г. *ушуна уйи*) «ушел» (к тому времени), *кIуна уй* (*кIуна уйи*) «был убит», «был мертв», *пуна уй* (*пуна уйи*) «было сказано» и т.д.

Преждепрошедшее II время образуется от деепричастия прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола *хъас* «быть», «стать, становиться» в форме прошедшего результативного времени: *акъуна хъуна* (*акъуна хъунаа*) «оказалось, что сделал», *кIуна хъуна* (*кIуна хъунаа*) «оказалось, что умер», «оказалось, что убил».

Преждепрошедшее II время отличается от преждепрошедшего I тем, что вносит оттенок непредусмотрительности, неожиданности.

Прошедшее определенное (По З.К. Тарланову «Прошедшее продолженное»). Прошедшее определенное время в буркиханском диалекте образуется от деепричастия настоящего времени спрягаемого глагола при помощи вспомогательного глагола конкретного значения прошедшего времени *уй* (в тпигском говоре *уйи*). Такой глагол указывает на действие, совершившееся в определенный момент [Магометов 1970 : 134]: *аркьари уй* (тп. г. *аркьай уйи*) «делал» (тогда), *ва҃ри уй* (*вей уйи*) «шел», *гьургьари уй* (*гьургьай уйи*) «разговаривал», *ухари уй* (*ухай уйи*) «пил», *ъ'ашари уй* (*ъ'ашай уйи*) «плакал».

Прошедшее несовершенное время в буркиханском диалекте, как и в тпигском говоре, образуется при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени *хьас* «быть», «стать, становиться» от деепричастия настоящего времени спрягаемого глагола: *аркьари хьунай* (тп. г. *аркьай хьунайа*) «делал», *архари хьунай* (*гьархьай хьунайа*) «спал», *ъ'ашари хьунай* (*ъ'ашай хьунайа*) «плакал».

Бурк. д.: *Зал учин х҃азурвал аркьари хьунай* «Зал готовился, начал готовиться (к борьбе)». Тп. г.: *Зал учин х҃азурвал аркьай хьунайа* то же.

Если от деепричастия настоящего времени спрягаемого глагола при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени образуется прошедшее несовершенное время, то от деепричастия прошедшего времени при помощи того же вспомогательного глагола образуется прошедшее совершенное время.

Бурк. д.: *буйругь акьуна хьунай* «приказал (приказ был отдан)»

Тп. г.: *буйругь акьуна хьунайа* с тем же значением.

Будущее время образуется от инфинитива при помощи вспомогательного глагола абстрактного значения настоящего времени *е* «есть, суть». В буркиханском диалекте и в тпигском говоре оно не различается: *акьасе* «сделает», *ъ'ашасе* «заплакал», *ухасе* «выпьет», *эсе* (*йесе*) «даст», *хасе* (*гьасе*) «принесет», *хурасе* «прочтет», *лик҃есе* (*лик҃енасе*) «напишет» и т.д.

Имеется еще несколько временных форм, которые образуются как в исследуемом диалекте, так и в тпигском говоре при помощи вспомогательного глагола *аме* «осталось».

Так, путем присоединения данного вспомогательного глагола к деепричастию настоящего времени спрягаемого глагола образуется натеящее время, которое указывает на действие, которое совершалось в прошлом и продолжает совершаться в настоящее время: *хурари амe* (тп. г. *хурай амe*) «продолжает читать», *ъ'ашари амe* (*ъ'ашай амe*) «продолжает плакать», *джикари амe* (*джикай амe*) «продолжает подметать», *рихвари амe* (*хабар гъуланди амe*) «продолжает спрашивать». Посредством присоединения вспомогательного глагола *аме* к инфинитиву образуется другое время, которое указывает на действие, которое продолжится в будущем: *хурас амe* «продолжит читать», *ъ'ашас амe* «продолжит плакать», *джикас амe* «продолжит подметать», *рихвас амe* (*хабар гъуйанас амe*) «продолжит спрашивать».

Причастие. В образовании причастий между буркиханским диалектом и тпигским говором нет особых отличий. Как и прилагательные, причастия присоединяют суффикс *-ф*. Здесь представлены органические и аналитические формы причастий: органические формы присоединяют суффикс к глагольной основе, аналитические — к деепричастным формам глагола настоящего и прошедшего времени.

Причастия, образованные органическим способом, в настояще-будущем времени перед суффиксом имеют гласный *а*, в прошедшем времени имеют *у*: ср. *диваф* «тянувший» и *дивуф* «тянувший», *кетлаф* «просыпающийся» и *кетлуф* «проснувшийся».

Аналитическая форма настоящего времени образуется от деепричастия настоящего времени при помощи причастия вспомогательного глагола: *дивари айеф* (тп. г. *дивай айеф*) «тянувший». При помощи того же вспомогательного глагола от деепричастия прошедшего времени образуется аналитическая форма причастия прошедшего времени: *дивуна айеф* «тянувший».

Причастия при самостоятельном употреблении так же как прилагательные, склоняются и изменяются по числам:

	ед. ч.	мн. ч.
Ном. п.	<i>гъишаф</i> «бегущий»	<i>гъиша-ттар</i>
Эрг. п.	<i>гъиша-тти</i>	<i>гъиша-ттар-и</i>
Род. п.	<i>гъиша-тти-н</i>	<i>гъиша-ттар-и-н</i>
Дат. п.	<i>гъиша-тти-с</i>	<i>гъиша-ттар-и-с</i>

А в атрибутивной функции причастия так же, как и прилагательные, опускают суффикс *-ф* и не изменяются по числам и падежам:

	ед. ч.	мн. ч.
Ном. п.	<i>гъиша хIайван</i> «бегущая лошадь»	<i>гъиша хIайванар</i>
Эрг. п.	<i>гъиша хIайвани</i>	<i>гъиша хIайванари</i>
Род. п.	<i>гъиша хIайванин</i>	<i>гъиша хIайванарин</i>
Дат. п.	<i>гъиша хIайванис</i>	<i>гъиша хIайванарис</i>

От органических и аналитических форм причастий при помощи вспомогательных глаголов образуются различные временные формы.

Так, к примеру, от органического причастия настоящего-будущего времени посредством вспомогательного глагола абстрактного значения *е* образуется будущее время: *хурафе* «буду читать», *агъафе* «скажу». При помощи того же вспомогательного глагола от органического причастия прошедшего времени образуется прошедшее время: *хуруфе* «прочитал», *акъуфе* «сделал».

Аналитическая форма причастия настоящего времени при помощи причастной формы вспомогательного глагола конкретного значения образует настоящее время: бурк. д. *ме китаб зун хурариафе* «эту книгу я читаю»; тп. г. *ме китаб зун хурайафе* в том же значении.

При помощи вспомогательного глагола абстрактного значения прошедшего времени *и* от органической формы причастия прошедшего времени образуется давнопрошедшее время: *агуфи* «видел», *хуруфи* «читал».

Данное время образуется и от аналитической формы причастия: *агунайе-фи, хурунайефи*. От аналитической формы причастия настоящего времени образуется давнопрошедшее неопределенное время, например: *Вун бицIиф ире-гуна, зун вас хаварар ахъакъарифи* «Когда ты был маленьким, я тебе рассказывал, бывало, сказки». Тп. г.: *Вун бицIиф идегуна, зун фас хIикатар ахъакъайе-фи* то же.

От органической и аналитической форм причастий настоящего времени при помощи вспомогательного глагола прошедшего времени *хъунаа* «бывало» образуется преждепрошедшее время: *хураф / хурариаф хъунаа* «читал (читаема была – книга)». Данное время образуется и от причастий прошедшего времени: *хуруф / хурунайеф хъунаа* «оказалась прочитанной».

Наклонения. Категория наклонения в агульском языке изучена слабо и в будущем должна стать объектом специального исследования. Как справедливо отмечает З.К. Тарланов, «Агульский глагол характеризуется богатой системой форм наклонений, которую пока нельзя считать полно и всесторонне описанной» [Тарланов 1994 : 113]. Мы со своей стороны не ставили целью дать исчерпывающий анализ данной категории, а стремились описать основные наклонения и выделить характерные черты буркиханского диалекта в сравнении с тпигским говором.

Повелительное наклонение. Многие формы повелительного наклонения 2 л. единственного числа в буркиханском диалекте, как и в тпигском говоре, образуются от инфинитива посредством отбрасывания окончания, то есть повелительная форма равняется основе инфинитива: *хурас* «читать» – пов. ф. *хур* «читай!»; *дивас* «тянуть» – *див* «тяни!»; *джикIес* «найти» – *джикI* «найди!»; *ахас* «спать» – *ах!* «спи!» (тп. г. *гъархъас* «спать» – *гъархъ* «спи!»); *ухас* «пить» – *ух* «пей!»

Некоторые формы 2 л. единственного числа повелительного наклонения к основе инфинитива прибавляют гласный *е*: *акъас* «делать» – *акъе* «делай»;

икъвас «сесть» – *икъве* «сядь» (тп. г. *экъвас* – *экъве*); *атас* «оставить» – *ате* «оставь!».

Так же, как и в тпигском говоре, исследуемый диалект в некоторых односложных глаголах в повелительной форме 2 л. единственного числа присоединяет префиксальную часть: *кIес* «умереть», «убить» – *викI* «умри!», «убей!» (тп. г. *кIес* – *йуькI*); *хъас* «быть», «стать» – *ухъ* «стань!».

В буркиханском диалекте повелительные формы 2 л. единственного и множественного числа различаются. Множественное число здесь образуется при помощи суффикса *-ерай*: *элхъаьс* «смеяться» – ед. ч. *элхъен* «смейся!», мн. ч. *элхъерай* «смейтесь!»; *ухъас* «сосать грудь» – ед. ч. *укъ* «соси!», *ухъерай* «сосите! (грудь)». В тпигском говоре формы единственного и множественного числа не различаются: *гъархъас* «спать» – ед. ч. *гъархъ* «спи!», мн. ч. *гъархъ* «спите!»; *ухас* «пить» – ед. ч. *ух* «пей!», мн. ч. *ух* «пейте!»; *ухIас* «беречь, хранить» – ед. ч. *ухI* «береги!, храни!», мн. ч. *ухI* «берегите!, храните!»

И в буркиханском диалекте, и в тпигском говоре в глаголах с детерминативным суффиксом в повелительной форме единственного числа гласный *а* детерминативного суффикса заменяется гласным *е*, ср. *ликIес* «писать» – *ликIен* «пиши!» (тп. г. *ликIенас* – *ликIен*), но *хъадурфас* «смотреть» – *хъадурфен* «смотри!» (тп. г. *хъуттурфанас* «смотреть» – *хъуттурфен* «смотри!»), *гъушас* «брать» – *гъушен* «бери!» (тп. г. *гъушанас* «брать» – *гъушен* «бери!»), *итIас* «привязать» – *итIен* «привяжи!» (тп. г. *итIанас* «привязать» – *итIен* «привяжи!»). Во множественном числе такие глаголы в буркиханском диалекте присоединяют суффикс *енай*: *хъадурфас* «смотреть» – *хъадурфенай* «смотрите!»; *гъушас* «брать» – *гъушенай* «берите!»; *итIас* «привязать» – *итIенай* «привяжите!». В тпигском говоре формы единственного и множественного числа повелительной формы 2 л. и в данном случае не различаются: *итIанас* «привязать» – *итIен* «привяжи!, привяжите!» и др.

Повелительная форма 3 л. образуется от основы глагола посредством суффикса *-ирай/-урай* и не различается в единственном и множественном чис-

лах: *ликIас* «писать» – *ликIурай* «пусть напишет!; пусть напишут!»; *гъушас* «брат» – *гъушурай* «пусть берет!, пусть берут!», *итIас* «привязать» – *итIурай* «пусть привяжет!, пусть привяжут!» и т.д. В тпигском говоре, где глаголы в инфинитиве содержат детерминативный суффикс, при образовании повелительной формы 3 л. он теряется: *хъуттурфanas* «смотреть» – *хъуттурфурай* «пусть смотрит!, пусть смотрят!», *ликIenas* «писать» – *ликIурай* «пусть напишет!, пусть напишут!».

Имеется также повелительная форма 1 л. множественного числа, которая в буркиханском диалекте образуется от инфинитива при помощи побудительной частицы *шав* «давайте», а в тпигском говоре от частиц *шаб* и *гъаб* «давайте»: *шав*, *ахас* «давайте, спать!» (тп. г. *шаб(гъаб)*, *гъархъас* «давайте, спать!»), *шав*, *гъуккас* «давайте, бежать!» (тп. г. *шаб(гъаб)*, *гъуккас*).

Сослагательное наклонение в буркиханском диалекте образуется от инфинитива при помощи вспомогательного глагола абстрактного значения прошедшего времени *ири*: *акъас-ири* «сделал бы», *ухас-ири* «выпил бы», *ахас-ири* «спал бы», *дивас-ири* «тянул бы». В тпигском говоре вспомогательный глагол имеет форму *и* (*акъас-и*, *ухас-и*, *гъархъас-и*, *дивас-и*), которая, очевидно, получена из *ийи* (→ *ии* → *и*). Последняя (*ийи*) восходит к буркиханскому *ири* (← **иди*).

Условное наклонение образуется от различных форм основного глагола присоединением вспомогательного глагола или суффикса условного наклонения.

От органического причастия прошедшего времени при помощи суффикса условного наклонения образуется условное наклонение будущего времени: *ушу-шин* «если пойдет», *аху-шин* «если заснет», *пу-шин* «если скажет», *ликIи-шин* «если напишет», *уху-шин* «если выпьет», *учIу-шин* «если влезет», *йархIу-шин* «если побьет». В тпигском говоре соответственно присоединяется суффикс *-чин*: *ушу-чин*, *гъархъу-чин* «если будет спать», *пу-чин*, *ликIи-чин*, *уху-чин*, *учIу-чин*, *йархIу-чин*.

От деепричастия настоящего времени при помощи суффикса условного наклонения образуется условное наклонение настоящего времени: *ваIри-шин* «если идет», *агъари-шин* «если говорит», *ухари-шин* («если пьет», *учIари-шин* «если влезет», *йархIари-шин* «если бьет». В тпигском говоре, соответственно, будет: *вей-чин*, *агъай-чин*, *ухай-чин*, *учIай-чин*, *йирхIай-чин*.

Условное наклонение прошедшего совершенного времени образуется от деепричастия основного глагола при помощи вспомогательного глагола абстрактного значения прошедшего времени в условном наклонении: *ушун-и-шин* (←*ушуна-и-шин*) «если пошел», *пун-и-шин* «если сказал», *ухун-и-шин* «если выпил», *учIун-и-шин* «если влез», *йархIун-и-шин* «если побил». Тп. г.: *ушун-и-чин*, *пун-и-чин*, *ухун-и-чин*, *учIун-и-чин*, *йирхIун-и-чин*.

Уступительное наклонение образуется от условного наклонения посредством суффикса *-ра*: *йархIушин-ра* «если даже побьет», *йархIаришин-ра* «если даже бьет», *йархIунишин-ра* «если даже побил». В тпигском говоре эти формы выглядят так: *йирхIучинра* «если даже побьет», *йирхIайчинра* «если даже бьет», *йирхIуничинра* «если даже побил».

Долженствовательное наклонение. «От формы родительного падежа отглагольного имени действия при помощи причастных окончаний образуются формы, выражающие значение долженствования» [Магометов 1970 : 143]. Различия между бкуркиханским диалектом и тпигским говором касаются фонетической стороны: кошанский *в* в масдаре соответствует тпигскому *б*. Примеры: бурк. д. *акъув-ан-ф*, мн. ч. *акъув-ан-ттар* «то, что надлежит сделать»; *ухув-ан-ф*, мн. ч. *ухув-ан-ттар* «то, что надлежит выпить»; *пув-ан-ф*, мн. ч. *пув-ан-ттар* «то, что надлежит сказать»; тп. г. *акъуб-ан-ф*, мн. ч. *акъуб-ан-ттар*; *ухуб-ан-ф*, мн. ч. *ухуб-ан-ттар*; *пуб-ан-ф*, мн. ч. *пуб-ан-ттар*.

Гипотетическое наклонение образуется от различных глагольных форм при помощи суффикса *-гъан*: *акъасе-гъан* «сделает, интересно?», *хурасе-гъан* «прочитает, интересно?», *пасе-гъан* «скажет, интересно?»; *акъуне-гъан* «сде-

лал, интересно?», *хуруне-гъан* «прочитал, интересно?», *пуне-гъан* «сказал, интересно?» и др.

Предостерегательное наклонение образуется посредством прибавления к инфинитиву аффикса *да* в соединении с особой интонацией [Тарланов 1972]. В буркиханском диалекте и в тпигском говоре оно образуется одинаково: если глагол начинается с гласного, префикс *да* теряет гласный: *ухас* «пить» – *д-ухас* «чтобы не пил!», *нас* «сказать» – *да-нас* «чтобы не говорил!». В керенском диалекте, в отличие от буркиханского диалекта и тпигского говора, в отдельных глаголах *да* выступает как инфикс: ср. бурк. д., тп. г. *да-йирхIас* «чтобы не бил!», но кер. д. *йа-да-рхас* «чтобы не бил!»

Предостерегательное наклонение образуется и другими способами:

от инфинитива при помощи отрицательной формы глагола *хъас* «быть, стать, становиться»: *акъас дахъурай* «чтобы не сделал!», *хъаттархъас дахъурай* «чтобы не отстал!»;

от будущего определенного времени посредством предостерегательной частицы *аман* «смотри, ради бога!»: *аман, зун вас йархIасе* «смотри, я тебя побью!» (тп. г. *аман, зун вас йирхIасе*) [Сулейманов 1993 : 154].

В специальной литературе выделяют еще пересказательное и допустительное наклонения [Тарланов 1993].

Запретительная форма образуется и в буркиханском диалекте и в тпигском говоре от основы инфинитива при помощи частицы *ма*, а к основе прибавляется гласный *а*, который в зависимости от корневого согласного может модифицироваться: *кIес* «умереть», «убить» – *малуькIе*, *вес* «идти» – *магIа* (тп. г. *мева*).

Гласный запретительной частицы также в зависимости от основы глагола может измениться: тп. г. *хъас* «быть, стать, становиться» – *мухъа*. В гехунском диалекте запретительная форма образуется супплетивно: *хъас* – *магIа*.

В провербных глаголах запретительная частица следует за провербом: бурк. д. *хъархIас* «толкнуть» – *хъамархIа*; тп. г. *хъирхIас* – *хъимирхIа*.

Лишь хпюкский говор, в отличие от других диалектов и говоров, проявляет последовательность: отрицательная частица в провербных глаголах, как и в беспровербных, стоит в абсолютном начале глагола: *хъархIас* «толкать» — *махъархIа*.

Масдар или **отглагольное имя действия** образуется в агульском языке от основы инфинитива при помощи суффиксов *-уб*, *-еб*, *-иб*: *акъас* «делать» — *акъ-уб*, *кIес* «умирать», «убивать» — *кI-еб* (*кIиб*). В буркиханском диалекте, где в силу фонетической тенденции перехода *б* → *в*, после лабиального *у* согласный *в* не произносится (ср. бурк. д. *хуру* «чтение, учение», но тп. г. *хуруб*), при склонении утраченный исходный *в* буркиханского диалекта восстанавливается:

единственное число			множественное число		
	бурк. д.		тп. г.	бурк. д.	тп. г.
Ном. п.	<i>хуру</i>	«чтение», «учение»	<i>хуруб</i>	<i>хурувар</i>	<i>хурубар</i>
Эрг. п.	<i>хурув-а</i>		<i>хуруб-а</i>	<i>хурувари</i>	<i>хурубари</i>
Род. п.	<i>хурув-а-н</i>		<i>хуруб-а-н</i>	<i>хуруварин</i>	<i>хурубарин</i>
Дат. п.	<i>хурув-а-с</i>		<i>хуруб-а-с</i>	<i>хуруварис</i>	<i>хурубарис</i>

Обстоятельственные формы глагола в буркиханском диалекте образуются при помощи различных суффиксов от причастий, деепричастий и инфинитива. В образовании обстоятельственных форм глагола буркиханский диалект не имеет расхождений с тпигским говором.

От органической формы причастия прошедшего времени при помощи суффикса *-гуна* образуется обстоятельственная форма глагола прошедшего совершенного времени со значением «когда ...»: *акъугуна* «когда сделал», *ухугуна* «когда выпил», *ушугуна* «когда пошел», *фаттихъугуна* «когда бросил».

От органической формы причастия настоящего времени при помощи указанного суффикса образуется обстоятельственная форма глагола настоящего времени: *аркъагуна* «когда делает», *гIварегуна* «когда идет».

При помощи данного суффикса от деепричастия настоящего времени образуется обстоятельственная форма глагола настоящего времени: *аркъяригуна* «когда делает» (тп. г. *аркъяйгуна*), *ухаригуна* «когда пьет» (тп. г. *ухайгуна*), *кертIаригуна* «когда просыпается» (тп. г. *кертIайгуна*).

Обстоятельственная форма глагола со значением «до того, как...» образуется от органической формы причастия настоящего времени посредством суффикса *-гунас* : *гIварегунас* (тп. г. *верегунас*) «до того, как прийти», *ухагунас* «до того, как выпить».

От органической формы причастия прошедшего времени при помощи суффикса *-хIала* образуется обстоятельственная форма глагола со значением «из-за того, что ...»: *акъухIала* «потому что сделал, из-за того, что сделал», *ухухIала* «потому что выпил, из-за того, что выпил».

От деепричастия и инфинитива посредством аффикса *-дахIан* образуются обстоятельственные формы глагола со значением «до тех пор, пока...»: *кIесдахIан* «до тех пор, пока умрет», *ухасдахIан* «до тех пор, пока выпьет», *агвасдахIан* «до тех пор, пока увидит».

При помощи слова *суман* «как» от органической формы причастия прошедшего времени образуется обстоятельственная форма глагола со значением «как только...», «едва, лишь...»: *агусуман* «как только увидел», *ухусуман* «как только выпил», *ушусуман* «как только пошел».

Наречие

В агульском языке исследователями выделяется разное количество разрядов наречий. А. Дирр выделяет наречия времени, места, причины, образа действия и намерения. Все наречия по способу образования делятся на те, производящими основами которых служат прилагательные и существительные [См. Дирр 1907 : 60–65]. У Р. Шаумяна наречия делятся на пространства и времени, причины, количественные, качественные, наречия-последологи [Шаумян 1941 : 114–115]. Наиболее полно наречия представлены у А. Магометова [см. Маго-

метов 1970 : 169–173]. К отмеченным у предыдущих авторов разрядам наречий Н. Сулейманов добавляет наречия степени [см. Сулейманов 1993 : 177].

Основным способом образования наречий служит суффиксальный, встречается и способ сложения основ.

Ряд наречий в буркиханском диалекте образуется от имен существительных при помощи различных суффиксов:

при помощи суффикса *-ис*: *цул* «осень», *цулис* «к осени»; *ъ'ард* (тп. г. *ъ'урд*) «зима», *ъ'ардис* (тп. г. *ъ'урдис*) «к зиме»; *хьир* (*хьид*) «весна», *хьирис* (*хьидис*) «к весне»; *гIал* (*гIул*) «лето», *гIалис* (*гIулис*) «к лету»; наречия с этими значениями образуются и при помощи суффикса *-хъ-ди*: *цулихъди* «к осени», *хьирихъди* (тп. г. *хьидихъди*) «к весне»;

при помощи суффикса *-ана*: *цул-ана* «осенью», *ъ'ард-ана* (тп. г. *ъ'урд-ана*) «зимой», *хьир-ана* (*хьид-ана*) «весной», *гIул-ана* «летом»;

при помощи суффикса *ири* (тп. г. *-уй*): *ъ'уи* «ночь», *ъ'уири* (тп. г. *ъ'ушуй*) «ночью»;

при помощи суффикса *-ава* (тп. г. *аба*): *хьил* «след», *хьилава* (*хьилаба*) «пешком»;

при помощи суффикса *-ахъ*: *хав* «обратная сторона» (тп. г. *къаб* «основание дерева», *хавахъ* (*къабахъ*) «сзади»;

при помощи суффикса *-лив*: *багв* «сторона, бок», *багу-лив* «рядом, возле»

при помощи суффикса *-ди*: *йагъ* «день», *йагъди* «целый день, денно»; *ъ'уи* «ночь», *ъ'уитти* (*←ъ'уиди*) «целую ночь, в продолжение ночи, ночью».

Среди наречий определенное место занимают наречия, образованные от прилагательных посредством суффикса *-ди*: *батIарф* «красивый», *батIарди* «красиво»; *азманф* «большой», *азманди*; *ухъттанф* «хороший, красивый», *ухъттанди* «хорошо, красиво», *джагварф* «белый», *джагварди* «бело». Как показывают примеры, суффикс *-ди* присоединяют прилагательные, основы которых оканчиваются на сонорный согласный.

В других случаях (когда основа прилагательного не оканчивается на сонорный) к основе адъектива присоединяется суффикс *-и* (←*-йи*): ср. бурк. д., тп. г. *мучIеф* «темный», *мучIи* «темно» и кош. д. *мучIед*, *мучIей*, фит. г. *мучIит*, *мучIиш*, бурк. д., тп. г. *цIуреф* «старый, ветхий», *цIури* «ветхо» и кош. д. *цIуред*, *цIурей*; бурк. д., тп. г. *хъ'ухъеф* «желтый», *хъухъи* «желто» и кош. д. *хъехъед*, *хъехъей*; бурк. д., тп. г. *гъазеф* «зеленый», *гъази* «зелено» и кош. д. *гIазед*, *гIазей*.

Кроме того представлены наречия, которые образуются от указательных местоимений: *ме* «этот», *мисаъ* «здесь»; *те* «тот», *тисаъ* «там»; *ге* «тот (внизу)», *гисаъ* «там (внизу)»; *ле* «тот (наверху)», *лисаъ* «там (наверху)». Эти наречия могут осложниться направительным аффиксом и тогда наречие, образованное таким способом, приобретает направительную семантику: *масаъ-ди* «сюда», *тисаъ-ди* «туда», *гисаъ-ди* «туда (вниз)», *мисаъ-ди* «туда (наверх)»; *ми-ч* «сюда», *тич* «туда», *гич* «туда (вниз)», *лич* «туда (наверх)».

Наречия могут образоваться и способом сложения основ: *зав курастти* «до рассвета», *гъаме усаъ* «именно здесь, вот здесь»; *хъа-йагъа* «послезавтра» (*хъайе* «следующий» + *йагъа* «в день»), *ушу йагъа* «позавчера» (*ушу* «прошедший» + *йагъа* «в день») и др.

В буркиханском диалекте представлены следующие разряды наречий:

Наречия образа действия в буркиханском диалекте и в тпигском говоре в случаях, когда основы, от которых они образованы, оканчиваются на гласный, оформляются разными суффиксами: в первом – суффиксом *-ири*, а во втором – *-и*: *йарх-еф* «длинный» – *йарх-ири* «длинно», «пространно» (тп. г. *ирх-еф* – *ирх-и*), *цIупп-еф* «крепкий» – *цIупп-ири* «крепко» (*цIупп-еф* – *цIупп-и*). А в тех случаях, когда основа оканчивается на сонорный согласный, и в буркиханском диалекте, и в тпигском говоре наречия образа действия присоединяют суффикс *-ди*: *батIар-ф* «красивый» – *батIар-ди* «красиво»; *джин* «джин» – *джин-ди* «скрыть, тайно»; *тIахIур-ф* «мутный» – *тIахIур-ди* «мутно»; *ъ'ацIул-ф* «голый» – *ъ'ацIул-ди* «нагишом» (тп. г. *къацIул-ф* – *къацIул-ди*);

кIил-ди «целиком», *гучIай* «боязливо», *дахи-дахи* «быстро-быстро», *дахи* «быстро», *миштити* «так», *тиштити* «вон так», *хылаба* «пешком», *сатти* «в одиночку», *сифттакIилилас* «с самого начала» и др.

Наречия времени в буркиханском диалекте и в тпигском говоре имеют некоторые отличия. Ср. бурк. *багагъ* «завтра» – *багагъ-ми* «утром» – *багагъми-ри* «с утра» и тп. г. *багагъ* – *багагъ-ми* – *багагъми-кес* «с утра», бурк. д. *ъ'уш* «ночь» – *ъ'уш-ири* «ночью» и тп. г. *ъ'уш* – *ъ'уш-уй* «ночью», но бурк. д., тп. г. *йагъ* «день» – *йагъуй* «днем».

Следующие наречия в буркиханском диалекте и в тпигском говоре не различаются или различаются в единичных случаях: *гъал* «теперь», *йагIа* «сегодня», *накъ* «вчера», *багагъ* «завтра», *гъате саъ'ати* «сейчас, сию минуту, непременно, немедленно», *мус* «когда?», *хуптай* «потом», *дахи* «давно», *хъайагъа* «послезавтра», *багагъмири хав* (*багагъми хаб*) «начиная с утра», *са арайилас* «через некоторое время», *ттиъ* «в этом году», *цац* «в прошлом году», *абкъанис* «в полдень», *гIубахъ'мис* «вечером», *багагъмис* «утром» и др.

Наречия места. Многие наречия места образуются от указательных местоимений: *мисаъ* «здесь», *тисаъ* «там», *гисаъ* «там (внизу)», *мисаъ* «там (наверху)»; *мич* «сюда», *тич* «туда», *гич* «туда (вниз)», *лич* «туда (наверх)». Все они присоединяют эмфатическую частицу *гъа-*: *гъамисаъ* «именно здесь», *гъа тисаъ* «именно там», *гъагисаъ* «именно там (внизу)», *гъалисаъ* «именно там (наверху)»; *гъамич* «именно сюда», *гъатич* «именно туда», *гъагич* «именно туда (вниз)», *гъалич* «именно туда (наверх)».

Имеются наречия места, которые представляют собой застывшие формы определенных слов, которые в первоначальном виде не встречаются, ср. *вархаъ* «вдали», *вархади* «вдоль».

К наречиям места относятся и такие слова, как *нандира* «нигде», *гъар усаъ* «везде» [Дирр 1907 : 65].

Количественные наречия: *са муз* «немного» (о твердых веществах), *са тIинкI* «немного, одну капельку» (о жидких веществах), *чIукъ* «мало, немного», *пIара* «много», *чIукъдахIан* «немного».

Вопросительные наречия: *мус* «когда?», *нанди* «где?», *фидахIан* «сколько?», *нандиъас* «откуда?», *фас* «почему?», «зачем?». Наречие *нанч* «куда?» имеет фонетическое отличие, ср. тп. г. *найч*.

Наречия причины: *хъуьлас* «назло», *къасустти* «нарочно».

Наречия степени. В буркиханском диалекте употребление наречий степени ограничено: *лап* «очень», «весьма», *ъ'айи* «сильно, крепко», *цIуппи* «крепко».

Наречия-последлоги: *уригъ* (тп. г. *удигъ*) «перед», *хъвахъ* (*къабахъ*) «позади», *бугулив* (*багулив*) «рядом, возле», *варттал* «наверху», *кIенакк* «внизу, под», *гIанаъ* «внутри», *арайиъ* «между». «Наречия-последлоги изменяются соответственно местным падежам» [Магомедов 1970 : 171]:

мест.-напр. п.	<i>варттал</i>	<i>хавахъ</i>	<i>кIенекк</i>
исх. п.	<i>варттал-ас</i>	<i>хавахъас</i>	<i>кIенекк-ес</i>

Союзы

Агульский язык беден союзами. В буркиханском диалекте соединительным союзом служит *-на* «и», который применяется и в тпигском говоре, но, в отличие от буркиханского диалекта, в нем параллельно употребляется и союз *-ра* «и». Бурк. д. *зунна бав* «я и мать», тп. г. *зунна / зунра баб*.

Союз *йа* выступает в значении «или»: *йа дар валсе*, *йа чу* «или отец пойдет, или брат». Тп. г. *йа дад весе*, *йа чу*. Этот же союз в отрицательной форме выступает в значении «ни»: бурк. д. *йа дар ариндава*, *йа чу* «ни отец не пришел, ни брат (не пришел)». Тп. г. *йа дад адиндава*, *йа чу*.

Как и в тпигском говоре, в буркиханском диалекте в качестве сочинительных союзов употребляются *миштти* «этак» и *тиштти* «вон так».

Частицы

В агульском языке представлен ряд частиц, придающих словам или целому предложению различные оттенки значения [Магометов 1970: 174].

В буркиханском диалекте представлены все те частицы, что и в тпигском говоре. Различия, имеющиеся между частицами буркиханского диалекта и тпигского говора, носят фонетический характер. Так, например, вопросительная частица «же?» в исследуемом диалекте имеет форму *хи*, в отличие от тпигской *хьи*: бурк. д. *хурари хи* «читает же?», тп. г. *хураа хьи* то же. Частица *хи*, наряду с буркиханским диалектом, имеет распространение в смежном с ним ареале – в цирхинском говоре. Представлена также вопросительная частица *гъан* «ли?», которая по своей форме в буркиханском и тпигском говоре совпадает: *хуруне гъан* «прочитал ли?». Представлена еще вопросительная частица *в*, которая, присоединяясь к глаголу, придает ему или целому предложению вопросительную интонацию: *хурунев* (тп. г. *хурунев*) «прочитал?»

Побудительной частицей выступает *гва* «ну-ка!», которая присоединяется к повелительной форме глагола: *хур-гва* (тп. г. *хур-гва*) «читай-ка!». В качестве побудительной частицы выступает и *гъара* «давай», в отличие от частицы *гва*, она стоит в препозиции слова: *гъара, хур* (тп. г. *гъара, хур*) «давай, читай!».

Условная частица в буркиханском диалекте имеет форму *шин* «если», в тпигском говоре – *чин*: *хурушин* (тп. г. *хуручин*) «если прочтет».

Если условная частица осложняется элементом *ра*, то она приобретает значение «если даже»: *хурушинра* (тп. г. *хуручинра*) «если даже прочтет».

В качестве указательных частиц представлены *магъа* «вот», *тагъа* «вон».

Междометия

Представлены междометия, передающие различные чувства:

сожаление – *агъ, гъа-гъарай* «ах!»;

удивление – *нагъ* «ну!, ба!» и др.

Имеется ряд междометий, которые выражают различные возгласы:

скликающие кур: *къах-къах-къах*;

отпугивающие кур: *кишкши-киш*;

призывающие корову: *чхъай-чхъай-чхъай*;

отпугивающий кур: *киш-киш-киш*;

погоняющий вола: *гъав*;

останавливающий вола: *воогъа*;

призывающий козу (козла): *бач-бач-бач* и др.

Все эти междометия в исследуемом диалекте и в тпигском говоре не отличаются.

ГЛАВА III

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БУРКИХАНСКОГО ДИАЛЕКТА

Анализ лексики буркиханского диалекта позволяет проследить различные связи ее с лексикой других диалектов. Он (анализ) дает возможность выявить, с какими диалектными единицами исследуемый диалект сохраняет более тесные связи, а с какими они ослаблены. Вместе с тем лексика буркиханского диалекта имеет заметные расхождения с лексикой как тпигского говора, так и других диалектов и говоров: в буркиханском диалекте формируется собственно диалектная лексика, которая не имеет применения в других единицах. Эту лексику можно разделить на две части. В первую входит лексика, заимствованная из лакского языка, что отражает тесные контакты жителей селения Буркихан в прошлом с Казикумухским ханством, в политической зависимости от которого они находились. К ней относятся такие слова как *бакIбахIу* «женский головной платок» (на заимствованный характер данного слова из лакского указывает А. Дирр), *хъунп* «клюв», *хIарчай* «кузнечик» и др. У А. Дирра же мы находим и ряд слово-историзмов, которые в речи современных буркиханцев не употребляются или употребляются в другом значении, ср. приводимые им в прилагаемом к монографии «Агульский язык» списке слова *дафттар* «книга» (с. 174) (в современном агульском языке это слово выступает в значении «тетрадь»), *хIоьджра* «комната» (с. 174), *маракам* «чернила» (с. 187), *Къара денгиз* «Черное море» (с. 187) и др.

Ко второй части относятся слова, которые сложились из собственно языковых ресурсов языка (путем расширения значений слов, употребления слов в иных значениях) или являются заимствованиями. Это слова, которые различаются по своему внешнему облику не только с соответствующими словами тпигского говора, но и со словами других диалектов агульского языка, например: бурк. д. *улам* «пещера» — тп. г. *улуд*, *палут* «дуб» — *махъ 'ун кIур*, *рихвас* «спрашивать» — *хабар гъуйанас*, *къвали* «куст», *тIав* «замок» — *рукъар*, *бакъал*

«жадный» – *цлупнеф*, *кьатIай* «клоун» – *ъ'абкьун*, *дулукI* «каменный каток» – *сагуг*, *хайагани* «яичница» – *куку*, *ъ'аванцай* «лягушка» – *гIуб*, *бина* «фундамент» – *хандаг*, *ккурзал* «каменная лестница» – *зулер*.

Вот список слов, указывающий на отличия в лексике буркиханского диалекта и тпигского говора: *балугъ* «рыба» – *чIекI*, *мидж* «крапива» – *кьацI икIа медж*, *хьува* «косточка плода» – *дил*, *хавакк* «серп с прямом лезвием» – *чIу-никI*, *кIаш* «палка» – *рес*, *дикьум* «нитка (не шерстяная)» – *хайатI*, *рукьан тIа-вар* «капкан» – *рукьар*, *хавар* «сказка» – *хIикат*, *цIарп* «молния» – *цIаьлаьпен*, *эйкк* «внизу» – *кIенекк*.

Продолжим этот список расхождений, так как лексический материал тпигского говора, лежащего в основе агульского литературного языка, может иметь пратическое применение: *тивит* – *сундукъ* «сундук»; *бакьал* – *сукьал* «скупой, жадный»; *ширинIай* – *руцараг* «вертушка»; *шутIухи* – *рухвагаджин* «свисток, свистулька»; *хIаре мерккв* – *рукъ* «гололедица»; *паланпус* – *пустта-лай* «гриб»; *дун* – *муьрхьуьл* «подпорка»; *кIелла* – *минара* «минарет»; *кеттгъ-уршаф* – *йанаккеф* «повивальная бабка»; *чуйкI* – *шишикI* «ячмень (на глазу)»; *маIлеф* – *шаьргваьф* «гладкий»; *чIакьвран хьаьссу гIайеф* – *чупурф* «рябой»; *кьумкьумай* – *чуйлле некьв* «глина»; *ручI* – *чиг* «роса»; *цIаку улар айеф* – *чап-рас* «косой»; *хьирхь* – *туьтуь* «слюна»; *халджек* – *хьириг* «веник»; *силевин йакк* – *хьамхьам* «десна»; *илгьван* – *лаьхIаф* «одеяло»; *цIупIцIупIай* – *кIутIкIу-тIай* «сосулька»; *кьит* – *кьахIат* «дефицитный»; *ъ'учIеф* – *кьулкьунц* «горький»; *кьамиш* – *кьаргьу* «тростник»; *ъ'апIкьиф* «отрыжка»; *ъ'уръ'аф* – *кьикъ-еф* «тяжелый»; *гьурбат* – *кьариблук* «чужбина»; *зуреф* – *кьалинф* «густой»; *хьани* – *хуптай* «потом, затем»; *хав* – *хири* «охапка»; *джимджах* – *хинзазай* «паук»; *хьалпуз* – *хаьлбисак* «арбуз»; *гьейкIиф* – *хавлат* «уединенный»; *хьали-ханф* – *фаьгIла* «подсобный рабочий»; *тIак* – *уьреген* «улей (из прутьев)» *ваI-кьас* -- *унахьас* «звать» *укъ* -- *уликкен* «горизонтальная перекладина ткацкого станка» *шинтIехьас* -- *тIухас* «завянуть» *кьатт* -- *тIаб* «пень, чурбан» *аркьур* – *тах* «ларь для хранения зерна и муки»; *тенг* – *фуниккен* «подпруга»; *тIалихI*

– *бахтт* «счастье»; *курмагІан* – *тавургІан* «дымоход»; *хиттас* – *кезурзас* «вздрогнуть»; *бушаІк* – *кара* «глухой»; *къуьреф* – *дартІаф* «тупой»; *къвар* – *дагълиз* «коридор»; *къаькъаьтІул* – *дарагадж* «виселица»; *исал* *ракъ* – *джилгъи* «тропинка»; *хавэс* – *фачийес* «отдать, вернуть»; *уф хъикас* – *уф йес* «дунуть».

Из приведенного материала видно, что во многих случаях буркиханский диалект при наименовании определенных реалий и действий обходится собственными языковыми средствами, в то время как тпигский говор использует в этих случаях заимствованные слова, ср. *цІаку* *улар айеф* и *чапрас*: *тивит* и *сундукъ*; *хъалиханф* и *фагІла* и др.

В буркиханском диалекте, в отличие от тпигского говора, некоторые слова являются многозначными; сфера употребления этих слов в указанном диалекте шире, чем в тпигском говоре: бурк. д. *хъаттикас* 1. «отказать»; 2. «отогнать», тп. г. *хъадикас* «отогнать»;

бурк. д. *кІарч* 1. «рог»; 2. «кулек», тп. г. *кІарч* «рог»;

бурк. д. *хІал* 1. «состояние, положение»; 2. «здоровье, состояние здоровья»; 3. «скалка», тп. г. *хІал* 1. «состояние, положение»; 2. «здоровье, состояние здоровья»; бурк. д. *хавар* I «сообщение, вестъ»; II «сказка», тп. г. *хабар* «сообщение, вестъ»; бурк. д. *къавум* I «дыня»; II «кум», тп. г. *къавум* «кум».

Многозначность и омонимия в буркиханском диалекте могут достигаться и за счет фонетических процессов. Один из них заключается в выпадении безударного гласного, которое влечет за собой совпадение форм у двух и более слов, ср. бурк. *хъихъас* 1. «положить за кем-, чем-либо»; 2. «погнаться за кем-, чем-либо» и тп. г. *хъихъас*. «положить за кем-, чем-либо», *ахъихъас* «погнаться за кем-, чем-либо».

Метатеза также может вызвать омонимию, ср.

бурк. д. *кІечІ* «рыба»; II «грыжа»; III «бурдюк» и
тп. г. *кІечІ* I «грыжа»; II «бурдюк», *чІекІ* «рыба».

Как известно, синонимия образуется за счет заимствованных слов. Данный процесс имеет место в тпигском говоре, в буркиханском диалекте эти понятия передаются собственными словами: бурк. д. *иреф*, тп. г. *иреф/кийар* «гнедой»; бурк. д. *ухаф*, тп. г. *ухаф/ички* «спиртной напиток».

Синонимические отношения могут складываться и на основе одних только заимствованных слов. Агульский язык в разное время заимствовал слова из арабского, тюрских, иранских и русского языков. Одно и то же понятие могло проникнуть в агульский язык из разных источников, и такие слова представляют собой абсолютные синонимы. Например, в буркиханском диалекте, как и в тпигском, слова «магазин» и «школа» заимствованы из разных источников. Ср. *магазин* (из русского языка) и *дукан* (из азербайджанского языка); *школа* (из русского языка) и *мактаб* (из арабского языка) и др.

Лексику буркиханского диалекта можно характеризовать и с точки зрения ее распространения среди диалектов агульского языка, то есть очертить ареал распространения того или иного слова. Так как задача эта сложная и требует специального исследования, мы в своей работе отметим лишь общие, наиболее характерные изолексные явления. Так, например, в употреблении слова *бахъ-лухъ* «молот» буркиханский диалект объединяется с фитинским и некоторыми (дулдугским, курагским) говорами собственно агульского диалекта и кошанским диалектом. Ему в тпигском говоре и керенском диалекте соответствует слово *кIаш*. Буркиханскому *nalɪm-t* «помет коровы» в тпигском и фитинском говоре соответствует слово *nan*. В буркиханском диалекте, наряду с ричинским, фитинским говорами, словом *гада* (бурк. д., рич. г.), *геда* (фит. г.) передается значение «сын», в тпигском ему соответствует *кIиркI*.

Имеют место некоторые схождения в лексике буркиханского и кошанского диалектов: *кIумпI* «щека» – тп. г. *хъуссуйин кьул*, *кIентIв* «губа» – тп. г., фит. г. *муъул*, *къабанф* (кош. *гIабанир* – тп. г. *хIаф* «большой», бурк. д., кош. *ахас* «спать» – тп. г. *гъархъас*;

буркиханского и керенского диалектов: бурк. д. *nlaldʒ*, рич. г. *nlalʒ* «лист дерева» – тп. г., фит. г. *ɟlab*, бурк. д., кер. д. *укъарф* (ср. *укъар* «баран») «самец» – тп. г. *иллеф*, фит. г. *иллит*, бурк. д., кер. д. *ахча* «деньги» – тп. г. *пул*, бурк. д., кер. д. *йаъ* *ʔ(ɟ)amɫas* «ломаться, разбиться» – тп. г. *apɟɫas* «разбиться»;

буркиханского, кошанского диалектов и фитинского говора: бурк. д. *шихъ*, кош. д. *шахъхъ* «желудок», фит. г. *шихъ* «внутренности» – тп. г. *къарфун* «желудок», *ɟɫан* «внутренности», *мац* «очаг» – тп. г. *ɟɫуфул*, бурк. д., кош. д., фит. г., рич. г. *кквар* «межа» – тп. г. *amɫуб*.

Отдельные совпадения в лексике встречаются между буркиханским диалектом и фитинским говором: бурк. д. *ккамккам*, фит. г. *ккалккам* «подбородок» – тп. г. *мучɫур*;

буркиханским диалектом и цирхинским говором: *баъ* ' «чулок, носок» – *гугɫан*, *къулла* «родник» – *булах*;

буркиханским, керенским диалектами и цирхинским говором: *букъац* «свинья»; в других диалектных единицах в этом значении выступает слово *вакк*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одноаульный буркиханский диалект занимает западную окраину агульского языка и граничит на юго-западе с керенским диалектом, а на севере и юго-востоке с собственно агульским диалектом. Такое положение данного диалекта среди других диалектов определяет характер его особенностей, которые во многих случаях имеют сходные черты как с собственно агульским (тпигским), так и с керенским диалектами. Некоторые фоно-морфологические и лексические признаки сближают его также с кошанским диалектом.

В области фонетики в описываемом диалекте имеет место выпадение гласного, которое влечет за собой совпадение форм, последнее, в свою очередь, приводит к омонимии и многозначности, ср. бурк. д. *х̣их̣ьас* 1. «гнаться (за кем-, чем-либо)»; 2. «положить (за кем-, чем-либо)» и тп. г. *ах̣их̣ьас* «гнаться (за кем-, чем-либо)», *х̣их̣ьас* «положить (за кем-, чем-либо)». Ударение в буркиханском диалекте может выполнять смыслоразличительную функцию, ср. *ápxl̥as* «подпереть», но *apxl̥as* «стричь (овец)». Собственно, данному процессу предшествовало расширение начального гласного ($u > a$) в слове *apxl̥as*, что вызвало совпадение форм, ср. тп. г. *upxl̥as* «подпереть».

В буркиханском диалекте как одну из особенностей, отличающих его от тпигского говора, можно отметить фарингализацию гласных при шипящих и губных согласных (*ччаIm* «масло», *maIp̥mtef* «чистый»). Этот процесс распространен наряду с буркиханским диалектом в ричинском говоре и кошанском диалекте.

С кошанским диалектом буркиханский сближает и переход зубного звонкого δ в спирант p . Это приводит к развитию омонимии, ср. бурк. д. *х̣ыр* 1. «весна»; 2. «женщина, жена» и тп. г. *х̣ид* «весна», *х̣ыр* «женщина, жена»; бурк. д. *ч̣ир* 1. «блоха»; 2. «нива» и тп. г. *ч̣ид* «блоха», *ч̣ир* «нива». Указанный процес в буркиханском диалекте распространен не так широко, как в ко-

шанском диалекте. В исследуемом же диалекте, подобно кошанскому, конечный *в* в слове может выпасть (*тlу* «палец», ср. соб. аг. *тlуб*).

Буркиханского диалекта коснулась тенденция оглушения звонкого увулярного спиранта *гъ* > *х* : *хав* «охапка», *цlахун* «бревно», *кулех* «бусина». Тпигский говор вместе с ограниченным количеством говоров собственно агульского диалекта сохранил исконный *гъ*: *гъаб* «охапка», *цlагъун* «бревно», *кулагъ* «бусина». Этот процесс перекинулся и на фарингализованные согласные, ср. *хlар* и тп. г. *гlур* «мука», *рахl* и *рагl* «мельница» и др. Данный процесс также приводит к омонимии: 1. *хилl* «рука»; 2. «спица колеса» (тп. г. *гъил* и *хил* соответственно); *хlар* 1. «мука»; 2. «село» (тп. г. *гlур* и *хlур* соответственно).

Различия в суффиксах множественного числа между буркиханским диалектом и тпигским говором относятся к фонетическим. Буркиханский суффикс *-вур*, который присоединяется к именам существительным с гласным исходом, соответствует тпигскому суффиксу множественного числа *-бур*. Оба суффикса являются вариантом **-бар* (А.А. Магометов). Наиболее специфичным показателем эргатива для буркиханского диалекта является показатель *и*. На долю продуктивных показателей эргатива в буркиханском диалекте приходится 70% лексики имен существительных, из них на долю показателя *-и* выпадает 30%. Ему в тпигском говоре могут соответствовать показатели *-у*, *-а*, *-ела*.

Яркой особенностью буркиханского диалекта, в отличие от других диалектов, служит отсутствие в нем направительных падежей, чьи функции выполняют локативные (местные) падежи. В этом буркиханский диалект сближается с ричинским говором керенского диалекта. Имеют место расхождения в употреблении местных падежей, которые встречаются между буркиханским диалектом и тпигским говором. В тпигском говоре в функции орудия действия выступает направительный падеж серии на *-л*. В отличие от него, в буркиханском диалекте указанный падеж выражается формой эргативного падежа. Ср. бурк. д. *Зун йагlартlарийа кlурар йакl-вани* «Я рублю дрова топором» при тп.

г. *Зун къатI аркъайа кIурар йакIвала-лди*. В буркиханском диалекте исходный на *-лас* может выступать вместо тпигского напраивтельного на *-ъас*. Ср. *Дара гъушунай базари-лас йакк* «Отец купил на базаре мясо» при *Дада гъушуне базари-ъас йакк*.

В местоимениях буркиханского диалекта в сравнении с тпигским говором имеется ряд различий. В буркиханском диалекте, в отличие от тпигского говора, вопросительное местоимение множественного числа *фишар* «кто?» косвенную основу образует супплетивно, ср. бурк. *фишар* – *гъанари*, но тп. г. *фушар* – *фушари*. Другие различия, встречающиеся между буркиханским диалектом и тпигским говором в местоимениях, носят фонетический характер. Так, например, в буркиханском диалекте представлены усеченные формы в указательных и притяжательных местоимениях множественного числа: *мур* (тп. г. *мебур*) «эти», *тур* (тп. г. *тебур*) «те» ...; *мурин* (тп. г. *мебуurin*) «этих», *турин* (тп. г. *тебуurin*) «тех» и т.д.

В агульском языке двадцатиричный счет представлен в керенском диалекте, в других диалектах представлена десятичная система счисления. Однако необходимо отметить, что десятичный счет в агульском языке не встречается в чистом виде. В тпигском говоре числительные шестьдесят и восемьдесят имеют параллельные формы: *йехъцIур* / *хъибукъад* «60» и *майцIур* / *йакъукъад* «80». В буркиханском диалекте эти числительные сконструированы по десятичной системе: *йехъцIур* и *майцIур*.

В образовании видовременных форм глагола большую роль играют вспомогательные глаголы абстрактного и конкретного значения: *э* «есть, суть» и *а/ариа* «есть, находится». Буркиханскому вспомогательному глаголу *а/ариа* в тпигском соответствует *а/айа*. Форма *а* является усеченной от *айа/ариа*. Как буркиханская *ариа*, так и тпигская *айа* восходят к форме *ада*, которая представлена в фитинском говоре: *ада* > *ариа* > *айа*. Деепричастия также играют важную роль в образовании глагольных форм. В буркиханском диалекте, в отличие от тпигского говора, детерминативный суффикс, отсутствующий в ин-

финитиве, появляется в деепричастии настоящего времени. В тпигском говоре он представлен и в инфинитиве; ср. бурк. д. *гъуз-ас* «стоять» – *гъуз-ан-ди* и тп. г. *гъуз-ан-ас* – *гъуз-ан-ди*. Буркиханский диалект в отношении детерминативного суффикса занимает позицию между диалектами, где он вовсе не представлен (ср. кер. д. *гъуз-ас* – *гъуз-ай* «стоя») и диалектами, где он выступает и в инфинитиве, и в деепричастии настоящего времени, как это имеет место в тпигском говоре.

Некоторые временные формы в буркиханском диалекте и тпигском говоре образуются по-разному. Так, при образовании прошедшего основного времени в буркиханском диалекте к деепричастию прошедшего времени присоединяется вспомогательный глагол *-ай*, а в тпигском говоре – *-е*, ср. *акъунай* и *акъуне* «сделал».

В образовании причастий нет особых отличий между буркиханским диалектом и тпигским говором. Причастия, как и прилагательные, присоединяют суффикс *-ф* и при самостоятельном употреблении склоняются так же. Представлены органические и аналитические формы причастий, от которых при помощи вспомогательных глаголов образуются различные временные формы.

В буркиханском диалекте, как и в агульском в целом, имеется богатая система наклонений, которая наряду с чертами общими с тпигским говором имеет и отличия. К примеру, в описываемом диалекте формы единственного и множественного числа повелительного наклонения 2 лица различаются, в то время как в тпигском говоре они не разграничены: бурк. д. *акъас* «делать» – ед. ч. *акъе* «делай!», мн. ч. *акъерай* «делайте!»; тп. г. *акъас* – ед. ч., мн. ч. *акъе* «делай!, делайте!».

Повелительная форма 3 лица по числам не изменяется и образуется посредством суффикса *урай/-урай*: *ликIес* «писать» – *ликIурай* «пусть пишет!», «пусть пишут!»; *акъас* «делать» – *акъурай* «пусть делает!», «пусть делают!».

В агульском языке представлена система превербов, которая соответствует системе местных падежей: *хъ-* «за», *-л* «на (горизонтальной плоскости)», *к-*

«на (вертикальной плоскости)», *кк*- «под», *гI*- «между», *ф*- «около, рядом», *гъ*- «перед», *ъ*- «внутри». Помимо пространственных превербов, представлены и направительные превербы: *ч* «по направлению к объекту», *тт* «по направлению от объекта», *гъ* «вверх» и *й* «вниз». Направительные превербы, обычно, в глаголах выступают совместно с пространственными и следуют за ними: *ъа-ча-гIас* «войти (в полое пространство)». Здесь буркиханский диалект не имеет отклонений. Система направительных превербов буркиханского диалекта, вместе с тем, имеет и некоторые особенности. К примеру, отдельные глагольные основы с направительным превербом «вверх» осложняются согласным *тт*, который, по всей вероятности, является компонентом, выступающим со значением «туда». Такие глаголы обозначают движение, направленное «туда вверх»: *ъаттгъархъас* «появляться там наверху в (полном пространстве)», ср. тп. г. *ъагъархъас* то же, где элемент *тт* отсутствует.

В буркиханском диалекте отмечается утрата направительного преверба *тт* «по направлению от объекта». Это происходит в случае, когда за направительным превербом следует лабиальный гласный:

ъачучIас «влезть (в полое пространство)» – *ъавчIас* «вылезть (из полого пространства)»

гъачучIас «влезть спереди» – *гъавчIас* «вылезть спереди»

гIачучIас «влезть между...» – *гIавчIас* «вылезть между...» и т.д.

Ср. тп. г.:

ъачучIас – *ъайчIвас*

гъучучIас – *гъайчIвас*

гIачучIас – *гIайчIвас* и т.д.

Основным способом образования служит суффиксальный, встречается и способ сложения основ. В буркиханском диалекте и в тпигском говоре наречия образа действия в случаях, когда основы, от которых они образованы, оканчиваются на гласный, оформляются разными суффиксами: в первом – суффиксом *-ири*, а во втором – *-и*: *йарх-еф* «длинный» – *йарх-ири* «длинно», ср. тп. г.

ирх-еф – *ирх-и* и т.д. А в случаях, когда основа оканчивается на сонорный согласный, и в буркиханском диалекте, и в тпигском говоре они присоединяют суффикс *-ди*: *батIар-ф* «красивый» – *батIар-ди* «красиво», *джин* «джин» – *джин-ди* «скрыто, тайно». Наречия времени в буркиханском диалекте и в тпигском говоре имеют некоторые различия. Ср. бур. д. *багазь* «завтра» – *багазь-ми* «утром» – *багазьми-ри* «с утра» и тп. г. *багазь* – *багазь-ми* – *багазьми-кес*.

Лексика буркиханского говора имеет свою специфику. В отличие от тпигского говора, здесь имеется определенное количество лексем, проникших из лакского языка, что указывает на тесные контакты жителей селения Буркихан в прошлом с Казикумухским ханством. В буркиханском же диалекте в сравнении с другими диалектами, встречается архаическая лексика. Архаизм буркиханской лексики вытекает и из того факта, что во многих случаях при наименовании определенного реалия буркиханский диалект прибегает к языковым средствам собственного языка, в то время, как другие диалекты используют заимствованные слова. Ср. *цIаку улар айеф* «косоглазый» и тп. г. *чапрас*, *хъалиханф* «подсобный рабочий» и тп. г. *фагIла* и др.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ср.	—	сравни
поэт.	—	поэтический
уст.	—	устаревший
тп. г.	—	тпигский говор
хп. г.	—	хпюкский говор.
соб. аг. д.	—	собственно агульский диалект
таб.	—	табасаранский язык
бурк. д.	—	буркиханский диалект
кош. д.	—	кошанский диалект
фит. г.	—	фитинский говор
лит.	—	литературный язык
кер. д.	—	керенский диалект
лезг.	—	лезгинский язык
буд.	—	будухский язык
цир. г.	—	цирхинский говор
зоол.	—	зоологический
мат.	—	материалы
эрг. п.	—	эргативный падеж
анат.	—	анатомический
Уч. зап.	—	Ученые записки
изд-во	—	издательство
АН Груз. ССР	—	Академия наук Грузинской ССР
ИКЯ	—	Иберийско-кавказское языкознание
хут. г.	—	хутхульский говор
ус. г.	—	усугский говор
худ. г.	—	худигский говор
см.	—	смотри

пов. ф.	—	повелительная форма
мн. ч.	—	множественное число
эрг. п.	—	эргативный падеж
дат. п.	—	дательный падеж
род. п.	—	родительный падеж
ед. ч.	—	единственное число
эксключ.	—	эксключив
инклюз.	—	инклюзив
мест. п.	—	местный падеж
исх. п.	—	исходный падеж
л.	—	лицо
деепр. н. вр.	—	деепричастие настоящего времени
деепр. пр. вр.	—	деепричастие прошедшего времени
запр. ф.	—	запретительная форма
гор. пл.	—	горизонтальная плоскость
верт. пл.	—	вертикальная плоскость
накл. пл.	—	наклонная плоскость
напр. п.	—	направительный падеж
мест.-напр. п.	—	местно-направительный падеж
ЯЛИ	—	языка, литературы и искусства
ИАЭ	—	истории, археологии и этнографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. 158 с.
2. Алексеев М.Е. О методике сравнительно-исторических исследований (на материале дагестанских языков) // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала, 1976. С. 114–143.
3. Алексеев М.Е. Превербы в крызском и будухском языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
4. Алексеев М.Е. Традиции Н.С. Трубецкого в восточнокавказской компаративистике // Н.С. Трубецкой и современная филология. М.: Наука, 1993. С.200–210.
5. Алексеев М.Е., Загиров В.М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1992. 96 с.
6. Алексеев М.Е., Сулейманов Н.Д. Агульский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 1999. С. 399–408.
7. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. 99 с.
8. Бокарев Е.А. Опыт реконструкции вокализма общелезгинского языка: Тезисы докладов научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа. Махачкала, 1965.
9. Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М.: Наука, 1981. 140 с.
10. Бокарев Е.А., Мадиева Г.И. Бежтинский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 455–471.
11. Гаджиев М.М. Следы грамматических классов в лезгинском языке // Уч. зап. Института ИЯЛ. Т. 5. Махачкала, 1958.
12. Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка. (По данным сел. Ахты). Махачкала, 1961. 165 с.

13. Гайдаров Р.И. К вопросу о т.н. «геминатах» в лезгинском языке // Уч. зап. Даггосуниверситета. Вып. 1. Махачкала, 1957.
14. Гайдаров Р.И., Гасанова Р.Р. Арабский пласт лексики агульского языка. Махачкала, 1996. 76 с.
15. Гаприндашвили Ш.Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 317 с.
16. Гасанова С.Н. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточнолезгинских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1992. 21 с.
17. Гасанова С.Н. Заимствованные компоненты в составе соматических фразеологических единиц лезгинских языков // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Махачкала, 1992. С. 151–156.
18. Гасанова С.Н. Особенности выражения числительного в агульском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 1997. С. 71–72.
19. Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Изд-во ун-та, 1977. 165 с.
20. Гудава Т.Е. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 223 с.
21. Гудава Т.Е. К вопросу о фарингальных согласных в аварско-андийских языках // ИКЯ. Т. 9–10. Тбилиси, 1968.
22. Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964.
23. Джейранишвили Е.Ф. Окаменелые элементы грамматических классов в глагольных основах и отглагольных именах удинского языка // ИКЯ. Т. 8. Тбилиси, 1956.
24. Джейранишвили Е.Ф. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухарского (рутульского) языков: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Тбилиси, 1966.

25. Дирр. А.М. Агульский язык. Грамматический очерк, тексты, сборник агульских слов с русским к нему указателем. Тифлис, 1907. 188 с.
26. Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.
27. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941. 131 с.
28. Жирков Л.И. Законы лезгинского ударения // Язык и мышление. Т. 10. М.; Л., 1940.
29. Жирков Л.И. законы лезгинского ударения // Язык и мышление. Т. 10. М.; Л., 1940. }?
30. Загиров В.М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987. 143 с.
31. Ибрагимов Г.Х. Фарингализованные звуки в цахурском и рутульском языках // Ежегодник ИКЯ. Т. 1. Тбилиси, 1974. С. 191–203.
32. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М.: Наука, 1990. 239 с.
33. Кибрик А.Е. Глагольная морфология. Часть I // Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1988. С. 36–37.
34. Кибрик А.Е. Именная морфология. Часть II. // Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1990. С. 36–37.
35. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1988. 226 с.
36. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. Изд-во Мос. ун-та, 1990. 364 с.
37. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.
38. Климов Г.А. Вопросы сравнительно-генетических исследований. Л.: Наука, 1971.
39. Климов Г.А. Место Н.С. Трубецкого в кавказском языкознании // Н.С.Трубецкой и современная филология. М.: Наука, 1993. С. 189–199.

40. Кодзасов С.В. Фарингально-ларингальное сужение в дагестанских языках // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала, 1986. С. 16–4.
41. Кодзасов С.В. Фонетика. Часть III // Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1990. С. 340–341.
42. Лексика 1971. – Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. Махачкала, 1971. 295 с.
43. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 336–350.
44. Магомедова С.Д. О многоформантности эргатива в агульском языке // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992.
45. Магомедова С.Д. О некоторых вариантах эргатива в агульском языке // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1999 гг. Махачкала, 1994.
46. Магомедова С.Д. Склонение имен в агульском языке // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 21 с.
47. Магометов А.А. Лабиализованные звуки и фонемы в табасаранском и агульском языках // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1974. С. 169–179.
48. Магометов А.А. Агульский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 562–579.
49. Магометов А.А. Агульский язык. (Исследование и тексты). Тбилиси: Мецниереба, 1970. 242 с.
50. Магометов А.А. Краткий обзор фонетики табасаранского языка // ИКЯ. Т. 11. Тбилиси, 1959. С. 313–337.
51. Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1963. 341 с.

52. Магометов А.А. Личные местоимения лезгинских языков // Вестник Отделения общественных наук Груз. АН ССР. Тбилиси, 1963, № 4.
53. Магометов А.А. Превербы в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках) // ИКЯ. Т. 8. Тбилиси, 1956. С. 315–340.
54. Магометов А.А. Реликты грамматических классов в агульском языке // Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР. Тбилиси, 1962, №3.
55. Магометов А.А. Рефлексы фарингализованных согласных в агульском языке // ИКЯ. XV. Тбилиси, 1966.
56. Магометов А.А. Соответствия лабиализованных шипящих и заднеязычных в агульском языке // Сообщения АН Груз. ССР, XXXIII, № 3. Тбилиси, 1964.
57. Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниерба, 1965. 398 с.
58. Мейланова У.А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970. 192 с.
59. Мейланова У.А. О категории грамматического класса в лезгинском языке // Уч. зап. Института ИЯЛ. Т. 10. Махачкала, 1962.
60. Мейланова У.А. Об отражении категории класса в именах существительных дагестанских языков // Уч. зап. Института ИЯЛ. Т. 8. Махачкала, 1964б.
61. Мейланова У.А. Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 52–59.
62. Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии. М.: Наука, 1964а.
63. Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Преруптивы в консонантной системе лезгинского языка. – Ежегодник ИЛЯ, т. XIV. Тб., 1987.
64. Мерданова С.Р. К вопросу о семантике основных падежей в агульском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 1. Махачкала, 1996. С. 36.

65. Мерданова С.Р. К вопросу о структуре слога в агульском языке // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала, 1997.
66. Мерданова С.Р. Система гласных агульского языка в сопоставлении с русским вокализмом // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала, 1997. С.81–84.
67. Муркелинский Г.Б. Лакский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 488–507.
68. Старостин С.А. О реконструкции пралезгинской системы гласных // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Литературоведение, текстология, лингвистика. М., 1975 а.
69. Старостин С.А. О реконструкции пралезгинской фонологической системы (консонантизм) // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Литературоведение, текстология, лингвистика. М., 1975 б.
70. Старостин С.А. Реконструкция пралезгинских именных косвенных основ на гласный // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Девятая региональная научная сессия: Тезисы докладов. Махачкала, 1981. С. 75–76.
71. Сулейманов Н.Д. Агульско-русские языковые связи // Материалы контактологического словаря «Национально-русские языковые связи». Махачкала 1991. С. 22–30.
72. Сулейманов Н.Д. Глагол в керенском диалекте агульского языка // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. С. 135–154.
73. Сулейманов Н.Д. Глагольная фразеология агульского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1986. 22 с.
74. Сулейманов Н.Д. К истории формирования направительных морфем с вертикальной ориентацией в дагестанских языках (историко-типологический аспект) // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992. С. 108–130.

75. Сулейманов Н.Д. К структуре корня в дагестанских языках // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2000, № 7.
76. Сулейманов Н.Д. Модификация гласных под влиянием фарингализованных и палатализованных согласных в диалектах агульского языка: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1998–1989 гг. Махачкала, 1990. С. 70.
77. Сулейманов Н.Д. Направительные превербы агульского языка // Мат. Шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980. С. 202–209.
78. Сулейманов Н.Д. Общеагульская лексика // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Махачкала, 1992. С. 63–75.
79. Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. 210 с.
80. Талибов Б.Б. Агульский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990. С 17.
81. Талибов Б.Б. Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы // Уч. зап. Института ИЯЛ. Т. 7. Махачкала, 1960 б.
82. Талибов Б.Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Мат. Первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. С. 80–99.
83. Талибов Б.Б. К вопросу об ограниченном числе в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 90–92.
84. Талибов Б.Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960а.
85. Талибов Б.Б. О процессе делабиализации лабиализованных согласных в лезгинских языках // Сборник статей по вопросам дагестанского и вайнахского языкознания. Махачкала, 1972.
86. Талибов Б.Б. О процессе оглушения звонких согласных в лезгинских языках // Ежегодник ИКЯ. IV. Тбилиси, 1977.

87. Талибов Б.Б. Редукция согласных в лезгинских языках // ВЯ, 1976, № 6.
88. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука 1980. 350 с.
89. Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. 287 с.
90. Тарланов З.К. К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // Вопросы языкознания, 1980, № 3.
91. Тарланов З.К. Опыт системного анализа личных местоимений в восточно-лезгинских языках // Вопросы языкознания, 1977, № 5.
92. Тарланов З.К. Рецензия на работу Магометова А.А. «Агульский язык» // Вопросы языкознания, 1972, № 2. С. 141–143.
93. Тарланов З.К. Тенденция к динамике глагольных наклонений в восточно-лезгинских языках // Вопросы языкознания, 1993, № 3. С. 96–105.
94. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 560 с.
95. Услар П.К. Этнография Кавказа, т. 6. Языкознание. Кюринский язык. Тифлис, 1896.
96. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание, т. 7. Табасаранский язык. Тбилиси, 1970. 1070 с.
97. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. 179 с.
98. Ханмагомедов Б.Б. К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы // Уч. зап. Института ИЯЛ. Т. 4. Махачкала, 1958.
99. Хидиров В.С. Основные категории глагола в крызском языке (в сравнении с соответствующими категориями глагола в лезгинском и хиналугском языках. // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку 1964.
100. Хидиров В.С. Особенности глагольного словообразования в крызском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981.

101. Чикобава А.С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1948.
102. Чикобава А.С. Грамматические классы имен в иберийско-кавказских языках: общие вопросы, системы и истории // Ежегодник ИКЯ. V. Тбилиси, 1978. С. 9–27.
103. Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.; Л., 1941. 198 с.
104. Шаумян Р. Предварительное сообщение об агульском языке. Отдельный оттиск. М.; Л., 1936. С. 203–236.
105. Шаумян Р. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке // Язык и мышление. Т. 6–7. М.; Л., 1936.
106. Шор Р. К вопросу о так называемых «геминатах» (усиленных смычных) в яфетических языках Дагестана // Языки Северного Кавказа и Дагестана, № 1. М.; Л., 1935. С. 135–154.
107. Ярцева В.Н. Н.С. Трубецкой и современная лингвистика // Н.С. Трубецкой и современная филология. М.: Наука, 1993. С. 14–30.
108. Erckert R. Du Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.